

Майк Германов

БЕЗЛИКИЙ

Он должен разгадать этот
шифр, иначе кто-то
умрет...

О П А С Н Ы Й П Р И Ё М

18+

Annotation

Царское Село – идеальное место для воскресной экскурсии или свадебной фотосессии. И вместе с тем – для жестокого ритуального убийства... Ранним июньским утром глазам парочки велосипедистов предстало жуткое зрелище: Царь-ванна, полная мутной ржавой воды, а в ней окровавленный труп пожилого мужчины без лица с выжженным на груди клеймом. А рядом на стене – послание, содержащее намек на имя следующей жертвы... Следователь Валерий Самсонов должен разгадать этот шифр в кратчайшие сроки, иначе умрет еще один невинный человек. Но Валерий лишь человек, он ошибается, и маньяк убивает снова. Остается лишь один шанс понять, чего хочет монстр, пожирающий лица своих жертв...

- [Майк Германов](#)
 -
 -
 - [Глава 1. Царь-ванна](#)
 - [Глава 2. В трех соснах](#)
 - [Глава 3. Последний заплыв](#)
 - [Глава 4. Ультиматум](#)
 - [Глава 5. Огненный цветок](#)
-

Майк Германов

Безликий

© Германов М., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

*Я приведу вас в
пустыню народов, и мы
будем лицом к лицу, и Я
буду судить вас.*

(Иезекииль 20:35)

Глава 1. Царь-ванна

Среда, 2 июня

Каждый раз накануне своего дня рождения мама брала нас с Мариной, и мы ехали на автобусе в Екатерининский парк, чтобы погулять среди бело-голубых дворцов с огромными окнами и бронзовыми атлантами. Теперь их покрасили охрой, и они выглядят тусклыми, а когда-то сверкали не хуже Золотых ворот.

Пока отец был на работе, мы ходили по дорожкам, а потом сидели на траве, подстелив покрывало, и ели бутерброды с сыром и вареной колбасой, разрезанные пополам помидоры и огурцы, которые нужно было посыпать солью, и яйца.

В то время я не обращал особого внимания на то, что окружало меня, потому что каждая такая поездка была в первую очередь приятным приключением, *путешествием*, а не осмотром достопримечательностей. Поэтому планировка и архитектура Пушкина долго оставались для меня абстракцией, смутно возникающей на фоне воспоминаний о наших «приключениях».

Потом я иногда думал, почему мама возила нас с сестрой на эти прогулки именно накануне своего дня рождения. Ответа на этот вопрос я не нашел, но однажды, размышляя об этом, вдруг осознал, что не могу вспомнить ее лицо. В смысле молодого. Оно стерлось из памяти, осталось лишь ощущение, что мама была другой.

Я проехал мимо Египетских ворот, служащих пропиляями. Когда-то через них действительно можно было попасть в Пушкин, но после реставрации, проведенной в восьмидесятых, дорогу пустили вокруг памятника, сделав его чисто декоративным.

Свернув на Дворцовую улицу, я оказался в Царском Селе и покатил между деревьями двух скверов, расположенных по обе стороны проезжей части.

Основанный в 1710 году как императорская загородная резиденция, Пушкин претерпел множество изменений и перестроек, повидал во время Великой Отечественной войны немецких оккупантов, потерял часть достопримечательностей, которые были разрушены снарядами и пожарами. Однако одну из них не смогли одолеть даже фашисты – именно к ней я и направлялся.

У нас в «Серийном отделе» бывают недели затишья, но бывают и

периоды, когда работать приходится чуть ли не сутками. К счастью, маньяки в Питере объявляются не так уж часто.

Конечно, если бы можно было идентифицировать все серийные убийства, которые происходят, дело обстояло бы иначе – наверное, нам было бы не продохнуть. Но проблема в том, что далеко не все маньяки имеют свой «почерк». Большинство не выкладывает из порубленных тел сцены с полотен эпохи Возрождения, не приделывает к трупам орлиные крылья, не вырезает на своих жертвах сатанинские пентаграммы. Некоторые просто убивают. И объединить подобные случаи в серию невозможно.

Наш отдел занимается только теми делами, которые имеют явный «почерк».

На этот раз случай был именно такой.

Поскольку Пушкин входит в состав Петербурга, расследование передали нам. Мой друг и коллега Дремин, как назло, улетел с женой в Пекин проводить отпуск, и поселиться у него на время расследования мне не светило (дело в том, что он как раз недавно переехал в Пушкин и успел даже сделать ремонт). Мотаться же каждый день из Питера было хоть и не очень далеко, но неудобно, поэтому я обдумывал по дороге, нельзя ли снять на несколько дней комнату за счет бюджета отдела.

Конечно, это были пустые фантазии: приди я к своему начальнику Павлу Петровичу Башметову, с подобной идеей, он рассмеялся бы мне в лицо.

В детстве мы с сестрой часто ездили в Пушкин не только с мамой, но и всей семьей. Это тоже было здорово. Отец всегда брал с собой фотоаппарат – черный «Зенит» в коричневом кожаном футляре, – и мы позировали у каждого дворца, у каждой беседки и на каждом мостике.

Особенно мне нравились наши осенние визиты, когда с деревьев облетали багровые, желтые, оранжевые и красные листья, выстилавшие дорожки пушистым упругим ковром. Мама и Марина всегда собирали кленовые, чтобы сделать из них венок, который потом долго хранился дома – пока не засыхал настолько, что рассыпался, стоило взять его в руки.

Теперь я не хожу по опавшим листьям. С тех пор как увидел торчащую из-под них, опухшую бело-синюю руку со скрюченными пальцами и почерневшими ногтями. Женщину расчленили, выпотрошили и бросили в парке возле шоссе, припорошив прелой листвой. Ее нашла утром собачница, выгуливавшая Лабрадора.

Мы выехали тогда на вызов, но «серия» не подтвердилась: других подобных трупов обнаружено не было, и делом занялся убойный отдел.

Еще в Пушкине мне запомнились маленькие деревянные домики, раскрашенные «под кирпич». Так удивительно было видеть их рядом с современными домами. Теперь, проезжая по улицам Царского Села, я невольно высматривал их, но не заметил.

Я припарковал свой «Олдсмобиль» на дорожке Баболовского парка – там, где она переходит в мостик через пруд со знаменитой «каменной ванной», по сути представлявшей собой искусственный порог под мостом.

Разросшиеся деревья окружали дорожки подобно старым дряхлым часовым, некогда могучим, а теперь доживающим последние годы, кусты обрамляли пруд, местами спускаясь к самой воде, затянутой зеленой ряской.

Едва я вылез из машины, ко мне направился местный опер. Среднего роста, коренастый, он был одет в плотную куртку, несмотря на то, что вечер выдался теплый.

Я молча предъявил удостоверение.

– Лейтенант вас ждет. – Опер махнул в сторону развалин, где среди зарослей виднелись фигуры полицейских и натянутая желтая лента.

Я отправился на поиски того, кто занимался местом преступления до моего прибытия. Проходя через мостик, не удержался и перегнулся через перила, чтобы взглянуть на воду. Из-за осевшей на выстилающих дно бульжниках ржавчины она казалась желтоватой. Не хотелось бы свалиться в нее и сломать себе руку или ногу: для ныряния здесь было слишком мелко.

Когда я оказываюсь на мосту – неважно, высоком или низком, – меня тянет посмотреть вниз, на текущую или колышущуюся воду. В такие мгновения все тело, начиная с ног, охватывает оцепенение, и думаешь лишь о том, что там внизу, в черной сверкающей пучине.

Холод и отсутствие воздуха.

Ужас погружения и вода, рвущаяся в твои легкие.

Заставив себя оторваться от перил, я двинулся дальше. Обогнув по дорожке заросли кустов, я направился к развалинам из красного кирпича, обнесенным полицейской лентой.

Это был Баболовский дворец. Сейчас от него мало что осталось, но все равно было видно, что строился он в виде маленького готического здания с узкими, начинавшимися от самого пола стрельчатыми окнами. Крыша была только на круглом павильоне, где располагалась Царь-ванна, но она выглядела слишком новой, из чего я сделал вывод, что соорудили ее не так уж давно – видимо, чтобы защитить достопримечательность от дождя и снега.

Заметив полицейского без формы, я подошел прямо к нему.

– Старший лейтенант Самсонов, меня прислали из Питера, – сказал я, протягивая руку.

– Димитров, – представился тот, окинув меня нарочито равнодушным взглядом.

Он был невысок, но плечист, под рыжей курткой из тонкой кожи виднелись мускулистые руки и грудь – полицейский явно немало времени проводил в качалке.

– Быстро вы приехали, – добавил он, проведя ладонью по темным волосам, отчего они не стали лежать ни лучше, ни хуже.

– Прилетел на крыльях долга, – ответил я, осматриваясь. – Где труп?

– Внутри. – Димитров указал на пролом в стене, к которому вели дощатые мостки. – Посмотрите?

– Может, сразу перейдем на «ты»? – предложил я. – Работать-то вместе.

Лейтенант слегка пожал плечами – мол, да как угодно.

– Хорошо, – сказал он. – Тогда я – Рома.

– Валера.

Димитров кивнул и пошел к пролому, на ходу объясняя, что случилось.

– Тело нашли местные велосипедисты. У них маршрут проходит через Баболовский парк, и сюда они часто заезжают передохнуть. Заглянули внутрь и увидели, что ванна наполнена водой, и в ней кто-то плавает. Человек не шевелился, и они его окликнули. Он не ответил, тогда один из велосипедистов полез внутрь и нашел труп. – Димитров вскарабкался по мосткам и вошел в развалины, исчезнув из виду.

– Тело достали? – спросил я, залезая следом.

Внутри пахло человеческими экскрементами и тиной.

– Да. Воду еще не сливали. Ждем, пока насос подвезут. Криминалисты взяли пару литров на анализ, соскобы какие-то сделали. В общем, можно осушать.

Я переступил с мостков на полати, идущие вокруг знаменитой гранитной Царь-ванны, в которой купалась Екатерина Великая. Этого серого каменного монстра не смогли поднять и увезти в Германию в виде трофея даже фашисты – сорок восемь тонн оказались неподъемными. Теперь же вместо молока в ней была желтоватая вода, из которой перед моим приездом извлекли труп.

Лично я принимаю ванну очень редко. Мне попросту лень ждать, пока наберется вода, да и помещаюсь я в нее не целиком. Ноги не распрямишь. Вот если бы у меня была квартира побольше... но это мечты.

Словом, как правило, я принимаю душ. Но иногда все же хочется просто полежать в воде, закрыв глаза, и подумать о чем-нибудь отвлеченном. В таких случаях я всегда потом вылезаю из ванны прежде, чем вытащить затычку.

В детстве мама читала и пересказывала потом отцу книгу, где рассказывалось о змеях, заползавших в канализационные трубы и нападавших на жильцов. С тех пор я опасюсь скользких тварей и потому не остаюсь там, куда они могут проникнуть через какое-нибудь отверстие.

Все это пронеслось в моей голове, пока я смотрел на воду, заполнявшую каменный резервуар. Здесь, конечно, не было ни труб, ни затычек.

Я поднял взгляд. На стенах виднелись сделанные краской надписи: буквы, цифры и разные символы.

– Эти художества были тут до убийства? – спросил я.

– Велосипедисты говорят, что только те, которые нанесены черной и синей красками, – ответил Димитров. – Те, что белой, – свежие. Думаешь, их оставил убийца?

– Когда велосипедисты были тут последний раз? Не считая сегодняшнего, естественно.

– Вчера вечером. Около половины девятого. Надписей не было.

Я прошелся по полатам, прогибавшимся так, что казалось: вот-вот проломятся, и я полечу вниз. А до пола было метра два – по высоте ванны.

Белые надписи в полутемном помещении выделялись особенно хорошо. Будь я убийцей и если бы хотел обратить внимание полиции на свое послание, выбрал бы именно этот цвет.

Я взгляделся в линии и кружки, тесно выведенные на старых кирпичных стенах.

– Похоже на ноты, – подсказал Димитров, наблюдая за мной.

Он был прав.

– Надо узнать, что это за мелодия, – сказал я.

– Зачем?

– На всякий случай. Сделали фотографии?

– Да. Если надо, могу дать копии.

– Пригодятся. – Я перевел взгляд на ванну. – А откуда здесь вода?

– Без понятия.

– Но не ведром же убийца ее натаскал.

Димитров усмехнулся:

– Надо думать! Ему бы пришлось сутки этим заниматься. Ванна-то огромная.

– А где тело? – спросил я. – Увезли уже?
– Нет, тебя ждали. Хочешь взглянуть?
– Жертву опознали?
– Как тебе сказать. – Димитров смущенно кашлянул. – Это трудновато будет.

– Почему?
– У него нет лица.
– В каком смысле? Изуродовано?
– Содрано.

Я невольно вздрогнул. Вид трупов никогда не оставлял меня равнодушным, а обезображенных – тем более.

– Так будешь смотреть? – предложил Димитров.
– Да. Где он?
– Снаружи.

Мы вышли из развалин и обошли их с левой стороны. Труп лежал в черном пластиковом мешке. Земля вокруг была мокрая.

– Откройте, – кивнул Димитров криминалистам, которые сидели неподалеку и курили. Те нехотя встали и расстегнули молнию.

Я готовился к тому, что увижу, но то, что оказалось внутри мешка, было настолько ужасно, что я едва сдержал рвотный позыв: вместо лица сплошная рана, алая, бордовая, со светлыми жировыми прожилками! Кое-где белели кости черепа, зубы торчали зловеще, как у киношного зомби, а глазные яблоки, лишённые век, «смотрели» в разные стороны.

– Где его одежда? – спросил я, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

– Одежды нет, – ответил Димитров. – Он был голый. И посмотри на грудь. Видишь клеймо? Его выжгли еще до того, как бедняга умер. Лицо, кстати, сдирали тоже живьем.

– Откуда это известно? – спросил я, уставившись на крупную цифру «4», багровеющую на фоне бледной кожи.

– Уж поверь! – раздался знакомый голос у меня за спиной. – Я двенадцать лет в судебной медицине.

Обернувшись, я увидел высокого мужчину, с большими, как у панды, глазами, крупным носом и сверкающими в мочках-тоннелях. Он подошел, протирая очки в роговой оправе. На нем был прозрачный пластиковый комбинезон, через который виднелся светло-серый костюм в мелкую полоску.

Это был Федор Полтавин, штатный криминалист нашего «Серийного отдела».

– Привет, – сказал я. – Давно приехал?

– Не очень. Башметов сначала мне позвонил, а потом уж тебя разыскивать начал.

Я перевел взгляд на труп, но тут же отвернулся.

– Значит, можно считать, что имели место пытки?

Полтавин криво усмехнулся:

– Не думаю, чтобы эти издевательства можно было назвать как-то иначе.

– А какова причина смерти?

– Болевой шок. Не выдержало сердце.

Я повернулся к Димитрову.

– Какие-нибудь следы обнаружили? Шины, подошвы? Про отпечатки пальцев пока, наверное, спрашивать рано?

– Их еще будут снимать, – кивнул лейтенант. – А насчет следов – есть несколько узких борозд, думаю, их оставила тачка вроде садовой. Отпечатки шин тоже имеются, довольно широкие, как от грузовичка или другого крупного автомобиля. Полагаю, он такой и должен быть, если на нем убийца привез тачку.

– И еще насос.

– Что? – не понял Димитров.

– Насос. Им была накачана вода в ванну. Больше этого никак не сделать.

– Логично, – подумав, согласился Димитров. – Тогда ясно, для чего он притащил тачку.

– Чтобы перевозить насос, – кивнул я. – И тело тоже.

– С чего ты взял, что жертву убили не здесь?

Я повернулся к патологоанатому, который не уходил, а с интересом слушал наш разговор – словно чувствовал, что еще понадобится.

Пока мы с Димитровым разговаривали, он расстегнул молнию на комбинезоне, достал из внутреннего кармана пиджака круглый диетический хлебец и теперь жевал его, роняя на землю крупные крошки.

– Федя, есть поблизости следы крови?

– Есть, но немного. Думаю, ты прав, и убийца обработал жертву в другом месте, а потом уже привез сюда, чтобы устроить эту жуткую инсталляцию.

– Кстати, для чего ему это понадобилось? – встрял Димитров.

– Для того чтобы ответить на этот вопрос, нужно знать мотивы убийства, – произнес я. – А мы пока такой информацией не располагаем.

Лейтенант фыркнул:

– Мы вообще ничего про него не знаем! Честно говоря, я думал, что

после того, как в Баболовском парке поймали последних маньяков, там будет поспокойнее. И вот тебе пожалуйста!

– Да бросьте! – вмешался в разговор патологоанатом. – Тоже мне, безопасное место! Да я уверен, что сюда никто после девяти вечера не пойдет, даже летом. Я уж молчу про зиму.

– Но зачем тащить труп специально сюда? – возразил Димитров. – Не все ли равно, где его бросить?

– Убийца его не просто привез сюда, – заметил я. – Он прихватил насос и не пожалел времени на то, чтобы наполнить огромную ванну водой. – Я снова обратился к патологоанатому: – Во сколько примерно наступила смерть?

– Между четырьмя и пятью утра.

– Значит, здесь убийца орудовал уже с пяти-шести часов. Опасное время, некоторые уже просыпаются и выходят на улицу.

– Кто, например? – скептически поинтересовался Димитров.

– Хотя бы бомжи.

Лейтенант задумался:

– А ведь верно. Их тут полно, и кто-то мог видеть убийцу или его машину.

– Надо опросить их.

– Я поручу это кому-нибудь.

– Кроме того, преступник наверняка местный.

Димитров усмехнулся.

– Я знаю эту тему, – сказал он. – Типа маньяки охотятся на одной территории и неподалеку от дома.

Я кивнул:

– Да, на хорошо знакомой местности.

– Но что, если это не серийный убийца, – возразил Димитров, – а просто садист, который...

– Об этом можно говорить, только если не будет второй жертвы, – перебил я. На самом деле у меня почти не было сомнений в том, что одной смертью дело не ограничится: когда столько лет работаешь с маньяками, появляется определенное чутье. И Башметов тоже считал, что нашему отделу стоит этим делом заняться. – А теперь давай взглянем на отпечатки шин, – добавил я.

– Ладно, как хочешь. Но готов поспорить, это не серия.

– Давай, я согласен.

– На что? – не понял Димитров.

– Поспорить.

Полицейский приподнял брови:

– Ты серьезно?

– Абсолютно.

– На что будем спорить?

– Потом решим.

– Договорились! – Димитров протянул руку, я ее пожал.

– Разбей, Федя, не сочти за труд, – попросил я Полтавина.

– Делать вам нечего! – проворчал тот, выполнив, однако, просьбу. – Лучше бы делом занялись.

– Уже идем! – Димитров кивнул мне, и мы двинулись к пруду. – Вот здесь следы становятся заметны, – сказал лейтенант, садясь на корточки и указывая на траву. – И тянутся они до берега, а потом обратно.

– А это отпечатки автомобильных шин? – спросил я, ткнув пальцем в широкие полосы примятых лопухов.

– Точно. Здесь убийца поставил машину, вытащил тачку и насос и покатил к воде. Затем вернулся и погрузил в тачку труп. Отсюда следы идут и в другую сторону, к ванне. – Димитров отошел на пару шагов влево и показал на борозды, оставленные колесами тачки.

– По отпечаткам шин можно будет определить марку? – спросил я.

– Не знаю. Снимки забрали ваши криминалисты, а что они скажут... – Лейтенант развел руками.

– Надеюсь, хотя бы отпечатки пальцев у убитого сняли?

– Сняли. И даже отправили в отдел, чтобы прогнать по базе. Скоро будут результаты. Если, конечно, жертва привлекалась к ответственности или выезжала за границу, – добавил Димитров. – Если его пальчики нигде не хранятся, дактилоскопия нам его личность установить не поможет.

– Я так понимаю, пока что остается ждать заключения криминалистов?

– В общем, да.

Полтавин и его команда не любили, когда их подгоняют, но работали быстро, и в этом обычно не возникало необходимости.

– Терпеть не могу ждать.

– Увы, такая у нас работа. Не все зависит от...

Димитров не закончил мысль, потому что в этот момент нас окликнул Полтавин:

– Эй, я хочу вам кое-что показать! Думаю, будет интересно.

– Что-то нашли? – спросил я.

– Да. Идемте.

Патологоанатом подвел нас к трупу и указал на место, где было лицо.

– Видите? – Он протянул руку и провел по воздуху пальцем, разделяя кровавое месиво на части, словно прочертил воображаемую решетку. – Здесь на мышцах разрезы, причем некоторые глубже других. Есть следы и на кости.

Я и Димитров невольно наклонились, чтобы рассмотреть то, что показывал судмедэксперт. Теперь, после слов Полтавина, действительно можно было заметить, что убийца полосовал лицо своей жертвы, делая глубокие порезы, причем лезвие иногда доходило до черепа и оставляло на нем небольшие царапины.

Я старался не смотреть на повернутые в разные стороны глаза – почему-то они производили на меня особенно жуткое впечатление.

– Похоже на пирог моей бабушки, – заметил лейтенант через пару секунд. – Когда его нарежут для гостей.

– Более того, – оживился Полтавин, – я заметил также несколько проколов вот здесь, здесь и здесь. После детального обследования, возможно, смогу сказать больше.

– Хорошо, не затягивай, – проговорил я.

– Не собираюсь! – обиделся патологоанатом.

– Извини, это я... так, – спохватился я.

Полтавин махнул рукой:

– Ладно, твое счастье, Валера, что я отходчивый.

– Позвони, как только будут результаты.

– Непременно. Увозите! – скомандовал медэксперт своим помощникам, и они застегнули мешок, скрыв от нас жуткое зрелище человека, лишенного лица.

– Моя жена враз бы в обморок хлопнулась! – проговорил Димитров. – Если бы такое увидела. Она даже когда ужасики смотрит, визжит будто резаная!

– Зачем же смотрит? – удивился я.

Сам я никогда хоррором не интересовался. В детстве было слишком страшно, а потом и так хватало... острых впечатлений.

– А я откуда знаю? – пожал плечами Димитров. – Наверное, расслабляется. Посмотрит ужасы по телику, и жизнь кажется не такой уж плохой.

– Что ж, твоей жене так плохо живется? – усмехнулся я. – Ты, как муж, должен принять меры.

– Я, как муж, скоро, похоже, дома буду через день бывать. Начальство требует результатов как можно быстрее, а я что, волшебник? Так что на тебя одна надежда, *специалист*.

– Постараюсь, чтобы твоя личная жизнь не рухнула из-за моей нерадивости окончательно, – пообещал я.

Полтавин тем временем ушел вместе с санитарями следить за погрузкой тела, а мы с Димитровым присели на парапет Баболовского дворца.

Лейтенант вытащил из внутреннего кармана куртки сложенные снимки, сделанные «Полароидом».

– Вот пока то, что есть, – сказал он, протягивая их мне. – Попозже будут увеличенные копии. Но здесь тоже все видно.

– Ноты получились не целиком, – сказал я, разглядывая фотографии. – По ним трудно угадать мелодию.

– Ничего, если человек знает, то и так поймет.

– И у кого мы будем выяснять, что это за композиция? – поинтересовался я.

– Покажем снимки какому-нибудь музыканту или композитору – они-то должны узнать мелодию. Вот только что нам это даст? Тем более не факт, что надписи сделал убийца. Те велосипедисты, которые нашли труп, могли и не обратить на ноты внимания, когда были тут в последний раз.

– Могли, – не стал я спорить. – И все же, мне кажется, ноты имеют значение. Хоть я и не знаю, какое.

– Ну, имя убийцы мы в них едва ли прочитаем! – усмехнулся Димитров.

– Имя убийцы, может, и нет.

– Думаешь, тут намек на жертву?

– Почему бы и нет?

– Не проще ли было оставить парню лицо?

Я покачал головой:

– Лицо понадобилось убийце. Оно – часть его ритуала. Может быть, самая важная. Так сказать, ключевая.

– То есть ты все-таки считаешь, что намечается серия? – обеспокоенно спросил Димитров.

– Пока говорить об этом рано, но отметить такую возможность не стоит, – ответил я уклончиво.

– Почему?

– Если человек зациклен на лицах, одного ему будет мало. Уже хотя бы потому, что человеческая плоть недолговечна.

– Думаешь, он хочет сделать из лица маску или что-нибудь в этом роде?

– В любом случае ему наверняка скоро захочется получить новое.

Причем, возможно, он даже знает когда.

– С чего ты взял?

Я перебрал фотографии и нашел нужную.

– Смотри, это цифра «4». Убийца выжег ее на груди жертвы.

– Да, я в курсе. И что?

– Почему «4»?

– Не знаю, а при чем тут это? – Димитров забрал снимок у меня из рук и внимательно разглядел. – Может, это буква «Ч»? – предположил он вдруг.

– Может, – согласился я. – Но если это четверка, то мне она напоминает начало обратного отсчета.

– Хочешь сказать, убийца наметил четыре жертвы?

– Похоже на то.

– А зачем ему сообщать нам об этом?

– На это может быть много причин. Но о них лучше расскажут психиатры, а не я.

– Боюсь, с этим у нас несколько напряженно.

– Ничего, мы запросим психологический портрет в управлении. Когда будет более-менее ясна картина преступления.

Димитров вернул мне фотографию.

– Начальство выделило тебе комнату в отделе, – сказал он. – Чтобы ты не мотался из Питера сюда. Так что, если хочешь, можешь там поселиться на время расследования. Или у тебя семья?

Я отрицательно покачал головой:

– Не успел обзавестись.

– Ну, так как? Переедешь?

– Конечно. Надо только прихватить вещички.

Все складывалось весьма удачно: теперь я смогу быть поблизости от охотничьих угодий маньяка все время, а не наездами.

– Тогда давай за ними. За два-три часа управишься?

– Думаю, да.

– Позвони мне, как приедешь, я тебе скажу, куда ехать. Ну, и поселю.

Мы обменялись телефонами.

– Ладно. – Я встал. – На ночь надо будет оставить кого-нибудь здесь.

– Зачем? – удивился лейтенант.

– На случай, если убийца за чем-нибудь вернется.

– Так он же увидит...

– Поэтому сидеть надо тихо и не спугнуть его.

– Ладно. – Димитров явно считал мою затею глупой. – Посмотрим, что можно сделать.

- Я руковожу расследованием, – напомнил я. – Так что найди способ.
- Сказал же: ладно.
- Я позвоню, когда вернусь.
- Угу.

Сунув фотографии в карман, я направился к машине.

Хорошо, что мне дали комнату в Пушкине. Плохо, что я практически не знал его географию, но ведь, в конце концов, для того и изобрели навигатор. Впрочем, лучше изучить карту Пушкина, чтобы не полагаться на прибор всецело, благо город не такой уж большой.

Я поехал домой собирать вещи и, как и предсказывал Димитров, справился за два с половиной часа. Вернувшись в Пушкин, я позвонил от Египетских ворот лейтенанту.

– Ты уже здесь? – удивился он. – Слушай, как доехать до нашего отдела.

Вскоре я припарковался позади трехэтажного здания из серого кирпича с решетками на окнах. Димитров ждал меня внизу на крыльце.

– И все? – Он с удивлением взглянул на спортивную сумку у меня в руке. – Налегке?

– Надеюсь, мне не придется торчать тут вечно, – ответил я.

– Все зависит от тебя. Ты же руководишь расследованием, – саркастически заметил лейтенант.

– Ладно, не прикапывайся, – сказал я примирительно.

– Пойдем, я покажу тебе твои хоромы.

Димитров провел меня вокруг здания к железной лестнице на второй этаж.

– Это здесь, – сказал он, протягивая мне один-единственный ключ с синей пластмассовой биркой. – Заходить не буду, сам разберешься.

– Ок. – Я взял ключ и начал подниматься.

– Как устроишься, приходи, – окликнул меня Димитров. – Будем отчеты писать.

– Всегда мечтал! – буркнул я без тени энтузиазма.

Лейтенант понимающе рассмеялся:

– Да уж, удовольствие то еще!

Когда он скрылся за углом, я отпер дверь. Вошел, зажег свет и огляделся: комната была метров пятнадцать, меблированная и даже с маленьким телевизором, который я, впрочем, смотреть не собирался. На узкой кровати лежало свернутое постельное белье, шерстяное одеяло висело на спинке. Над столом имелась полка, на которой я обнаружил два старых журнала с кроссвордами и три книги в потрепанных обложках:

«Тысячекрылый журавль» Ясунари Кавабаты, «День триффидов» Джона Уиндема и роман Яна Флеминга о Джеймсе Бонде.

Из комнаты вела дверь в совмещенный санузел с душевой кабиной. Первым делом я проверил, работает ли сантехника – к моему удивлению, все оказалось в порядке.

Над пожелтевшей раковиной висело прямоугольное зеркало с трещиной в верхнем правом углу. Я всмотрелся в свое лицо: слегка осунувшееся, небритое, под глазами круги. Надо бы хорошенько выспаться и вообще привести себя в порядок, а то люди скоро перестанут пускать меня на порог, несмотря на удостоверение. Намочив ладонь под краном, я пригладил волосы, ополоснул лицо и вернулся в комнату.

В голову пришло, что эта квартирка – лишний повод сделать все, что возможно, для того, чтобы побыстрее завершить расследование и убраться из Пушкина. Не то чтобы кто-то ждал меня в Питере. С родителями я давно жил отдельно, друзей у меня было мало. Вернее, если уж посмотреть правде в глаза, всего один – Дремин, мой коллега. Остальных сослуживцев можно было считать приятелями, но мы практически не общались вне работы. Девушка... девушка ушла. Я знал, что этим кончится, но от этого было не легче.

Марго хотела детей, а я не представляю, чтобы в моей жизни появился ребенок.

Я не хотел расставаться с ней и старался настроиться на нужный лад. Уговаривал себя, приводил кучу доводов «за», однако чувствовал, что это бесполезно. Я отслеживаю жестоких убийц, настоящих извергов, и в этом смысл моего существования. В перерывах между делами я ищу острых ощущений – гонки, азартные игры, скалолазание, сноуборд.

Я просто адреналиновый маньяк! Такому нельзя заводить ребенка. Конечно, можно сказать, что младенец для мужчины – это тот еще экстрим, но я не считаю, что в данном случае есть место шуткам. Когда видишь, что один человек способен сотворить с другим, начинаешь воспринимать жизнь серьезно. Во всяком случае, в некоторых вопросах.

Марго ушла. Я знал, что она расстроена не меньше, чем я. Мы уже проходили это однажды и вот – наступили на те же грабли.

Говорят, время лечит. Прошло уже четыре месяца, так что была надежда, что скоро я полностью исцелюсь.

Просто, осматривая свою временную квартирку, я подумал, что будь у меня девушка, я не смог бы остаться здесь. Она не позволила бы мне ночевать где-то без присмотра. И, наверное, мне это было бы приятно. Неудобно, но приятно.

Я вытащил вещи, разложил по полкам, причем почти все пространство в шкафу оказалось после этого свободным. Окинув комнату придирчивым взглядом, я решил, что в ней давно не убирались. Взяв стоявший возле двери веник, для начала подмел пол, потом смочил тряпку и протер мебель. Пусть я здесь ненадолго (хорошо бы!), но жить в грязи – не комильфо.

Покончив с уборкой, я достал и подключил ноутбук.

К счастью, в отделе был wi-fi, надо было только узнать у Димитрова пароль. Стационарный телефон висел на стене, рядом с ним – старый календарь за позапрошлый год с обведенными в кружок датами. Он был открыт на июне, и справа от столбиков чисел красовалась цветная фотография прибрежной полосы: песок, свинцово-серая вода и торчащие из нее каменные волнорезы, засиженные крошечными фигурками чаек.

Я открыл единственное окно, чтобы разогнать затхлый воздух, посетил туалет и принял тепловатый душ. Когда мне приходится пользоваться санузлом не дома, я всегда испытываю брезгливый дискомфорт, причем неважно, насколько хороша кафельная плитка или насколько чист фаянс. В квартирке, которую выделил мне Димитров, ремонт делали давно и не слишком старательно. Кажется, в верхнем углу ванной комнаты даже начала заводится плесень. Она напоминала черный налет – словно кто-то взял губку, смочил тушью и слегка прошелся по плитке.

Словом, растягивать водную процедуру я не стал. Быстро ополоснувшись, вылез, стараясь не вставать босыми ногами на пол, а сразу попасть в тапочки, вытерся полотенцем и вернулся в комнату.

На крошечной кухне (скорее, это был закуток, куда втиснули стальную раковину и широкую полку, изображавшую стол) я скептически изучил маленькую электрическую плитку и чайник, пожелтевший от времени.

«Надеюсь, расследование будет очень быстрым», – снова подумал я, понимая, что надежды на это, мягко говоря, немного.

Даже если убийца предпримет следующие шаги в ближайшее время, это не поможет нам выследить его. Но это будет означать, что он, скорее всего, местный, а не заезжий, а значит, круг поиска значительно сузится. Примерно до ста тысяч человек, обитающих в Пушкине. Хотя нет, надо исключить детей и дряхлых стариков. В общем, все меньше, чем живущих во всей России.

Попытавшись воодушевить себя таким сомнительным образом, я растянулся на кровати. Чистое белье было сложено в изголовье, но сейчас застилать не хотелось. На это еще будет время вечером, когда я соберусь спать. А сейчас надо изучить местность – прощя говоря, научиться

ориентироваться в Пушкине.

Если я собираюсь заниматься делом всерьез, это необходимо. Поэтому через десять минут я встал и уселся за ноутбук. Работа предстояла немалая с учетом того, что Царское Село – это большой исторический памятник, напичканный памятниками поменьше. И убийца, если он местный, знает их не хуже, чем Баболовский парк. И раз он решил использовать его в качестве места преступления (пусть даже жертву он умертвил не там), стало быть, это имеет для него значение. Кроме того, не хотелось выглядеть необразованным в глазах того же Димитрова.

Словом, я засел за историю и географию Пушкина. Попутно я делал на листках формата А4, которые нашел в ящике стола, наброски карандашом. Рисовать я начал недавно, от нечего делать, но потом увлекся и даже купил книгу-самоучитель, в которой подробно объяснялось, как соблюдать композицию, перспективу, изображать человека и так далее. Сейчас я рисовал мужское лицо – как всегда, абстрактное, не имеющее прототипа.

Прерываясь несколько раз на кофе, я умудрился часа за три расширить свои познания о Царском Селе и пополнить коллекцию рисунков не только портретом неизвестного, но и парой местных пейзажей в готическом стиле, один из которых изображал развалины в Баболовском парке.

Когда я принялся за очередной набросок, намереваясь запечатлеть гранитную ванну, в дверь постучали. Это оказался Димитров.

– Пляши! – сказал он, протягивая мне листок. – Тело удалось опознать. Это Зинтаров Евгений Казимирович, сорок семь лет, холост. Работал учителем химии в одной из местных школ с музыкальным уклоном.

– По отпечаткам пальцев? – спросил я, беря листок.

– По ним. В прошлом году Зинтаров ездил в Лондон, оформлял визу. Тогда с него и сняли отпечатки.

– Отлично. А фотографию достал?

– Держи, если надо. – Димитров протянул снимок.

На нем был запечатлен мужчина плотного телосложения (что было трудно заметить, видя труп, упрятанный в пластиковый мешок), с курчавыми волосами, немного седыми, густыми бровями и маленькими, близко посаженными глазками, похожими на два буравчика. Уголки полных губ были слегка опущены, что придавало лицу капризное и недовольное выражение.

– Не слишком приятный тип, судя по фотке, – прокомментировал Димитров. – Ты, я смотрю, уже устроился. – Он заглянул в дверь.

– Заходи. – Я посторонился.

– Жить тут можно, – продолжал лейтенант, входя в комнату. – Но

только если больше нигде. Утешай себя мыслью, что это ненадолго.

– Очень надеюсь. – Я положил листок с данными Зинтарова и его фотографию на стол. – Как продвигается расследование?

– Не знаю, Валера, ты же нами руководишь.

– Давай без сарказма, а?

– Ладно. – Димитров усмехнулся. – В общем, пока ты ездил за вещами и потом тут копошился, я отправил нескольких оперов побродить по Баболовскому парку и поспрашивать местных бомжей, не видели ли они что-нибудь подозрительное ночью. Собственно, поэтому я и пришел.

– Да? А я думал, ты решил сообщить про опознание тела.

Димитров кивнул:

– И это тоже.

– Так что с бомжами? Что они видели?

– Как тебе сказать... – Лейтенант потер лоб ладонью. – В общем, оказалось, что есть некий Васька Глист, его даже свои считают слабоумным. Так вот, он ночью шатался пьяным по парку и видел... демона. Это он так утверждает, – поспешно добавил Димитров, словно опасался, что я подумаю, будто он бредит.

Однако я за время работы в полиции наслушался и не таких показаний. И знал, что порой откровенная на первый взгляд чушь может оказаться ценной информацией.

– Хорошо, демона, – кивнул я. – Допустим. Насколько этот демон может иметь отношение к смерти Зинтарова?

– Похоже, самое что ни на есть прямое.

Я сел на скрипнувший стул.

– Так. Конкретнее можно?

– Похоже, убийца прикончил Зинтарова в двухстах метрах от Баболовского дворца, там же его пытал, а затем, когда учитель умер от сердечного приступа, перевез тело и положил его в ванну. Глист утверждает, что видел демона с белым лицом и огромными зубами.

– Череп?

– Да, что-то в этом роде.

– Похоже, маска.

– Наверняка.

– А убийца видел этого Глиста?

– Нет. Тот от страха онемел и лежал в траве, чуть дыша, пока убийца не увез жертву на тачке.

– Он видел, что тот делал с Зинтаровым?

– Нет, трава слишком высокая. Но до него доносились стоны и

мычание. Похоже, рот у учителя был заклеен. Потом убийца погрузил тело в тачку и покатыл в кусты. Машину на которой он уехал, Глист не видел.

– Почему он не сообщил в полицию?

Димитров усмехнулся:

– Потому что думал, ему все померещилось. Он же в дупель был.

– Ясно. Жаль, что наш свидетель, помимо этого, еще и слабоумный.

– Ну, этого я бы не сказал. По-моему, с головой у него все в порядке, просто слишком много бухает.

– В суде его показания не пройдут.

– Может, и нет. А может, и да. Он ведь не видел лица убийцы, так что опознания от него не потребуется. А если мы найдем маску в виде черепа, то это будет уликой.

Я кивнул: лейтенант был прав.

– Что будешь делать? – поинтересовался Димитров.

– Съезжу в школу, где работал Зинтаров. Поговорю с людьми, узнаю, что он был за человек. Плохо, что он жил один, но соседи-то у него, я думаю, были. Так что потом наведаюсь к нему домой и пообщаюсь с теми, кто его знал.

– Хочешь, я съезжу? – предложил Димитров. – Домой, я имею в виду. Тем более там все равно надо делать обыск.

– Хорошо, давай. Потом обменяемся впечатлениями.

– Договорились.

Пока мы разговаривали, Димитров прохаживался по комнате. Увидев книги на полке, он остановился и взял одну из них.

– О, да это же моя, – сказал он удивленно. – Надо же! Я и забыл, что она тут.

– Забирай. Я все равно читать не собирался.

– Напрасно, между прочим. Классная вещь!

– Ты про какую?

– «Тысячекрылый журавль».

– Японец написал, да? – припомнил я.

– Ясунари Кавабата. Лауреат Нобелевской премии, кстати. Отравился газом.

– Суицид?

– Неизвестно. Может, несчастный случай. Он пьян был и посмертной записки не оставил.

– Нравится японская литература?

– Еще как! И не только литература.

– А что еще? Мульттики? Комиксы?

– Анимэ и манга, – поправил меня Димитров. – Да, и это тоже. В целом японская культура и эстетика. Я даже татуху себе сделал.

– Какую?

– Маска демона Ханя. По преданию, однажды женщина влюбилась в монаха, но ее чувство осталось безответным. Ярость так исказила ее лицо, что она превратилась в демона. Такую татуировку делали самураи, считавшие, что Хань будет хранить их на поле боя. Основное изображение окружено хризантемами и сакурой, что означает решимость и готовность умереть в любой момент.

– Ты что, «Бусидо» начитался?

– Было дело. Но я не жалею, что сделал наколку. Красиво, и жене нравится.

– Большая татуха?

– Да на всю спину! Показать?

– Нет, обойдусь.

Димитров почесал нос.

– Хочешь, дам тебе посмотреть какой-нибудь фильм? – предложил он. – У меня большая коллекция. Например, могу принести «Могилу светлячков». Великое анимэ Исао Такахата, теперь такое редко снимают. Классика!

– Мультик, что ли?

– Не мультик! – Кажется, Димитров обиделся. – Анимэ!

– Нет, спасибо. Я сюда не мульти... не фильмы смотреть приехал.

Полицейский пожал плечами:

– Ладно, как хочешь. Ну, не буду отвлекать. До скорого.

Когда Димитров ушел, я быстро собрался и поехал в школу, где убитый преподавал химию.

В Пушкине дворцы, церкви и другие исторические памятники соседствовали с многоэтажками и маленькими домиками этажа в два-три. Можно было свернуть на узкую улочку и попасть в другой мир – подобие спального района, застроенного хрущевками из серого кирпича, затем вырुлить к коттеджам, обнесенным черной оградой, а потом вдруг оказаться перед огромным новым зданием из бетона и стекла. То там, то здесь велись работы: рылись котлованы, вбивались сваи, крутились бетономешалки. Жилье в Пушкине было дорогое, и площадь стремительно застраивалась.

Школа оказалась четырехэтажным зданием бледно-желтого цвета, с белыми колоннами у входа и лепниной вокруг готических окон. На первом этаже стояли решетки, закрытые на всякие замки. Их можно было

отпереть изнутри – например, во время эвакуации при пожаре. Это в теории, конечно.

Я с трудом представлял себе, чтобы в панике кто-то бегал от окна к окну с ключом и приговаривал: «Погодите, ребятки, я сейчас вас выпущу! Вот только распахну решеточку».

Когда-то в доме проживала аристократическая семья, но после революции владельцам пришлось бежать в Константинополь. В их доме сначала был молодежный клуб, затем детский дом, а потом школа. В конце девяностых она стала общеобразовательной с музыкальным уклоном.

Все это мне рассказала консьержка на первом этаже, которая, выяснив, что я из полиции и мне нужен директор, стала чрезмерно разговорчивой: видимо, почувствовала, что может первой узнать что-нибудь интересное. Но я о цели визита не распространялся, и в конце концов она сдалась и указала мне путь к кабинету директора.

Тот был на месте и очень удивился, когда я появился у него на пороге и первым делом показал удостоверение.

– Вы из прокуратуры? – спросил он недоумевающе. – Но на нас не поступало никаких жалоб.

– Я по другому делу. Разрешите? – Я указал на стул.

– Конечно, садитесь. Что случилось?

– У вас работает Зинтаров Евгений Казимирович?

– Да, конечно. Он ведет химию.

Если верить табличке на двери кабинета, директора звали Федор Степанович Короб. Это был мужчина плотного телосложения с прилизанными на левую сторону остатками светлых волос, с одутловатым лицом человека, который любит на ночь глядя приложиться к бутылке. Под светло-голубыми глазами набрякли темные мешки, белки выглядели воспаленными.

Я заметил у него на столе капли и упаковку таблеток от несварения. Я сам иногда принимал такие. В последнее время желудок пошаливал: стоило съесть что-нибудь мучное, и начиналась изжога.

– Что-нибудь случилось? – обеспокоенно спросил Короб.

– Зинтаров найден сегодня утром убитым, – ответил я.

– Что?! Как?! – Директор был в шоке. Он зашарил руками по столу, явно растерявшись. – Мы звонили ему сегодня, когда он не вышел на работу, никто не отвечал ни по домашнему, ни по сотовому.

– Когда это было?

– С девяти до двенадцати утра примерно.

– Он был уже мертв.

– И... как это случилось? – Короб взял в руки ручку, отложил, провел пальцами поочередно по степлеру, маленьким латунным часам и страницам настольного календаря.

– Пока что не могу ничего вам рассказать. В интересах следствия.

Короб мелко закивал:

– Понимаю, понимаю. Чем могу помочь?

– У Зинтарова были какие-нибудь неприятности? Конфликты с коллегами, родителями, учениками? Он ни с кем в последнее время не ссорился?

– Насколько мне известно, Евгений Казимирович жил один и был очень замкнутым человеком. Он не общался даже с другими учителями. Полтора месяца назад на него подали жалобу из-за того, что он очень строго ставит оценки и предъявляет высокие требования. Но это ерунда. Просто некоторые родители не могут смириться с мыслью, что их дети учатся хуже других. И вместо того чтобы самим взяться за воспитание своего ребенка, пытаются переложить вину на школу.

– Кто подал на него жалобу?

– Не знаю. Письмо пришло по электронной почте и не было подписано.

– И вы рассматриваете такие жалобы?

Короб развел руками:

– Приходится. Но, как я уже сказал, эта не была обоснованной.

– Зинтаров знал о ней?

– Конечно. Я показал ему письмо.

– Как он отреагировал?

– Никак. Заговорил о другом. Думаю, его это не взволновало.

– У вас есть электронный адрес отправителя анонимки?

– Да. – Директор порылся в ящике стола и достал распечатку. – Пожалуйста.

Я взял листок и пробежал глазами. Текст был невыразительный, с парочкой орфографических ошибок. Похоже, что его писал ребенок. Наверное, кто-то из учеников решил отомстить учителю за двойку. На распечатке был и электронный адрес отправителя письма, но что это могло дать? Проще всего зайти в интернет-кафе, завести бесплатный почтовый ящик, указав вымышленную фамилию, и отправить послание.

– Вы этот листок показали Зинтарову? – уточнил я.

– Да, именно его.

– Можно его забрать?

– Да ради бога, – Короб рассеянно поглаживал небольшую бронзовую

статуэтку на подставке красного дерева.

Фигурка походила на толстенького крылатого человека с клювом вместо носа и птичьими лапами ниже колен.

Я сложил распечатку и положил в карман.

– Больше никаких странных посланий не приходило?

Короб пожал плечами:

– Как вам сказать.

– Лучше всего как есть.

– Было одно письмо. Позавчера прислали. По-моему кто-то просто ошибся адресом, или оно случайно пришло на ящик школы. Может, какой-нибудь сбой или...

– Разрешите взглянуть?

– Пожалуйста. Сейчас открою. – Короб чуть развернул монитор и придвинул клавиатуру. – Вам распечатать?

– Давайте.

Через пару минут директор вытащил из принтера и протянул мне через стол листок. Я начал читать и сразу понял, что письмо не могло прийти на ящик школы случайно. Убийца о чем-то хотел предупредить, вот только сделал он это в странной форме.

Текст был такой:

*«Амбра, душистая амбра, скольких ты и мух и червей
Предохраняешь от тленья!
Амбра – поэзия: что без нее именитость людей?
Блеск метеора, добыча забвенья!»*

Внизу же вместо подписи был рисунок черепа, причем довольно странный – словно кто-то нарисовал его поверх лица, заштриховав вокруг глаз, на месте носа и выведя вместо губ оскал.

Мне вспомнился документальный фильм про мексиканский Праздник мертвых, который я смотрел однажды по телевизору.

Адрес отправителя тоже пропечатался.

– Что скажете? – спросил Короб.

– Чье это стихотворение?

– Не знаю. Не выяснял.

– Больше ничего не было?

Директор отрицательно покачал головой.

– Это все.

Я убрал листок.

– С кем мне лучше всего поговорить о Зинтарове? Кто знал его лучше других?

– Честно говоря, не думаю, чтобы он с кем-нибудь общался. Говорю же, он был очень замкнутым и нелюдимым. Знаю только, что он ходил в церковь и вроде даже к батюшке какому-то.

Это было интересно.

– В какую церковь?

– Святого Апостола Иоанна. Адрес, если честно, не помню.

– А имя батюшки?

– Не знаю. Мне вообще о том, что Зинтаров в церковь ходит, рассказала одна наша учительница, а ей – ученики. Они просто его там видели.

– Понятно. – Я взглянул на часы. Было половина четвертого. – Вы не против, если я поброжу по школе, может, пообщаюсь с учителями.

– Пожалуйста, только почти все уже ушли домой. Время-то не учебное, поэтому работаем до двух, максимум до трех.

– Ничего, может, кто задержался. – Я вспомнил, что у меня в кармане лежат фотографии нотной записи со стены Баболовского дворца, и решил проконсультроваться у кого-нибудь, рассудив, что в школе с музыкальным уклоном должен найтись человек, который узнает мелодию.

Если она вообще существует, конечно. Потому что оставался и такой вариант, что убийца зашифровал нотами что-то другое. Правда, я не представлял что. Ну, или преступник мог сам сочинить музыку. Тогда, возможно, мне ее кто-нибудь наиграет.

Словом, я отправился на поиски учителей.

Обойдя второй этаж, на котором располагался кабинет директора, и никого не найдя, я спустился вниз. Здесь мне повезло больше: из правого крыла доносились музыка и голоса.

Я направился туда. Приоткрыв дверь, я увидел большой зал с зеркалами на стенах, вдоль которых были установлены перекладины. Кажется, они называются балетными станками. Навстречу мне шли люди возрастом примерно от семнадцати до тридцати лет. От них разило потом и дезодорантами. Судя по всему, только что закончилось какое-то занятие.

Я посторонился, пропуская поток. Когда последний человек вышел, я проскользнул внутрь. Девушка с собранными в хвост волосами цвета меди сняла ногу с перекладины и взяла висевшее рядом полотенце. Вид у нее был усталый, я бы даже сказал, изможденный.

– Добрый день, – проговорил я, останавливаясь в дверях. – Не

помешаю?

Она обернулась. Глаза у нее были с необычным разрезом: внешние уголки чуть приподняты, как у кошки.

– Здравсьте! – кивнула она, отведя со лба прилипшую прядь. – Занятие закончено, запись по понедельникам и четвергам. Приходите завтра.

– Я не собираюсь ходить к вам на танцы, – сказал я, понимая, что вышло недоразумение.

– Да? Напрасно.

– Почему?

Девушка окинула меня профессиональным взглядом:

– Ну, хотя вы и в неплохой физической форме, животик уже начинает наклеиваться.

– Неужели? – Я машинально опустил глаза и уставился на футболку.

– Пока ничего критического, конечно, но лучше не запускать, – сказала девушка. – Танцы быстро вернут вам рельефность. Такие дела.

– Ну, в каком-то смысле я и так танцор.

– Это в каком же? – Вопрос позвучал скептически.

– Что, не похож на балерину?

– Не особенно. А вам кажется иначе?

Я усмехнулся:

– Упаси боже!

– Так что вы имели в виду?

– Я занимаюсь капоэйрой.

– Правда?

– Да. Много лет.

– Ладно, допустим, на мои занятия вы не планируете записываться. Тогда что вы хотите? Потеряли кого-нибудь? – Девушка вытерла полотенцем шею и плечи, взяла бутылку с водой и принялась медленно отвинчивать крышку.

– Нет, – я направился к ней, доставая удостоверение, – старший лейтенант Самсонов, из полиции.

– Серьезно? – Она сделала несколько жадных глотков. – Что случилось?

– Я расследую смерть вашего коллеги.

– Андрея? – Взгляд у девушки сделался испуганным. – Он умер?

– Нет, я говорю о Евгении Казимировиче Зинтарове, учителе химии.

– А-а, – протянула девушка с облегчением. – Значит, он умер? Когда?

– Сегодня ночью.

– Понятно. А от чего? Инфаркт?

– Нет, его убили.

Девушка вздрогнула:

– Правда? Кто?

– Не знаю пока. Потому и расследую.

– А-а. Ну да. Логично. Извините, я плохо соображаю сейчас, потому что устала. Конечно, если бы смерть была... естественной, вы бы не пришли.

– Ничего. А кто такой Андрей?

– Мой напарник. Мы с ним ведем танцевальные классы. Сегодня моя смена, а завтра – его.

– Я уж не думал, что застану кого-нибудь, – сказал я. – На втором этаже только ваш директор.

– Да, Федор Степанович поздно уходит. А у меня вечерняя группа. На самом деле она дневная, конечно, просто так называется. Я скоро тоже пойду.

– Постараюсь вас не задерживать. Может, уделите мне десять минут?

– Ну, давайте. Заодно немного остыну.

– Вы хорошо знали Зинтарова? Ваш директор сказал мне, что Евгений Казимирович почти ни с кем не общался, так что, наверное, нет, но я должен спросить, сами понимаете.

Девушка кивнула. Фигура у нее была отменная – этого не заметить было нельзя.

– Правильно вам Федор Степанович сказал. Зинтаров ни с кем и словом иногда не перемолвился за весь день. Ходил как сыч, глядел так, что даже здороваться с ним не хотелось. Тем более он обычно и не отвечал.

– Простите, а как вас зовут? – Я вытащил блокнот, хотя был уверен, что и так запомню.

– Аня. То есть Анна Вячеславовна Федотова.

Я старательно записал.

– Вы, как я понял, преподаете танцы.

– Ритмику. Детям – ритмику, взрослым – латино и современные танцы.

– Понятно. Замужем? – Я постарался сделать серьезное лицо.

– Пока нет. Но надежды не теряю.

– А ваш напарник, Андрей? – ляпнул я прежде, чем успел подумать, как это прозвучит.

– Он тоже не замужем, – ответила Аня. – Насчет его надежды, увы, ничего сказать не могу.

Я вымученно рассмеялся, чувствуя себя полным придурком.

– Извините, – сказал я. – Просто я подумал...

– Вы что, клеитесь ко мне? – вдруг спросила девушка.
– С чего вы взяли? – опешил я, хотя, наверное, выражение лица выдало меня с потрохами.

– А зачем выясняете, не встречаюсь ли я с Андреем?

– Да я и не думал, – заявил я наконец, взяв себя в руки.

– Да? – Брови у Ани взметнулись вверх. – Ну, ладно, как скажете.

Значит, показалось.

Я откашлялся.

В конце концов, представитель закона должен быть суров, брутален и поглощен работой.

– Так встречаетесь или нет?

Она рассмеялась:

– Нет. Он не в моем вкусе.

– А вы?

– Что я?

– Вы тоже не в его?

– Думаю, он не гей, но лично мной не интересуется. По крайней мере... Слушайте, это становится похоже на какой-то нелепый допрос! Вам не кажется?

– Думаю, я уже выяснил, что хотел.

– Может, перейдем к делу, а то мне еще в душ идти.

– Конечно. – Я достал из кармана фотографии стен Баболовского дворца. – Аня, вы разбираетесь в музыке?

– Приходится по роду занятий. А что?

Я протянул ей снимки.

– Можете сказать, что это за мелодия?

Аня смотрела на фотографии минуты две, потом спросила:

– А какое это имеет отношение к вашему расследованию?

– Эти надписи предположительно оставил убийца на месте преступления.

– Серьезно? Жуть какая!

– Узнаете мелодию?

– Что-то знакомое, но не могу сообразить. Постойте-ка, надо наиграть. – Аня подошла к стоявшему в углу пианино и поставила фотографии на пюпитр. – Кажется, так, – пробормотала она.

Взяв несколько аккордов, она стала играть более уверенно, звуки слились в мелодию. На Анином лице появилась улыбка.

– Теперь узнаете? – спросила она, когда я подошел.

– Нет.

– Неужели? – Она была удивлена. – Это же ария Марии Магдалены!
– Боюсь, я не такой уж большой поклонник оперы.

Аня понимающе кивнула:

– И тем не менее это она. Хотите, сыграю целиком?

– Не надо! – выпалил я, пожалуй, чересчур поспешно.

Музыку я люблю, но слушать сейчас арии... не подходило ни время, ни место.

Девушка прекратила играть и пожала плечами:

– Ладно, как знаете. Опера называется «Иисус Христос – суперзвезда».

Слышали о такой?

– И даже видел по телевизору, – ответил я.

– Ну, вот. Надеюсь, я вам помогла?

– Не то слово. Сам бы я никогда не догадался.

– Ну, вам бы помог кто-нибудь другой.

– Лучше вы.

Аня встала и направилась к одной из дверей.

– Если это все, что вы хотели узнать, то я в душ.

– Можно я вас потом подвезу? – Я решил идти до конца.

– Да ради бога! – Аня исчезла за дверью, прихватив с собой полотенце.

Я сел на один из трех стульев и достал стихотворение, пришедшее на ящик школьной почты. Оно было посвящено амбре. Знать бы еще, что это такое. Вообще слово было знакомое и что-то напоминало.

Подумав, я понял, что именно: английское слово «amber», «янтарь». Но в стихотворении речь шла о «душистой амбре», значит, это что-то вроде благовония или специи. Словом, надо будет выяснить.

Аня появилась минут через пятнадцать. Теперь она была в платье до колен, белых босоножках, а в руке держала небольшую спортивную сумку. Волосы она распустила, они были еще немного влажными.

– Я готова, – сказала она.

– Отлично! – Я приветливо улыбнулся.

Мы вышли из школы и сели в мою машину.

– Что это у вас за тачка? – спросила девушка. – Впервые такую вижу.

– Олдсмобиль. Мотор я перебрал, чтобы участвовать в гонках хот-роадов.

Аня забавно нахмурила лоб:

– Хот-роадов? А это законно?

– Ну, как сказать.

Девушка усмехнулась:

– Понятно! Мальчишки есть мальчишки.

- Куда едем?
- Ко мне домой.
- Я понимаю. Где вы живете?

Аня рассмеялась:

– Да, точно! Мы же едва знакомы. Вернее, толком даже и не знакомы. Вы мне назвали только свою фамилию.

- Валера, – представился я.
- Очень приятно.
- А мне-то как.

Аня назвала мне адрес, и я удовольствием отметил, что это не совсем рядом, а значит, еще минут десять мы проведем вместе. В последнее время я все чаще склонялся к мысли, что так никогда и не женюсь, но это вовсе не значило, что я решил податься в монахи.

– Знаете, я еще не очень хорошо ориентируюсь в Пушкине, – сказал я. – Дорогу покажете, если что?

- Конечно, – Аня улыбнулась, – поработаю для вас навигатором.
- Отлично, – кивнул я, заводя мотор.
- Зачем убийца оставил на месте преступления нотную запись этой мелодии? – заговорила Аня, едва мы отъехали от школы.
- Пока не знаю. Думаю, это что-то вроде послания.
- Какого послания?
- Может быть, убийца хочет объяснить, почему прикончил Зинтарова.
- Вы мне не скажете, где его убили?
- Ну, почему? Скоро об этом все равно будут трубить на каждом углу.

Только пообещайте никому не говорить хотя бы пару дней.

Аня торжественно подняла правую руку:

- Клянусь!
- Тело нашли в Царь-ванне.
- В Баболовском парке?
- А есть еще одна?
- Нет. Конечно, нет. Это я так. Ляпнула от удивления. И как его убили? Я бросил на девушку любопытный взгляд:
- А вы кровожадная.
- Вовсе нет. Просто любопытная. Кстати, через пятьдесят метров поворот направо, – добавила Аня, изображая навигатор.

Я кивнул:

- Понял.
- Так как умер Зинтаров?
- Этого я точно не скажу.

– Ладно. А убийца оставил еще какие-нибудь послания?

Взглянув в Анины глаза, я увидел в них блеск. Похоже, она действительно заинтересовалась смертью Зинтарова.

– Что вы знаете про амбру? – спросил я.

– Амбру? – Девушка нахмурилась. – А она-то тут при чем?

– И все же?

– Ну, ее используют при изготовлении парфюмерии. Она связывает запахи, не дает аромату испаряться слишком быстро. Собственно, поэтому сильные запахи и называют «амбре». Такой сорт духов был, кажется, в девятнадцатом веке. С очень резким запахом. Он не пропадал даже после стирки белья.

– А амбра как-нибудь связана с янтарем? – спросил я наугад.

– Не знаю. Звучание похоже. Кажется, по-английски это будет «amber».

– Да, именно так.

Аня пожала плечами:

– Не знаю, какую связь вы хотите установить. Я только могу сказать, что вроде есть такая латвийская парфюмерная компания, «Дзинтарс». Ну, и район в Юрмале, конечно. Он называется Дзинтари.

– А при чем тут... – начал было я, но тут же сообразил: – Дзинтари – это янтарь?

Аня кивнула:

– Ну, да. Сейчас – налево!

В голове зазвучали два слова: «Дзинтари – Зинтаров»! Связь была очевидна. Получается, убийца прислал на школьный электронный ящик стихотворение, в котором содержалась подсказка, кто будет жертвой.

Разумеется, он не мог рассчитывать, что директор или еще кто-нибудь правильно поймет его, значит, не хотел, чтобы ему помешали. Получается, он отправил письмо для полиции, которая должна была натолкнуться на него уже после убийства. Зачем? Ответ напрашивался только один: чтобы было ясно, что и на имя второй жертвы будет подсказка!

Значит, мы имеем дело с типом маньяка, который принято называть «зазывалой» – он оставляет след для полиции, играет с ней. В том, что скоро обнаружится второй труп, я уже почти не сомневался.

Теперь я увидел смысл подсказки: Амбра – Amber – Янтарь – Дзинтари – Зинтаров. Получается, и в нотной записи арии Марии Магдалены должен содержаться намек на чье-то имя. Допустим, это «Мария». Магдалена – не самое распространенное имя в России, так что его едва ли стоит рассматривать всерьез. Но этого мало. Должно быть указание на фамилию. Однако больше никаких записей на месте

преступления не было, ноты – единственное послание убийцы.

– О чем вы задумались? – спросила, глядя на меня, Аня.

– О том, как расшифровать... словом, я предполагаю, что преступник каким-то образом намекает на имя следующей жертвы. Вот только не могу пока понять, как именно.

– Какой еще следующей жертвы?

Я понял, что проболтался.

– Обещаете молчать?

– Уже.

– Хорошо, я скажу. Раз уж вы мне помогли.

Девушка хмыкнула.

– Если вам так проще.

– Я думаю, что преступление совершено серийным убийцей. Дело в том, что на груди Зинтарова поставлено клеймо – цифра «4», кроме того, в школу пришла подсказка. – Я протянул Ане распечатку со стихотворением. – Амбра созвучно янтарю. Дзинтари.

– А Дзинтари – Зинтарову, – понимающе кивнула девушка, читая. – Это же Гнедич!

– Кто? – насторожился я.

– Автор стихотворения. Он жил в девятнадцатом веке.

– Да, я знаю. Как вы узнали? Помните его стихи наизусть?

– Некоторые. Вообще люблю поэзию. Вас это удивляет?

– Немного, если честно.

– Вы не уникальны. В этом плане, по крайней мере.

– Надеюсь, не разочарую вас в чем-нибудь еще.

Аня усмехнулась:

– Давайте вернемся к убийце.

Я тоже улыбнулся:

– Давайте.

– Значит, он дал подсказку, кто будет первой жертвой. И вы считаете, что будут еще три. Так?

– Отлично соображаете.

– Спасибо. Полагаю, вы считаете, что ноты, которые вы мне показывали, – это намек на имя следующей жертвы.

– Мне кажется, это только часть послания, – признался я.

– Мария?

– Да.

– А, понимаю! Нужна фамилия.

– Не помешала бы.

– Но почему?
– В смысле?
– Почему вы думаете, что должна быть фамилия?
– Но без нее...
– Просто ведь в стихотворении Гнедича нет никакого имени. Только фамилия.
– Думаете, убийца подсказывает что-то одно?
– Почему бы и нет?
Я пожал плечами.
– В школе всего один Зинтаров. Имя указывать необязательно. А попробуй найди Марию.
Аня задумалась.
– Знаете, а ведь вы правы! – сказала она минуты через две. – Действительно, незачем уточнять фамилию, если в школе только один человек с подходящей фамилией. Так, может, и с именем то же самое?!
– Что вы имеете в виду? – не понял я.
– А вдруг следующая жертва тоже работает в нашей школе?
– У вас есть кто-то по имени Мария? – Девушка вполне могла оказаться права.
– Конечно! – Аня принялась загибать пальцы. – Мария Викторовна Коночкина, учительница английского. Мария Борисовна Фистулова, аккомпаниатор, часто мне помогает, и Мария Кирилловна Суханова, наш завуч.
– Великоват выбор, – заметил я.
– Можно последить за всеми.
– Думаете? Мне кажется, это грубовато для убийцы, которого мы ловим. Он все так тщательно продумал.
– Что именно?
– Не могу сказать.
– Жаль. – Аня выглядела по-настоящему расстроенной. – Ну, ладно. В конце концов, я просто хотела вам помочь. Такие дела.
– Не обижайтесь.
– При чем тут это?
Минуту мы ехали молча. Соображала девушка хорошо и предположения высказывала здравые, но она была учительницей, а не следователем. Не стоило обсуждать с ней убийства, какой бы симпатичной она ни была.
– Через двадцать метров поверните направо, – проговорила Аня, снова изобразив навигатор.

– У вас хорошо получается, – сказал я примирительно.

– Да ладно! – отмахнулась Аня.

– Слушайте, а что вы знаете о Царь-ванне? – спросил я, чтобы возобновить разговор. Все-таки заканчивать наше знакомство на не самой радужной ноте не хотелось.

– Да почти ничего. Там плавала Екатерина в молоке. Еще ванну не смогли увезти в Германию фашисты. В общем, то же, что и все. Кстати, сверните направо – я там живу.

Я крутанул руль, поскольку мы едва не проскочили нужный поворот, и въехал во двор.

– Сюда, – показала Аня.

Я остановился напротив парадного.

– Спасибо, что подвезли. – Девушка открыла дверь.

– Был рад познакомиться, – быстро сказал я.

– Я тоже.

– Оставьте мне свой телефон. На всякий случай.

– Хотите сделать меня консультантом? – усмехнулась Аня.

– Если вы не против, – слукавил я.

– Записывайте.

– Минутку.

Она продиктовала мне номер.

– Кстати, у вас приятная улыбка, – сказала Аня, когда я сохранил ее контакт в мобильнике. – Доброжелательная.

– Да? Спасибо.

Такого комплимента мне еще ни разу не делали.

– Может, еще увидимся. – Она мимолетно улыбнулась и выскользнула из машины. – Пока!

Я проследил за тем, как она открыла дверь и скрылась на лестнице, и начал разворачиваться.

Может, Аня была права, и убийца считал, что уточнений не требуется, но интуиция мне подсказывала, что это не так. И раз уж в нотах не было иной подсказки, кроме имени, фамилию следовало искать в том, что осталось – месте преступления. Вероятно, оно само по себе и было частью послания.

Я решил выяснить все, что можно, о Царь-ванне и Баболовском дворце. Когда убийца наметил разделаться со следующей жертвой, неизвестно, значит, надо торопиться, чтобы опередить его.

Я поехал в Баболовский парк. Дорога заняла четверть часа.

В темноте парк выглядел особенно запущенным и пустынным. Как в

лесу! Не хотел бы я оказаться здесь часов в двенадцать ночи в полном одиночестве – жуткое ощущение, наверное. Среди деревьев быстро теряешь чувство направления, и кажется, что никогда не выберешься. Тебя охватывает паника, и ты бежишь, не обращая внимания на ветки, хлещущие тебя по лицу, пока не споткнешься о какой-нибудь корень и не растянешься на влажном мхе. И все это время кажется, что нечто следит за тобой из-за толстых стволов, всматривается из темноты и ждет, когда ты повернешься спиной, чтобы мгновенно напасть.

Когда я припарковался возле развалин, ко мне направился полицейский с фонарем. Я с удовлетворением отметил про себя, что Димитров выполнил мое распоряжение и выставил на ночь охрану.

– А, это вы. – Полицейский меня узнал и посторонился. – Что-нибудь случилось?

– Нет, – я зашагал к развалинам, – а у вас тут?

– Приходили туристы и местные, мы их разогнали. Даже один репортер объявился. Его мы тоже выставили.

– Документы у всех спрашивали?

– Нет. А надо было?

Я воздержался от комментариев: следовало самому предупредить Димитрова, чтобы он дал указание регистрировать каждого, кто проявит интерес к Царь-ванне. Мой прокол, и нечего валить недовольство на парня, который просто делает то, что ему приказали.

– Теперь спрашивайте, – сказал я. – И записывайте фамилии и прочее. Ясно?

– Да.

– Детей можете пропускать. Но сначала узнавайте, не просил ли их кто-нибудь сбегать посмотреть, что тут делается.

– Хорошо. – Полицейский шел за мной, не отставая ни на шаг.

– Вы тут один?

– Нет, нас двое. Паша дежурит с той стороны.

– Ладно. Мне надо побродить тут, еще раз все осмотреть. Не обращайтесь на меня внимания.

Полицейский пожал плечами и отошел.

Я влез в овальную комнату и немного прошел по скрипящим полам. Наверное, фрейлины, которые сидели на них когда-то, не предполагали, что императорская ванна станет местом, где будет плавать лишенный лица труп.

Я не знал, что рассчитывал обнаружить. Местные полицейские и криминалисты облазали все вдоль и поперек, проверили каждую из восьми

комнат дворца. И не нашли ничего, что указывало бы на убийцу или следующую жертву.

Я присел на корточки и уставился на ванну. Ночью, когда здесь орудовал убийца, место, должно быть, выглядело просто жутко. Этаким каменный колодец с единственным щербатым проломом, наполненный запахом дерьма, мочи и тухлой воды.

Я достал телефон и вышел в Интернет. Нашел статью о Баболовском дворце и принялся читать. Через некоторое время у меня появились такие варианты фамилий: Потемкин, Романов, Вельо, Стасов, Суханов, Бетанкур. Все эти люди имели то или иное отношение либо к строительству, либо к истории дворца. Конечно, только некоторые фамилии выглядели перспективно, но я из аккуратности выписал в свой блокнот все до единой. Затем набрал Анин номер.

– Алло? – раздался через несколько секунд ее голос.

– Это лейтенант Самсонов.

– Что-то вы больно быстро! – усмехнулась девушка.

– Простите, что беспокою.

– Да ничего.

– Не могли бы вы еще раз назвать полные имена учительниц из вашей школы? Ну, тех, которые Марии.

– А-а. Да пожалуйста.

Я приготовился записывать.

– Мария Викторовна Коночкина, Мария Борисовна Фистулова, Мария Кирилловна Суханова.

Записывая последнюю фамилию, я на мгновение замер. Меня словно окатило горячей волной.

– Спасибо, – сказал я, закрывая блокнот. – У вас случайно нет их телефонов?

– Только Марии Борисовны. Да и то потому, что она мне иногда сопровождает. Дать?

– Не надо.

– Вы что-то раскопали?

– Нет. – Я не собирался докладывать девушке о ходе расследования.

– Чей именно телефон вы хотели у меня узнать?

– Простите, мне надо бежать. Пока!

Я отключился и торопливо вышел из овальной комнаты. Бежать действительно было надо, вот только куда? Как и где узнать адрес этой Марии Кирилловны, чья фамилия совпала с фамилией мастера, изготовившего гранитную ванну?

Во всяком случае, Аня оказалась права: вторую жертву убийца наметил тоже из школы. Вот и тот фактор, который их объединяет. Иногда найти его – значит обнаружить ключ к личности убийцы.

Я уже собирался было припустить к машине, когда мне показалось, будто среди деревьев мелькнуло что-то светлое. По идее, это мог быть только человек. Не полицейский – те были в форме. Кто-то посторонний, кому находиться здесь не полагалось.

Я вытащил из кармана куртки фонарь, прихваченный из машины, но до сих пор не пригодившийся (стемнеть успело несильно, и в общем-то видно вокруг было хорошо), и остановился, всматриваясь в заросли. Откуда-то издали донеслись пьяные выкрики, протяжно и злобно прогудел грузовик.

Я двинулся туда, где заметил светлое пятно. Свободной рукой достал из кобуры пистолет, но снимать с предохранителя пока не стал. Медленно шагая, старался уловить хоть какие-то признаки присутствия в зарослях живого существа. В том, что мне не привиделось, я был уверен. В голову пришло, что сейчас я представляю собой отличную мишень. По спине пробежал холодок. Сжав пистолет посильнее, я сделал еще несколько шагов.

Нечто метнулось прочь, ломая кусты. Светлое пятно, хорошо различимое в темноте.

– Стой! – машинально крикнул я и кинулся следом, стараясь светить фонариком, но он был слишком маленьким.

Через несколько секунд я понял, что преследую не одного человека, а двоих. Они бежали друг за другом, не оглядываясь и, похоже, не разбирая дороги. Неожиданно раздался вопль ужаса. Его издал тот, что чуть поотстал.

Я остановился как вкопанный.

Дети! Черт возьми, это были просто пацаны, из любопытства притащившиеся в парк поглядеть на место преступления. Куда только смотрят их родители? В такой час дети должны сидеть дома, а не болтаться в темноте без присмотра.

Я еще несколько секунд слушал, как трещат кусты и ветки под ногами улепетывавших мальчишек. Во всяком случае, это будет им уроком, и сюда они больше не придут.

Поводив вокруг себя фонарем, я вдруг понял, что справа от меня часть парка обтянута желтой ограничительной лентой. Должно быть, это именно то место, где убийца разделался со своей жертвой, прежде чем перевезти тело на тачке в каменную ванну. Неподалеку отсюда лежал в траве

обмерший от страха Глист и наблюдал за тем, как орудует преступник. Должно быть, он решил, что допился до чертей и видит одного из них.

Я прошел через заросли, приподнял ленту и оказался посреди высокой травы. Полянку окружали деревья, смыкаясь с одной стороны довольно плотной стеной. Над их раскидистыми вершинами светлела бледная, призрачная луна.

Лента отгораживала небольшую территорию, так что отыскать участок, где трава была примята, труда не составило. Я пошарил по земле фонарем, опустился на четвереньки и тщательно осмотрел все вокруг. Криминалисты, конечно, сделали это до меня, но я должен был представлять место, где убийца совершил свое... А что, собственно, это было? Какое значение преступник придавал своим действиям?

Я встал и огляделся.

Темнота и тишина. Ощущение одиночества. Что-то дикое было в этих скрюченных деревьях, неухоженных кустах, нестриженной траве.

Лес! Убийца охотился в нем словно зверь, хищник, терзающий добычу, пока трусливые гиены ждут, чтобы полакомиться тем, что останется. Он кромсал плоть, слушая скрежет стали о кости черепа, сдирал ее лоскутами, наблюдая за тем, как постепенно лицо превращается в багровый оскаленный остов с выпученными глазами и оскаленными зубами. Что он чувствовал? Страх? Торжество? Упоение? Всесилие? Или его направляли боль и ненависть?

Ответы на эти вопросы можно было найти, если повезет, только со временем, но одно я понял, одно ощутил: здесь, в этом темном лесу, наедине с окровавленным телом, убийца чувствовал себя в своей тарелке!

И еще мне очень захотелось своими ушами услышать рассказ Глиста.

Я покинул огороженную лентой территорию, светя себе под ноги фонариком, добрался до машины, сел в нее, развернулся и погнал в отдел: надо было пробить Суханову по адресной базе.

Добрался я минут за тридцать, благо машин на дороге почти не было, и сразу отправился искать кабинет Димитрова. Он оказался на месте, несмотря на позднее время. С ним была молодая женщина в ярко-синем коротком платье и песочного цвета сандалиях на босу ногу. Она сидела на маленьком диванчике, и, когда я вошел, чуть приподняла брови. Лицо было красивым, с тонкими чертами, уголки глаз чуть приподняты к вискам, волнистые каштановые волосы обрамляли высокие скулы, но особенное внимание привлекали накрашенные алой помадой губы – сочные, слегка блестящие.

Почему-то, глядя на эту женщину, столь явно выбивающуюся из

интерьера казенного полицейского кабинета, я подумал о десерте – засахаренных фруктах или мягкой карамели.

– Привет! – Димитров выглядел немного удивленным. – Я заходил к тебе дважды. Где ты пропадаешь?

– Занимаюсь расследованием.

– Это моя жена, Светлана, – представил женщину лейтенант. – Валера, коллега. Приехал к нам из Питера искать убийцу.

– Приятно познакомиться. – Жена Димитрова протянула мне руку, и я слегка пожал тонкие прохладные пальцы.

Она встала, взяла с дивана сумочку из крокодиловой кожи.

– Ну, мне пора. Надеюсь, вы быстро отыщете своего маньяка. – Светлана быстро чмокнула мужа и вышла в коридор. Несколько секунд было слышно, как глухо стучат ее каблуки.

– Давай включай адресную базу! – сказал я, когда они стихли.

– А что, есть след? – спросил Димитров, пересаживаясь к компьютеру.

– Кажется, я знаю имя следующей жертвы.

– Да ладно?!

– Мария Суханова, завуч в школе – той же самой, где работал Зинтаров.

– С чего ты взял?

– Потом объясню. Сейчас надо позаботиться о Сухановой.

– Думаешь, ее уже прикончили? – с сомнением проговорил Димитров.

– Вряд ли. Хотя все может быть.

– Серийные убийцы так оперативно не работают. Он не успел бы даже подготовиться.

– Он мог сделать это заранее, – возразил я. – Загрузилась?

– Да. Сейчас введу имя. Суханова, да?

– Да. Мария Кирилловна.

– Та-ак Пожалуйста: есть две Марии Кирилловны Сухановых в разных концах Пушкина. Тебе какую?

Я заглянул в монитор.

– Однозначно не ту, которой четыре года.

– Точно, – обескураженно сказал Димитров. – Вот я слепой!

– Запиши адрес, и поехали. Жду тебя в машине.

– Сейчас?

– А когда?

– Ладно, ты прав.

Я спустился во двор, Димитров появился спустя пару минут с клочком бумаги в руке.

– Поехали на моей, – предложил я.
– Ладно, все равно сюда возвращаться, – подумав мгновение, кивнул лейтенант.

– Куда ехать?

Он протянул мне адрес.

– Минут двадцать, не больше, – сказал он. – Я знаю этот дом. У меня там неподалеку двоюродная сестра живет с мужем.

Димитров оказался прав: мы добрались даже быстрее.

Я подошел к двери подъезда первым и нажал кнопку домофона, вызывая семнадцатую квартиру. Раздались гудки. Мы ждали секунд тридцать, но ответа не было.

– Похоже, нет дома, – заметил Димитров.

– Надо проверить.

– Слушай, сейчас лето. Может, человек на дачу уехал.

– Может. А ты посмотрел, есть у нее дача?

– Каким образом? Она в ней не прописана.

– Да, верно. Ладно, раз уж приехали, все равно поднимемся. – Я нажал номер соседней квартиры.

– Да? – донесся до нас сонный женский голос.

– Полиция, – сказал я отчетливо. – Нам нужна ваша соседка из семнадцатой квартиры.

Пауза. Затем удивленное:

– Машка, что ли?

– Да, Мария Кирилловна. Она не отвечает.

– Странно. Я ее сегодня видела. Она с работы пришла с сумками – по дороге заходила за продуктами.

– Мы бы хотели подняться. Откройте, пожалуйста, дверь подъезда.

Раздался сигнал, и замок щелкнул.

– Спасибо.

Когда мы поднялись на третий этаж, соседка стояла на пороге своей квартиры в цветастом халате и тапочках. От нее пахло щами и выветрившимися духами.

– Я позвонила Машке в дверь, – сообщила она, едва увидела нас на площадке. – Не отвечает. Может, вышла куда.

– Разберемся, – дежурным тоном отозвался Димитров, наклоняясь, чтобы рассмотреть замочную скважину.

– Ну, что? – спросил я спустя секунд десять.

– Заперто, следов взлома нет.

– Ой, что это?! – воскликнула вдруг соседка, указывая на порог.

Мы с Димитровым опустили глаза и увидели воду, вытекающую из-под входной двери.

– Заливает же! – заверещала соседка, словно это могло что-то изменить. – Скорее, стучите! – Она сделала движение вперед, явно намереваясь обрушить на дверь Сухановой град ударов, но Димитров остановил ее.

– Спокойно, гражданка! – сказал он строго. – Вернитесь к себе.

– Какое к себе! – всплеснула руками соседка. – Побегу вниз, предупрежу Воробьевых!

– Странно, что они еще не в курсе, – пробормотал Димитров, когда она умчалась, прыгая через две ступеньки. – Что делать будем?

– Вскрывать, – решил я.

– Уверен?

– Абсолютно.

Вздыхнув, Димитров вытащил из кармана набор отмычек.

– Ладно. Дай мне пару минут. Черт! – Он выругался, глядя на то, как вода окружает его ботинки от «Catepillar».

Справился он быстрее, чем соседка, чьи вопли доносились со второго этажа и которая вернулась несолоно хлебавши: Воробьевы, судя по всему, куда-то укатили и не знали, что их квартиру постигла катастрофа.

– Стойте здесь! – сказал я ей, доставая пистолет.

При виде оружия она открыла рот и только молча закивала головой. Димитров тоже вытащил пушку. Мы вошли в квартиру.

Было темно: как выяснилось спустя минуту, кто-то задвинул шторы во всех комнатах.

В ванной шумела вода. Звук был равномерный, ничем не прерываемый – совсем не такой, какой бывает, когда моются.

Мы осмотрели все в квартире, прежде чем отправиться туда: не хотелось бы, чтобы кто-то выскользнул на лестницу, пока мы будем в ванной.

Дверь была приоткрыта, и через порог бурным потоком лилась вода.

Димитров зажег свет, нажав на выключатель стволком «Макарова», и мы заглянули внутрь.

Мертвая женщина, лежавшая в ванне, была одета в нелепый костюм вроде театрального – что-то из шестнадцатого или семнадцатого века.

– Дежавю! – выдохнул Димитров.

Я сразу понял, что он имеет в виду.

У женщины не было лица. Красное, багровое, белесое, жутко оскаленное, дико выпучившееся – все это было. А лица не было. Кто-то

срезал его и унес с собой.

Я смотрел на месиво, чуть выступающее над водой, и чувствовал, что меня начинает мутить. Только теперь я заметил, что вода была слегка розовой – она вымывала кровь из жуткой раны. Впрочем, сердце женщины уже остановилось, так что труп почти не кровоточил.

Рядом со мной громко выругался Димитров.

– Вызывай опергруппу! – проговорил я, опуская пистолет. – Мы опоздали.

* * *

У моего дяди со стороны матери была ферма. То есть фермой ее назвали бы сейчас, а тогда это был просто «участок», на котором стоял не обшитый досками двухэтажный дом из потемневших бревен, сарай, хлев, курятник и загон для коз.

Хозяйство, одним словом.

Дядя предпочитал пищу, которая выросла в его владениях. Яйца, курятина, свинина, из которой он делал шпик, колбаски, беконы, окорока и так далее. У него была толстая поваренная книга, которую он собирал много лет, вырезая, перепечатывая, переписывая и вклеивая рецепт за рецептом. Мясо он готовил всегда сам, доверяя жене остальные блюда.

Особое место в его хозяйстве занимали козы. Они давали молоко, шерсть, мясо и шкуры. Их мясо он коптил и тушил, а также добавлял в свиную колбасу. Шерсть продавал. Животных стригла его жена, и получалось это у нее очень ловко и быстро.

Шкуры же сдавал в мастерскую, где их выдывали, превращая в предмет интерьера. Такую штуку можно было положить перед камином или расстелить на диване. Они пользовались большим спросом, и дядя часто забивал козу, чтобы ободрать. Он говорил, что подвешивает ее в специально отведенной части сарая, раздевается догола, чтобы не запачкать кровью одежду, и приступает к делу, надрезая шкуру и постепенно стягивая ее вниз.

Однажды я подглядел за ним. Пришлось поставить на попа ящик из-под пива, валявшийся за сараем, и влезть на него, чтобы дотянуться до маленького окошка в задней стене.

Все оказалось так, как и говорил дядя. Он не соврал. До сих пор у меня перед глазами иногда возникает его обнаженный торс, освещенный

солнцем, блестящий от пота и крови, сосредоточенное лицо и кривое лезвие ножа-шкуродера, мелькающее вверх и вниз, вправо и влево!

Я был заморожен этим зрелищем и даже не заметил, что меня отыскал отец. Когда он окликнул меня, я едва не свалился с ящика от испуга.

Все это отложилось в моей памяти очень четко и ясно, словно произошло только вчера.

Много позже я узнал, что Альберт Фиш, еврейский ребенок, тоже раздевался, прежде чем убить свою жертву, чтобы не испачкать одежду. Почему-то этот факт – вернее, его связь с моими детскими воспоминаниями – поразил меня.

* * *

Лес был темным и молчаливым. Глухим, как написали бы в старой сказке. Например, в одной из тех, что мне читали в детстве. Это были хорошие немецкие истории, придуманные германским народом и записанные для будущих поколений братьями Гримм. Я обожал их. И тот лес, в котором я недавно оказался, хотя и не мог похвастаться узловатыми вязами и вереском высотой в человеческий рост, все же был вполне подходящим фоном для событий, которым предстояло в нем произойти.

Итак, он был глухим, мрачным и страшным. А еще – опасным, и это известно каждому жителю Пушкина, а значит, никому не придет в голову бродить по нему среди ночи. Это делало лес вдвойне удобным.

Вообще каждая вещь опасна и безопасна одновременно – тут все зависит от точки зрения. Если пистолет у тебя и ты не целишься себе в рот, то он скорее безопасен, а если его направляют на тебя с явным намерением спустить курок, то наоборот.

Также и лес. Для жертвы он опасен, потому что там обитают хищники, для хищника же – нет. Конечно, лишь пока в лесу не появятся охотники. С другой стороны, может ли охотник чувствовать себя в полной безопасности, когда поблизости бродят хищники? Наверное, да, но только пока его ружье не дает осечек, патронов полно и он в состоянии достаточно быстро перезарядить. И, конечно, хищников не должно быть слишком много, иначе... иначе охотник становится жертвой.

Все относительно. Поэтому на Востоке говорят, что решение нужно

принимать в течение десяти вдохов. Сначала ты слишком возбужден, находишься под властью эмоций. Это мешает. Позже – успеваешь остыть, что тоже нехорошо.

Хорошо или плохо, правильно или нет – как определить это в мире, где нет ничего четкого и однозначного?

Десять вдохов.

Бывает так, что ты не можешь противостоять необходимости совершить что-то. У каждого живого существа имеется инстинкт самосохранения. И я хочу жить так же, как подавляющее большинство людей. И меня гложет страх смерти и небытия.

Что же мне остается, как не принять необходимые меры, чтобы избежать гибели? И если путь, который я выбрал для этого, покажется кому-то неправильным, то пусть этот кто-то задастся вопросом: а на что Я способен ради того, чтоб остаться в живых? И дай ему Бог сил ответить честно!

Лес был моей территорией. Я дышал вместе с ним, я двигался вместе с ним, я упивался пролившейся в землю кровью наравне... нет, куда сильнее, чем он! Потому что для меня она означала куда большее.

Удивительно, как легко режется человеческая плоть, если нож действительно хорошо отточен. По всем правилам. Даже не надо прикладывать особенных усилий – просто водишь лезвием, как кисточкой с тушью по рисовой бумаге, и видишь, как у тебя на глазах рождается нечто новое, сырое, остро пахнущее! Уже не окончательная форма, а всего лишь материал. Кирпичик для постройки чего-то нового.

** * **

Мы с Димитровым сидели у него в кабинете и пили кофе из пакетиков. Полчаса назад мы наконец закончили работу в квартире Сухановой и прибыли в отдел. Опергруппа сняла отпечатки, криминалисты забрали труп на вскрытие. Теперь оставалось только ждать результатов.

Я сидел, положив на колено планшет с листком бумаги, и широкими штрихами рисовал Анин портрет. Пока что выходил только набросок, потому что у меня осталось от девушки лишь общее впечатление, черты же лица я запомнил плохо. Их я рассчитывал уточнить позднее – при следующей встрече.

– Он словно с цепи сорвался, – проговорил Димитров, делая глоток из

большой кружки с веселой картинкой.

– Кто? – спросил я, не поднимая глаз от рисунка.

– Тот, кого мы ищем, конечно же. Обычно серийные убийцы делают перерывы между преступлениями. Им требуется сделать эмоциональный выброс, и для этого они ищут жертву, но в периоды между ними они ведут себя как обычные люди.

Я кивнул: Димитров был прав. Серийный убийца, как правило, не способен постепенно стравливать агрессию из-за нефункционирующих психических защитных механизмов. Он избавляется от этого балласта разово, во время совершения убийства. Затем наступает период затишья, эмоционального спокойствия.

Тот же, кто убивал в Пушкине, похоже, задался целью истребить тех, кого наметил, в рекордные сроки. Либо его агрессия требовала выброса каждые сутки (но тогда странно, что он умел обходиться без этого прежде), либо он руководствовался какой-то другой целью.

– Ситуация нетипичная, – сказал я, откладывая набросок: на данный момент я нарисовал все, что мог.

Димитров шумно вздохнул и открыл ящик стола. Вытащил оттуда целлофановую папку и бросил мне. Я поймал ее, но пара фотографий выпала на пол.

– Извини, – сказал Димитров. – Это результаты обыска квартиры Зинтарова. Полюбуйся. Хотел тебе раньше показать, но тут навалилось столько дел... – Он потер переносицу и откинулся на спинку кресла.

Я смотрел на фотографии, чувствуя, как в животе поднимается волна отвращения к убитому.

– Там такого добра было три коробки, – бросил лейтенант, прикрывая глаза. – И еще видео. А когда мы залезли в его интернет-браузер...

– Он сам делал снимки? – спросил я, убирая карточки в папку.

– Нет. Может быть, некоторые. Это нужно проверить. Большая часть куплена им на черном рынке. Это видно по фону.

– Каким образом?

– Слишком много снимков с разными детьми в одной и той же обстановке. Где-то это дело поставлено на поток. Но делал фотографии не Зинтаров. Соседи показали, что к нему никогда не приходили дети, а кроме квартиры, у него не было помещений.

– Ни дачи, ни съемной комнаты?

Димитров покачал головой:

– Во всяком случае, мы пока ничего не обнаружили. Но эти материалы передадут в специальный отдел, и там займутся личной жизнью Зинтарова

более тщательно. Возможно, удастся выйти на поставщиков детской порнографии. Я не думаю, что Зинтаров приставал к детям. В частности, к своим ученикам. Иначе на него наверняка поступили бы жалобы.

Я кивнул.

Если педофил теряет бдительность, утрачивает осторожность, его дни сочтены: такое шило в мешке утаить довольно сложно.

– Скорее всего. Ты думаешь, смерть Зинтарова связана с его тайной жизнью?

– Даже не знаю. У Сухановой-то мы в квартире ничего такого не нашли. Если бы был убит только Зинтаров...

– Да, ты прав. Должна быть связь между жертвами. Они разного пола и возраста, зато работали в одной школе. Зинтаров был извращенцем, Суханова вроде нет. Не будем подгонять факты в удобные нам рамки. Не думаю, чтобы страсть Зинтарова стала причиной его гибели. Судя по всему, он тщательно ее скрывал и едва ли отваживался на сексуальный контакт с детьми.

– Но такое вполне могло быть. А в таком случае рассерженные родители или подросткая жертва...

– Убийца наметил четыре жертвы. Думаешь, Зинтаров задействовал бы в своем преступлении столько народа?

Димитров пожал плечами.

– Кажется маловероятным, – признал он, подумав.

– Вот и я о том же. Но знаешь, что меня смущает?

– Ну?

– Жестокость, с которой преступник расправляется с жертвами.

– Садизм обычно является способом выброса агрессии, – заметил Димитров недоуменно. – Что тут странного? Когда мы изучали в академии основы криминальной психологии...

– Извини, – прервал его я, – но убийца может наносить жертве увечья и после смерти. Например, выпотрошить или расчленить. В данном же случае очевидно, что преступник стремится заставить жертву страдать, испытывать боль. Причем, если не считать нумерование раскаленным тавро, все внимание он уделяет лицу.

– Я понимаю, что ты хочешь сказать, – проговорил Димитров. – Убийца мстит миру за испытанную им самим боль. Вероятно, в детстве он получил травму лица, и это нанесло ему психическую...

– Необязательно. Возможно, убийца не смог самоидентифицироваться.

– В смысле, что он не определился, кто он?

– Да. Его представление о себе как о личности по какой-то причине

размыто.

– И он забирает лица либо в отместку, либо в качестве... замены?
Делает из них маски?

– Это объяснило бы, почему жертвами стали и мужчина и женщина.

– Думаешь, убийца и с полом не определился?

– Может, он примеряет разные личины.

– А почему он так активизировался? Что за спешка? Такое впечатление, что он заранее спланировал все четыре убийства и теперь четко следует плану. Серийные убийцы так себя не ведут.

– Я знаю. Возможно, здесь что-то другое.

– Что, например?

– Пока что без понятия.

Димитров хмыкнул.

– Ладно, – сказал он, меняя тему, – давай быстренько напечатаем отчет, а потом спать.

– Согласен. Кто будет набирать?

– Я могу.

– Ок, – не стал я спорить. – Итак, с чего начнем?

Димитров пожал плечами:

– Думаю, с самого начала.

* * *

До своей комнаты в отделе я добрался еле живой от усталости. Принял душ и, не ужиная, завалился в постель.

Перед глазами стояла картина, увиденная в квартире Сухановой.

Приехавший по вызову Полтавин бегло осмотрел тело и заявил, что картина примерно та же: клеймо на груди, содранное лицо, предварительно нарезанное на куски, неравномерные проколы мимических мышц. Разница была лишь в том, что цифра на коже была тройкой, проколов было меньше, и располагались они иначе, а смерть наступила от потери крови. Заодно он подтвердил собственную версию, что Зинтаров скончался от сердечного приступа: Полтавин мог это сказать точно только после вскрытия, и вот он его закончил буквально за полтора часа до того, как ему позвонил Димитров.

Судмедэксперт прихватил с собой распечатку своего отчета.

Я проштудировал его, пока криминалисты снимали отпечатки пальцев,

обуви и так далее. Правда, некоторые вышли совсем плохо из-за воды на полу, которая смыла все, что было на паркете, коврах, кафеле и линолеуме.

В отчете меня заинтересовали только три момента: во-первых, в проколах на лицевых мышцах были обнаружены волокна древесины и следы пропитки вроде морилки; во-вторых, несмотря на кажущуюся хаотичность, некоторые проколы располагались на определенном расстоянии друг от друга. Конкретнее – попарно. В-третьих, лица были не содраны, как все решили поначалу. Они были срезаны, причем не целиком, а кусочками.

Лежа в своей постели (временно своей) и пытаясь заснуть, я думал о том, что могло заставить человека приложить столько усилий для того, чтобы причинить боль, изуродовать и убить другого. Потому что, хотя Зинтаров и умер от сердечного приступа, едва ли преступник рассчитывал на то, что учитель останется жив после того, как он срежет ему лицо.

По долгу службы мне приходилось видеть всякие зверства. И девушек, перемолотых промышленным утилизатором в кровавый фарш, и обгоревшие трупы, и людей без кожи, и тела, множество раз пробитые насквозь. За все эти годы я так и не привык к подобным зрелищам и к тому, что один человек способен сотворить такое с другим.

Постепенно я начал задремывать.

Лицо... нарезанное на куски, некоторые из которых проткнули... Пирог бабушки Димитрова... В полусне эти фразы и образы витали в моей голове, не давая отключиться.

Вдруг я открыл глаза и резко сел на постели. Неожиданно для самого себя я понял, что делал убийца с лицом Зинтарова!

Глава 2. В трех соснах

Четверг, 3 июня

Было восемь утра, когда я вошел в кабинет Димитрова. Лейтенант дремал в кресле перед компьютером, в колонках тихо звучала песня Стинга – «Shape of my heart».

– Подъем! – Я хлопнул Димитрова по плечу.

Он подскочил, едва не брякнувшись на пол.

– Что такое?! – ошалело промямлил он, озираясь и, судя по всему, пытаюсь сообразить, где находится.

– Ночью меня осенило! – Я уселся на продавленный диванчик.

– Поздравляю.

– А ты чего так рано пришел? – спросил я. – Честно говоря, не рассчитывал тебя тут застать. Думал, посижу, подожду где-нибудь.

– Дежурю, – мрачно объяснил Димитров. – Только что закемарил.

– Ну, извини, – сказал я, ничуть не раскаиваясь.

Когда я брал след, все человеческие естественные потребности уходили на второй план. Оставалась только охота: я и хищник, жестокий и безумный, заслуживающий возмездия.

– Так что стряслось-то? – спросил, зевая, Димитров. – Из-за чего такой ажиотаж?

– Мне вчера никак не давал покоя отчет Полтавина. Там были три пункта, которые так и просились сложиться в мозаику. Ну, или что-то в этом роде.

Димитров поморщился:

– Валер, а можно попроще?

Я кивнул:

– Легко. Во-первых, лица были нарезаны на куски, во-вторых, имелись проколы мышц, в-третьих, отверстия располагались попарно. Вывод, который пришел мне в голову: убийца ел лица своих жертв! Он нарезал их на куски и брал вилок! Вот откуда проколы, понимаешь?

Димитров выглядел потрясенным.

– М-да! – проговорил он наконец. – Ну, ты и загнул.

– Я серьезно.

– Вижу. Ну хорошо, допустим, ты прав. – Лейтенант пошарил в ящике стола и вытащил помятую копию отчета судмедэксперта. – Та-ак, я себе тут кое-что подчеркнул. Ага! Смотри, в проколах обнаружены волокна

древесины. Это ты как объяснишь?

Я улыбнулся:

– Когда мне вчера пришла в голову мысль насчет того, что убийца – каннибал, я открыл ноутбук и вошел в Интернет. Знаешь, он очень помогает.

– Знаю, не в лесу рос. Дальше что?

– Я нашел статью о каннибалах, потом другую, третью. Короче, сидел до трех ночи и нашел много интересного. Во-первых, теперь я думаю, что убийца не надевал маску в форме черепа. Он нанес на лицо грим.

– С чего ты взял?

– Потому что африканские каннибалы раскрашивали себе лица, имитируя череп с оскалом. Белая и черная краски.

– Как мексиканцы на День мертвых?

– Примерно.

– Ладно, это возможно, – согласился Димитров, хотя было заметно, что он относится к моим рассуждениям скептически. – А что во-вторых?

– Вожди племен островов Фиджи поедали человечину, используя особый столовый прибор. – Я достал блокнот. – Так сразу и не выговоришь. Называется «икуланибокола». Это деревянная вилка с двумя, тремя или четырьмя зубцами.

– Надо же, какие фанаберии!

– Дело в том, что боги запретили им прикасаться к простолюдинам руками, а так, вилкой, – пожалуйста.

– Думаешь, убийца пользовался этой илука... ику...?

– Икуланибоколой, – подсказал я. – Уверен, что да.

– Где он ее взял?

– Это популярный сувенир на Фиджи. Думаю, и в России можно найти в какой-нибудь лавке. А вообще, ее нетрудно сделать самому, было бы желание.

Димитров помолчал, обдумывая мою версию.

– Ну, похоже, все сходится, – проговорил он наконец. – Только как-то это... жутковато!

Конечно, ему должно было так казаться. Он ведь не работал в «Серийном отделе».

– Что поделаешь, – сказал я. – Бывает и похлеще.

– А я вот пытался понять, на кого намекает убийца. В смысле, кто будет его следующей жертвой. Кстати, ты был прав: это серия. Что хочешь в качестве выигрыша?

– Пока не знаю. Потом придумаю.

- Ладно. Может, вообще об этом забудешь, – усмехнулся лейтенант.
- Это вряд ли. И как расшифровка? Получилась?
- Не особенно, по правде говоря.
- Ну, какие-нибудь предположения есть?

Димитров пожал плечами:

– Я так понял, что основным элементом является костюм, в который была одета Суханова. Но он то ли средневековый, то ли эпохи Возрождения. В любом случае ума не приложу, как это может помочь.

- Больше в ванной ничего не было?

Димитров покачал головой:

– Мы все обыскали. Только костюм. Никаких надписей, символов, знаков, нот, иероглифов и тому подобного.

- Странно. Что-то должно быть.
- Если хочешь, посмотри сам.
- Ключи от квартиры у тебя?
- На, держи. – Димитров протянул мне связку.
- Откуда они?
- Из квартиры Сухановой, откуда же еще?

Я повертел ключи в руках. Они выглядели совсем новыми.

- Где конкретно они лежали?
- В хрустальной вазе. В серванте. А что?
- Это был единственный комплект в квартире?
- Да, других ключей мы не нашли.

Я подбросил связку на ладони.

- Это запасные.

– Конечно. – Лейтенант кивнул. – Теми, которые Суханова носила в сумочке, убийца запер дверь квартиры. Он унес их с собой и, скорее всего, выкинул где-нибудь.

- Взлома точно не было?

– Я взламывал замок, забыл? Но я уверен, что был первым. Иначе остались бы царапины, да и замок не открылся бы так легко. Не говоря уж о том, что его едва ли смогли бы закрыть.

Я покачал головой, обдумывая слова лейтенанта. Указание на имя следующей жертвы должно было быть, полицейские просто не заметили его – в этом я не сомневался.

- Поеду на квартиру, – сказал я. – Погляжу, что там и как.
- Зря потратишь время.
- Посмотрим.

Я вышел из отдела, сел в машину и поехал на квартиру Сухановой. По

дороге остановился возле бистро позавтракать. Наскоро перекусив гамбургером, картошкой фри и колой, я сунул в рот таблетку гастала и двинулся дальше – в последнее время у меня разыгрался гастрит, так что приходилось пить лекарство.

Через двадцать минут я был на месте.

Квартира была опечатана, и мне пришлось сорвать несколько лент, чтобы попасть внутрь. Занавески раздвинул кто-то из экспертов, и теперь квартира выглядела по-другому. Не такой мрачной и похожей на лабиринт, в закоулках которого может притаиться в ожидании очередной жертвы чудовище.

Повсюду царил порядок. Убийца не тронул ничего, не перевернул ни единой вещи. Он был очень аккуратен.

Даже трудно представить, что не так давно здесь обнаружили изуродованный труп, выраженный в театральный костюм.

Я прошел в ванную комнату.

Воду спустили, пол был сухим, только ковры еще оставались влажными и испускали затхлый запах.

Я присел на край ванны. В памяти сразу же, помимо моей воли, всплыла картина: труп с кровавой раной вместо лица, на который монотонно течет струя воды. Было в этом что-то... кощунственное! Словно убийца выражал жертве свое презрение, хотел поглумиться над ней.

Я попытался представить, как он действовал. В отчете судмедэксперта было сказано, что обеих жертв предварительно усыпили уколom бензодиазефина. Затем их связали клейкой лентой, после чего убийца стал ждать, когда они очнутся. В это время он, должно быть, раскалял клеймо с цифрой.

Я огляделся.

Где преступник мог это сделать? В квартире не было никаких следов того, что кто-то разводил огонь. Разве что на конфорке.

Я встал и пошел на кухню. Плита была газовой, одна конфорка побольше, три поменьше, но тоже все разного размера.

Я внимательно осмотрел столешницу и наконец нашел черный след с правой стороны от плиты – словно к дереву прислонили горячий металл. Возможно, его оставило клеймо. Придвинув табуретку, я уселся и задумался: откуда убийца взял клейма с цифрами? Их нужно было либо изготовить самому, либо заказать. Но едва ли он отважился бы поручить это кому-то чужому, так что, скорее всего, делал все собственноручно. Для этого требуется оборудование. Формы, печь и так далее. По идее, лучше всего для этих целей подошла бы кузница.

Я набрал номер Димитрова:

– Слушай, в Пушкине есть кузницы?

– Наверное. А что? – Голос у лейтенанта был удивленный.

– Я тут подумал про клейма, которыми убийца ставит цифры.

– Понял. Постараюсь выяснить. Ты уже в квартире Сухановой?

– Да.

– Как продвигается? Нашел что-нибудь?

– Пока нет. Скажи, а на том месте, где убили Зинтарова, были следы костра?

– Нет.

– А вы проверяли?

– Конечно. Должен же был убийца где-то раскалить клеймо.

– Вот и я о том же.

– Но поставил он его там, в парке.

– Откуда ты знаешь?

– Мое предположение. Вряд ли он все делал в разных местах.

– Не факт.

– Мне кажется, он использовал газовый обогреватель.

– Что-что? – не понял я.

– Газовый обогреватель. Ну, знаешь, такая труба со спиралью накаливания с одной стороны и отверстием для шланга с другой. Подсоединяешь к нему газовый баллон, спираль накаляется, газ проходит через нее и вырывается уже в виде горячего воздуха. Такой штукой можно два этажа обогреть в загородном доме, не то что клеймо раскалить.

– Давно ты пришел к этой мысли?

– Вчера еще. А что?

– Почему не сказал?

– Да как-то речь не заходила.

Я вздохнул. Все-таки работать с проверенными людьми куда удобнее, чем с новыми, даже толковыми.

– В следующий раз сам ее заводи, ладно?

Димитров усмехнулся:

– Хорошо, учту.

Попрощавшись, я вернулся в ванную комнату.

Вчера, перед тем как уехать, я рассмотрел костюм, в который была одета Суханова. Он был мокрый и пропитался кровью, но можно было понять, что он, во-первых, мужской, а во-вторых, театральный. И убийца либо взял его напрокат, либо украл. Где именно, предстояло выяснить, и Димитров еще вчера поручил это кому-то из местных оперов. Нужно было

объехать местные театральные студии, молодежные центры и костюмерные. Если бы оказалось, что там убийца не появлялся, возникла бы более серьезная задача: проверить такие же места в Питере, а на это могло уйти бог знает сколько времени.

Я обвел глазами кафельные стены – чисто. Никаких надписей ни на потолке, ни на полу, ни на двери. Мы проверили почту Сухановой по ее компьютеру, но и там не было посланий от убийцы. Я собирался после осмотра квартиры поехать в школу и узнать, не приходило ли на электронный ящик еще какое-нибудь письмо. Хотелось бы, конечно, повидать Аню, но я помнил, что сегодня смена ее коллеги, Андрея.

Мой взгляд остановился на стенном шкафчике с зеркалом на дверце. Я открыл его и принялся перебирать содержимое. Ощущение было такое, словно я копаюсь в чужом нижнем белье.

Шампунь, бальзам для волос, скраб и маска для лица, несколько гелей и масел для тела, зубная паста двух видов, ночной и дневной крем, средства для депиляции, включая воск. Батарея лаков, пенок, муссов и спреев для волос, дезодорантов и антиперспирантов. Все это было аккуратно расставлено на верхней полке. На нижней же располагались наборы теней, помада, туши, пудры, кисточки для нанесения макияжа, ватные палочки в прозрачной коробке, диски, лаки для ногтей и набор маникюрных принадлежностей в футляре из коричневого кожзаменителя. Здесь же стояли флаконы с духами и туалетная вода.

Один пузырек заинтересовал меня больше других. Это был парфюм под названием «Juliette Has A Gun» от Романо Риччи.

Я уже видел такой раньше: одна из моих бывших «коллекционировала» духи. Практически с каждой зарплаты покупала по флакончику предварительно долго и тщательно выбирая очередной «экспонат». Были у нее и совсем крошечные пузырьки с дорогущими ароматами, которые можно приобретать на вес, – в основном арабского производства. Она называла их «отливантами».

Мне пришлось в то время выслушать немало лекций по поводу сравнительных достоинств всевозможных парфюмов. Так что алый флакон от Романо Риччи не случайно привлек мое внимание: он предназначался молодым девушкам и совершенно не вписывался в туалет пожилой женщины.

Я взял его в руки и принялся рассматривать. Открыл и понюхал крышку. Запах был очень слабый. Я перевернул крышку и заглянул внутрь: пластмассовые зажимы оказались только слегка потертыми. Судя по всему, флакон открывали буквально пару раз. Я постоял, держа его в руке, –

холодный и увесистый, совершенно полный.

Джульетта...

«Ромео и Джульетта» – первое, что приходит в голову. Я был почти уверен, что флакон оставил убийца. А значит, это часть послания. И он намекает на героиню знаменитой трагедии. По-русски Джульетта – это Юлия. Но может быть, имеется в виду Ромео? Роман. Костюм-то на Сухановой был мужской, так что это вполне возможно.

Похоже, убийца был равнодушен к искусству. Теперь следовало проверить, есть ли в школе учителя, которых зовут Юлия или Роман. Хорошо, если окажется только кто-то один – это значительно упростит дело. И еще важно не опоздать.

Этот страх преследовал меня постоянно во время расследований. Серийный убийца всегда опережает полицейского, потому что тот не знает ни его мотивов, ни критериев выбора жертвы. Даже сейчас, делая подсказки, преступник оставлял себе фору.

Прихватив флакон «Juliette Has A Gun», я запер квартиру и поехал в школу.

Пушкин выглядел как обычный маленький город, с дорогим жильем, красивыми парками и скверами, элитными районами и старыми домами, доживающими свой век. Для кого-то он был источником детских воспоминаний, для кого-то – ловушкой, из которой уже не вырваться, для кого-то – просто местом работы. А для кого-то – охотничьими угодьями. Собственно, не только для убийцы, но и для меня. Только он подстерегал «коз», а я – «тигра».

Директор школы был на месте. Короб удивленно поднял глаза, когда я возник на его пороге, и отложил стопку бумаг, которые изучал.

– Доброе утро, – кивнул я, входя. – Слышали о Марии Кирилловне?

– Да, ваш коллега позвонил мне вчера вечером, около одиннадцати. Предупредил, что она не придет. Что случилось?

– Он не вдавался в подробности?

– Нет, но я так понял, что с Марией Кирилловной случилось несчастье.

– Иначе и не назовешь. – Я сел напротив стола. – Ее убили в собственной квартире.

– Господи! – выдохнул Короб, бледнея. – Как?

– Подробности опущу, скажу только, что это, похоже, тот же человек, который расправился с Зинтаровым.

– Да что же это такое творится?!

– Ничего хорошего. Я к вам, собственно, по важному делу.

– Какому? – Директор насторожился.

- У вас работают учителя по имени Юлия или Роман?
- Дайте подумать. Та-ак... у нас есть Роман Ефимович Гурин, это охранник, и Юлия Николаевна Жаркова, завхоз. Вроде все. Хотя нет, стойте! Еще учительница географии, Юлия Олеговна Романова.
- Блеск! – не выдержал я.
- Что, простите? – нахмурился Короб. – Не понял.
- Где сейчас эти трое?
- Не знаю. Наверное, в школе.
- Подскажите, как их найти?
- Роман Ефимович дежурит внизу, вы должны были мимо него пройти, Юлия Николаевна, вероятно, у себя, на первом этаже, рядом с канцелярией, а Юлия Олеговна на четвертом этаже, кабинет номер сорок три. Зачем они вам?
- Пока ничего не могу сказать. – Я поднялся.
- Вы же не думаете, что кто-то из них убийца? – Короб неуверенно улыбнулся.
- Нет, не думаю.
- Хорошо. Прямо гора с плеч.
- Может, я к вам еще зайду, – сказал я и отправился первым делом к завхозу, потому что охранника я действительно застал внизу в полном здравии, и едва ли ему грозила опасность здесь, в школе. Во всяком случае, не в то время, пока я здесь.
- Завхоз сидела в маленькой комнатухе в окружении шкафов и коробок с хозяйственными средствами. Пахло пылью и старым картоном. У нее были короткие черные волосы и длинные наращенные ногти ярко-розового цвета. Она что-то печатала на компьютере и даже не слышала, как я вошел.
- Здравствуйте, – проговорил я, доставая удостоверение.
- Женщина подскочила от неожиданности.
- Здравсьте! – проговорила она, увидев меня.
- Мне нужна Юлия Николаевна.
- Это я. Что вы хотите?
- Я показал удостоверение:
- Старший лейтенант Самсонов. Расследую убийства Зинтарова и Сухановой.
- Ее тоже убили? – ошарашенно спросила завхоз.
- Увы, да. Вчера вечером.
- Господи, ужас какой! – Женщина схватилась за сердце. – Кто же это делает-то, а?!
- Вот это мы и выясняем. Скажите, как вы смотрите на то, чтобы к вам

приставили... наблюдателя?

– Зачем? – Брови у завхоза взметнулись вверх.

– Кто-то открыл охоту на работников вашей школы. У нас есть основания предполагать, что следующей жертвой может быть человек, которого зовут Роман или Юлия.

Женщина побледнела.

– Не пугайтесь, – сказал я поспешно. – Может быть, мы и ошибаемся, но лучше ведь перестраховаться, правда?

– Конечно, – растерянно промямлила завхоз. – Но... почему я? Я же никому... – Она замолчала, медленно мотая головой. – За что меня-то?

– А Зинтарова и Суханову было за что?

– Что? Нет, я не это имела в виду. Просто... ну, я не знаю, кому они насолили. А я же ни с кем не ссорилась. Боже, что я говорю?! При чем тут ссоры! Разве из-за этого убивают?

– Довольно часто. Правда, обычно сразу. Это называется бытовуха.

– Вы правда думаете, что я могу быть... следующей?! – В глазах женщины был настоящий ужас.

Еще немного, и она впадет в панику. Надо было ее успокоить.

– Так мы приставим к вам наблюдателя? Он сумеет вас защитить, если будет необходимость.

– Когда?! – с надеждой воскликнула завхоз, порывисто вставая. – Он здесь, с вами? Я ведь боюсь теперь одна идти домой!

– Я пришлю кого-нибудь.

– Обещаете?

– Конечно. Не выходите из школы, пока он не приедет.

– Хорошо. Ни за что не выйду!

Я был уверен, что она так и поступит.

Попрощавшись с завхозом, я поднялся на четвертый этаж, надеясь застать учительницу географии.

Она пила чай, сидя за своим столом. Полная женщина в черной блузке с люверсом и длинной плисовой юбке.

– Здравствуйте, – проговорил я, входя. – Старший лейтенант Самсонов, полиция.

– Добрый день, – удивленно ответила женщина.

Ей было лет шестьдесят, и она слегка растягивала слова, что придавало ей жеманный вид.

– Вы знаете, что совершено два убийства и обе жертвы работали в вашей школе? – начал я напрямик.

– Два? – нахмурилась Юлия Олеговна. – Почему два?

– Вчера было обнаружено еще одно тело. Сухановой Марии Кирилловны.

Учительница географии ахнула. Рот у нее был густо обведен алой помадой и походил на окровавленную рану. Немного помады попало на передние зубы. Почему-то я подумал, что это выглядит отвратительно.

– Да вы что?! Правда?

– Ее нашли в своей квартире.

– Ужас!

– Мне бы хотелось с вами поговорить об этих убийствах.

– Со мной? – Учительница выглядела удивленной. – Но я ничего о них не знаю.

– Видите ли, дело в том, что у нас есть основания считать, что следующей жертвой тоже может стать сотрудник вашей школы. – Я сделал паузу, чтобы дать ей обдумать услышанное.

– Да? – проговорила она настороженно. – А при чем тут я?

– По всей видимости, жертвой будет человек с именем Юлия или Роман. У вас в школе таких трое.

Повисла пауза.

– О боже! – проговорила учительница, осев в кресле. – Вы серьезно?

– К сожалению, да.

– Но... я не представляю, кто может держать на меня зло. Во всяком случае, так, чтобы захотеть убить. – Она в недоумении покачала головой. – Немыслимо!

– Я уже поговорил с вашим завхозом, ее тоже зовут Юлия.

– И что?

– Она разрешила нам приставить к себе человека. Полицейского, который проследит, чтобы с ней ничего не случилось.

– А мне? Мне тоже нужна охрана!

– Вот это я и хотел обсудить. Вы не против?

Учительница всплеснула пухлыми руками:

– Против?! Да я только «за»! Думаете, я хочу, чтобы меня убили?!

– Тогда все в порядке. Я пришлю человека.

– Когда? – Женщина испугалась, словно я бросал ее на необитаемом острове.

– Скоро. Дождитесь его здесь.

Она закивала:

– Да-да, конечно. Он придет сюда, в кабинет?

– Да, не волнуйтесь.

– Да как же тут не волноваться?!

- Мне еще надо переговорить с вашим охранником.
- С Романом Ефимовичем?
- Да.
- Хорошо. Так я буду ждать здесь.
- Ждите.
- Пусть скорее приезжает.
- Я скажу ему, чтобы поторопился.

Вырвавшись от учительницы географии, я спустился на первый этаж и подошел к стойке охраны. Романа Ефимовича не было.

Я сел на скамейку и стал ждать, решив, что он отошел на пару минут в туалет или еще по каким-нибудь делам. Чтобы не тратить время, позвонил Димитрову, сказал, что пообещал потенциальным жертвам охрану. Он обещал прислать трех оперов в течение получаса. Звучало это слишком оптимистично, потому что я понимал: раньше чем через час они не придут.

Вскоре появился охранник. Ему было за пятьдесят некогда черные волосы почти все побелели, борода была коротко подстрижена, на мясистом носу сидели очки в черепаховой оправе. С правой стороны подбородка виднелся малозаметный шрам длиной сантиметра в три-четыре, не прикрытый щетиной.

– Что случилось? – поинтересовался он, увидев меня.

– Роман Ефимович, дело касается смерти двух учителей, которые работали в этой школе.

Охранник насторожился:

– А при чем тут я?

Мне пришлось повторить историю, которую я уже поведал до него Жарковой и Романовой.

Гурин отреагировал спокойно.

– По-моему, это бред, – сказал он. – С какой стати убивать меня? Я тут вообще всего полгода работаю.

– Думаете, это имеет значение?

– А вы думаете, преступник, кто бы он ни был, выбирает жертву только по имени или фамилии?

Я был вынужден признать, что это маловероятно. Однако взять Гурина под наблюдение все равно следовало.

– Думаю, вы не захотите рисковать, – сказал я. – Надо приставить к вам человека. Он понаблюдает за вами некоторое время.

– Сколько?

– Не знаю. Может, пару дней.

Охранник почесал крупный нос.

– Надеюсь, мне не придется его кормить? – спросил он брюзгливо.

– Ни в коем случае. Вам даже необязательно с ним общаться.

Охранник кивнул.

– Тогда ладно. Пусть ходит за мной, если вам так хочется. Но, по моему, вы зря потеряете время. – Он вдруг закашлял, уткнувшись в кулак. – Кстати, раз уж вы, полицейские, все равно будете здесь ошиваться, может, найдете Фредди?

– Кого?

– Нашего песика. Болтается вечно возле школы, никак не прогнать его. Подкармливают тетки из столовки, вот он и повадился.

– И зачем его искать?

– Так пропал же! Уже три дня, как не появлялся. Не иначе похитили злодеи! – Охранник расхохотался.

Я не стал отвечать и отправился на второй этаж к директору.

Короб разговаривал по телефону, когда я вошел. Он поднял на меня глаза и указал на стул.

Я сел. Директор быстренько закончил и уставился на меня:

– Ну, как дела? Всех нашли?

– Да, мы приставим к ним охрану.

Короб кивнул:

– Отлично. Знаете, хорошо, что вы зашли. Я тут подумал, может быть, вам поговорить с нашим школьным психологом? Насчет состояния убитых.

– Они посещали его?

– Ее. Это женщина. Марина Арсеньевна.

– Понятно. Так посещали?

– Нет, насколько мне известно. Но она ведь могла наблюдать их практически каждый день. Словом, я просто предложил, а вы сами решайте, надо вам это или нет.

Почему бы и не воспользоваться возможностью? В конце концов, свидетельство профессионала может оказаться полезным.

– Где мне ее найти? – спросил я.

– На третьем этаже, кабинет тридцать один. Там табличка, так что мимо не пройдете. Она раньше работала психиатром, но потом перешла к нам.

– Серьезно? А почему?

– На пенсию вышла. А ее внучка у нас учится в седьмом классе, так она решила за ней приглядывать.

– Понятно. Значит, Марина Арсеньевна?

– Именно так.

Я поднялся на третий этаж. Большие пустые помещения всегда производили на меня неприятное впечатление. Все эти коридоры, рекреации, ряды кабинетов вызывали смутное беспокойство и заставляли шагать быстрее, словно это могло придать уверенности в себе.

Я едва удержался от того, чтобы начать насвистывать какой-нибудь бодрый мотивчик. Это уже был бы, пожалуй, перебор. В конце концов, хотя нами до самой смерти и владеют детские страхи, я полицейский, а не впечатлительная институтка.

Словно для того, чтобы доказать себе, что все это ерунда и не стоит выведенного яйца, я решил посетить туалет. Не то чтобы очень уж хотелось, но в принципе можно было.

Наверное, в большинстве школ туалеты расположены в рекреациях или конце коридора. Я отправился на поиски. По дороге никто не попадался, и соответственно спросить дорогу было не у кого, но это даже радовало: не придется объяснять, кто я и что тут делаю.

Туалет обнаружился в углу рекреации. Дверь с табличкой, на которой красовался слегка поцарапанный силуэт девочки в платье, была приоткрыта.

Я остановился в нерешительности: конечно, внутри никого быть не может, но ведь существуют же правила приличия. Логика подсказывала, что мужской туалет должен находиться в противоположном крыле. Идти туда через весь этаж мне не хотелось, и это решило дело.

Я вошел, притворив за собой тихо скрипнувшую дверь, и прислушался. Мертвая тишина. Такая бывает, пожалуй, только в пустых туалетах, где все бачки полны и не слышно журчания набирающейся воды. Я прошел мимо раковины, над которой висело зеркало с потрескавшейся по углам амальгамой. Держатель для бумажных полотенец был пуст, провод сушилки висел вдоль стены, вынутый из розетки.

Четыре кабинки выглядели очень маленькими: место явно сэкономили, чтобы впихнуть побольше унитазов.

Тонкие двери были плотно закрыты, но на всех ручках виднелись синие индикаторы, означавшие «свободно».

Невольно вспомнилась страшилка о Ханako, призраке маленькой девочки, которая буквально повергла в ужас японских школьников лет двадцать назад. Наверное, не было в Стране восходящего солнца ребенка, который не знал бы ее и не рассказывал сверстникам.

Если верить легенде, Ханako убили в третьей кабинке, и с тех пор она обитает в ней, причем во всех школьных туалетах Японии сразу. Считается,

что если ты трижды постучишь в дверь кабинки и спросишь: «Ханако-Сан, ты здесь?» – то услышишь: «Да, я тут». Если ты достаточно безрассуден, чтобы открыть дверь, то Ханако схватит тебя и затащит внутрь, где и убьет, утопив в фекалиях.

Я не стал стучать в третью кабинку. Где-то мне довелось прочитать, что люди инстинктивно предпочитают справлять нужду как можно дальше от входа. Так я и поступил, отправившись в последнюю кабинку.

Через минуту я вымыл руки и включил сушилку, вставив вилку в розетку, однако это не помогло – она осталась безучастной к моим попыткам воззвать ее к жизни. Пришлось воспользоваться носовым платком.

Когда я вышел в рекреацию, на другом этаже что-то гулко грохнуло – будто уронили лист железа или ударили в дребезжащий гонг. Вероятней всего, в школе проводились ремонтные работы. Ну, или перетаскивали мебель. Судя по звуку, не слишком удачно.

Я отправился по своим делам.

Не то чтобы я недолюбливал психологов. Я признаю важность этой профессии и даже сам посещал некоторое время одного из них – когда меня мучили кошмары, – но никогда эти визиты не приносили мне настоящего облегчения. В целом я рассматривал психологов скорее как коллег по работе, которые могут составить портрет убийцы, чем тех, у кого ищешь помощи в решении своих личных проблем. Но это мой, вероятно, профессиональный взгляд, и я его никому не навязывал. Держал, так сказать, при себе.

Дверь в кабинет психолога была приоткрыта. Я задержался на несколько секунд, чтобы настроиться на разговор нужным образом, и лишь затем негромко постучал.

– Да? – Голос был высокий и приятный.

Я заглянул и увидел женщину лет шестидесяти, шатенку с короткой стрижкой, в очках без оправы. При виде меня она развернулась в кресле и положила руки на колени.

– Марина Арсеньевна? – уточнил я на всякий случай.

– Это я. А вы?

– Старший лейтенант Самсонов, полиция.

– Это по поводу чего? Смерти Евгения Казимировича?

– Вы уже слышали?

– Мне директор позвонил. – Психолог слегка улыбнулась. – Предупредил, что вы будете меня искать.

– Он порекомендовал мне обратиться к вам.

- Садитесь. – Марина Арсеньевна выдвинула одной рукой стул.
- Спасибо.
- Я так понял, что жертвы посещали вас.
- Жертвы? – Психолог чуть приподняла брови.
- Простите. Дело в том, что Суханова Мария Кирилловна тоже убита.
- Как? Я этого не знала. Директор мне ничего не сказал.
- Наверное, забыл.
- Как можно об этом забыть? – удивилась Марина Арсеньевна.
- Даже не знаю, – честно ответил я.
- Ну ладно. Давайте к делу. Так что вы хотите? Узнать, не было ли у моих коллег проблем с психикой?
- Если эту информацию можно разглашать.
- Было бы нельзя, если бы они были моими пациентами.
- А они не были?
- Нет. Время от времени жаловались на жизнь и просили помочь с релаксацией. По-дружески, в частном порядке.
- Никаких навязчивых идей, вроде мании преследования?
- Марина Арсеньевна отрицательно покачала головой. В глаза бросились ее крупные старомодные серьги: красные камни, окруженные белыми помельче. словно фантастические цветы.
- Поверьте, они нуждались в психологической помощи не больше, чем другие учителя нашей школы, – сказала психолог.
- Я подумал, что Зинтаров, пожалуй, все-таки нуждался. Но, похоже, он предпочитал искать ее в церкви, а не в кабинете психолога. Хотя, возможно, он вообще ни с кем не говорил о своей тайной страсти.
- На самом деле я раньше работала психиатром, – сказала Марина Арсеньевна, прерывая мои мысли. – И, кстати, когда-то писала дипломную работу по серийным убийцам. Правда, это было очень давно, когда статьи на эту тему только начали выходить.
- Серьезно? – Я был искренне удивлен.
- Абсолютно. Так что, если хотите... – Марина Арсеньевна пожала плечами.
- Можете составить психологический портрет убийцы?
- Думаю, да. Но для этого мне нужно знать *modus operandi*, разумеется.
- Что знать?
- «Образ действия». Это по-латыни.
- А, вы имеете в виду почерк убийцы.
- Именно. Но вы, наверное, не захотите разглашать подробности дела.

Я задумался.

В принципе если Марина Арсеньевна была компетентна, то какой смысл искать другого специалиста и терять драгоценное время? Для того чтобы получить психологический портрет убийцы у наших штатных сотрудников, понадобилось бы пересылать им всю информацию по делу а потом ждать неизвестно сколько.

– Мне нужна будет ваша расписка о неразглашении, – сказал я. – Если вы действительно готовы сотрудничать с полицией.

Психолог кивнула:

– Конечно. Хоть сейчас могу подписать.

– Обычно люди не стремятся...

– Помогать полиции?

– Да.

– Ну, сейчас ведь лето, уроков нет. Так что делать все равно нечего. – Марина Арсеньевна обезоруживающе улыбнулась.

– Хорошо, давайте напишем расписку, а потом я вам расскажу, что знаю. У вас принтер работает?

– Как часы. Только бумагу надо проверить. Минутку.

Через десять минут Марина Арсеньевна подписала свежепечатанную расписку о неразглашении материалов следствия. Я сложил листок и спрятал в карман. Обычно документы такого рода действуют на людей.

В этой пожилой женщине я был вполне уверен. Во всяком случае, вряд ли она бегала по лесу, размахивая раскаленным клеймом, ножом или вилкой.

– Ну, так что там случилось? – Психолог приняла удобную позу, откинувшись на спинку вертящегося кресла.

Переведя дух, я начал рассказывать обо всем, что было известно мне самому на тот момент.

Марина Арсеньевна слушала, не двигаясь и даже почти не моргая. Она была сосредоточена и словно что-то обдумывала по ходу моего повествования. Когда я закончил, она еще полминуты сидела, не шелохнувшись, а затем подалась вперед и сняла очки.

– Ну что ж, – проговорила она медленно. – В принципе кое-какие предположения можно сделать уже сейчас. И, кстати, думаю, вы правы в некоторых своих выводах.

Тон, которым она говорила, выдавал опытного психиатра, уверенного в своих силах и компетентности.

– Каких именно? – спросил я.

– Например, в том, что убийца стремится причинить своим жертвам боль. Это говорит о желании совершить месть. И он действительно зациклен на лицах. Их... сдирание имеет для него ритуальное значение. Как и поедание. Если это, конечно, имеет место. Потому что это ведь ваше предположение, в первую очередь, хотя и очень похожее на правду.

Я кивнул.

– Каннибализм изначально символизировал ритуал, в котором сила врага передавалась победителю. Очевидно, убийца считает так же. Об этом говорит и тот грим, который он наносит себе. Для него поедание плоти жертв имеет сакральное значение. Кроме того, если он пользуется икуланибокулой, значит, он презирает тех, кого убивает.

– Может, он считает себя аристократом?

– Едва ли. Скорее всего, нежелание прикасаться к жертве руками означает унижение жертвы, а не возвышение себя. Убеждена, он действовал в перчатках. Не только для того, чтобы не оставить следов, но и из брезгливости.

– Кажется, я понимаю, что вы имеете в виду.

– Очень рада. Вот только есть одна загвоздка. – Марина Арсеньевна сделала короткую паузу. – Этот убийца не похож на серийного. Я имею в виду определение, данное этому термину еще Робертом Ресслером, – пояснила она тут же.

С основами психологии серийных убийц я был, естественно, знаком – так же как и с основными научными публикациями на эту тему.

– В том смысле, что он слишком часто убивает?

– И это тоже. Но главное – он заранее выбрал жертвы, их количество. Он мстит конкретным людям. И не планирует продолжать убивать после того, как расправится с ними. И из этого напрашивается очевидный вывод.

– Какой?

– Подумайте сами.

– Подскажите.

– Не хотите напрягаться? Ладно, так и быть. В конце концов, вы ведь хотели, чтобы я вам помогла, так не буду вас томить. Убийца мстит конкретным людям, а это значит, что у него есть *конкретная причина* для мести. Иными словами, он знаком с ними, связан со своими жертвами. Лично или опосредованно. Впрочем, судя по жестокости, скорее лично. Преступник забирает их лица. Вероятно, он получил травму этой части тела – физическую или психологическую. Думаю, с этим связано и то, что он использовал грим во время ритуала.

– Значит, Зинтаров и Суханова когда-то чем-то насолили убийце?

– Понимаю, два престарелых учителя не очень-то подходят под подобную версию, но тем не менее иной причины я не вижу.

– И вы считаете, они могли...

– Почти каждый способен на то, о чем окружающие не подозревают.

Я помолчал.

Что содержалось в этой фразе? Намек или общее наблюдение?

Марина Арсеньевна словно прочитала мои мысли.

– Нет, я не имею в виду что-то определенное. Ни Зинтаров, ни Суханова не делились со мной ничем таким.

– А сами вы не помните инцидентов, связанных с ними? Может быть, что-то произошедшее в школе?

– К сожалению, я работаю здесь не очень долго. При мне не было ничего такого, что могло бы вас заинтересовать. Вам лучше поговорить со «старожилами» нашей школы.

– Кого порекомендуете?

– Даже не знаю. Почти все уже ушли, разве что вы зайдете завтра. Только не говорите, что это я вас к ним отправила, ладно?

Я прекрасно понимал эту просьбу.

– Обещаю. Называйте фамилии и номера кабинетов, если не сложно. – Я достал блокнот и капиллярную ручку. На секунду задержался на ней взглядом – это был черный титановый «Монблан» с гравировкой. Ручку подарила мне Марго незадолго до того, как мы разбежались, – на день рождения. С тех пор я всегда писал только ею, и уже один раз пришлось поменять стержень.

– Во-первых, обо всех инцидентах должен знать директор, – сказала Марина Арсеньевна. – Я бы на вашем месте начала с него. Федор Степанович терпеть не может говорить о негативных моментах истории нашей школы, но вы же из полиции, так что он вам не откажет.

– Понятно. Постараюсь разговорить.

Марина Арсеньевна улыбнулась – мимолетно, словно отдала дань вежливости, и не более.

– Еще у нас работает Лидия Михайловна Апашова. Кажется, она здесь лет тридцать уже. Больше даже не знаю, с кем вам посоветовать пообщаться. По-моему, все учителя либо молодые, либо недавно стали здесь работать. Дело в том, что раньше было две школы, одна с музыкальным уклоном, другая с хорошим танцевальным кружком, но лет восемь назад их объединили. Кто-то из сотрудников уволился, кто-то вышел на пенсию. Состав очень изменился.

– Думаю, мне действительно лучше всего поговорить с Федором

Степановичем, – решил я.

– Да, только имейте в виду, он и сам тут лет десять, если не меньше.

– А кто был до этого?

– Не в курсе, я позже пришла.

– Ну да, верно.

Я поднялся.

– Что ж, большое спасибо.

– Вот еще что, старший лейтенант, – остановила меня женщина. – Я только что подумала: тот, кого вы ищете, наверняка хочет преобразиться. Обычно люди, не нашедшие своего места в жизни или обществе, например из-за комплексов, связанных с внешностью, стремятся к перерождению.

– Что вы имеете в виду?

– Ничего конкретного – для этого маловато информации. Но убийца наверняка хочет стать другим человеком. Или существом. Идеализированным в его глазах. Возможно, для нас с вами оно показалось бы монстром, но для него оно – совершенно.

Я медленно кивнул.

– Кажется, я вас понимаю, Марина Арсеньевна, но как мне это поможет?

– Зачастую стремление к преображению отражается в таких модификациях внешности, как татуировка, пирсинг, кричащий макияж и цвет волос, занятие культуризмом. Мужчины носят серьги, а женщины – мужскую одежду. В общем, проявления бывают самые разные. Но в данном случае я полагаю, что жажда трансформации достаточно сильна, так что, наверное, убийца избрал довольно радикальный способ.

– Например?

– Татуировка большой площади, смена сексуальной ориентации. Хотя последнее маловероятно, поскольку в любых отношениях с сексуальной подоплекой имеет значение внешность, а вот с ней-то как раз у убийцы, как он считает, проблемы.

– Я должен искать парня с большой татуировкой?

– Необязательно. Может быть, раньше он и сделал наколку, но едва ли она его удовлетворила. Теперь ему нужны лица. Он поглощает своих врагов, присваивает их силу, их личности. Может быть, он думает, что и внешности тоже. Знаете, вероятно, если у него и есть татуировки, то они носят ритуальный характер.

– В каком смысле?

Марина Арсеньевна задумчиво потерла тыльную сторону правой руки пальцами левой.

– Что-нибудь из узоров, распространенных среди африканских племен. Или символы, означающие... даже не знаю... может быть, мифологические существа, прославившиеся людоедством. Трудно сказать что-либо определенное.

Мы помолчали.

Я понял, что психолог сказала все, что хотела, и кивнул, словно подводя итог.

– Ладно, учту. Спасибо еще раз и до свидания.

– Буду держать наш разговор в тайне. Удачи. И если что, заходите. – Снова едва уловимая улыбка.

– Обязательно.

Выйдя из кабинета психолога, я направился в директорский кабинет.

Короб уже собирался домой.

– Можно вас задержать буквально минут на пять? – проговорил я, входя.

– Да ради бога. – Директор сел обратно в кресло. – Я особо не тороплюсь.

– Вы не помните, не было ли в школе инцидентов, связанных с Зинтаровым и Сухановой?

Короб приподнял брови:

– В каком смысле инцидентов?

– Любых. Возможно, связанных с травмами детей или еще кого-нибудь. Например, не пострадало ли у кого-то лицо?

Короб сложил руки, соединив кончики пальцев, и уставился в потолок. Его губы двигались так, словно он что-то пережевывал.

– В позапрошлом году одну из учениц нашей школы переехал поезд, – изрек он наконец. – Она играла с подружками на платформе, одна из них ее случайно толкнула, и девочка свалилась прямо на рельсы. В это время электричка из Питера как раз подходила к перрону. Сами понимаете... – Директор развел руками.

– И что, у девочки пострадало лицо?

– Лицо? Да все пострадало! Перемололо, как мясорубкой. Это же поезд! Хоронили в закрытом гробу. После этого у нас по школе месяца два ходили рассказы о Цок-Цок, – недовольно добавил Короб.

– Что за Цок-Цок?

Директор махнул рукой. На его лице отразилась досада.

– Якобы девочку поезд разрезал пополам, и она превратилась в безногое чудовище, передвигающееся на локтях и издающее соответствующий звук. Ученики пугали друг друга тем, что Цок-Цок

подкарауливает тех, кто ходит во время уроков в туалет, и разрубает попавшихся ей детей косой.

– Как это разрубает? – не понял я. – Она же на локтях ходит. Значит, руки заняты.

– Понятия не имею! – Короб раздраженно фыркнул.

– Ну, учителя-то, наверное, довольны были, – заметил я. – Дети все на уроках сидели, не выходили никуда.

– Поначалу да. А потом один мальчик описался в кабинете, потому что боялся Цок-Цок, и его мамаша накатала жалобу в роно. Хотя при чем тут мы-то?

– Ни при чем, – согласился я.

– Вот и я о том же! – Короб помолчал, явно переваривая воспоминания о том давнем инциденте.

Я не мешал, ожидая, что он может вспомнить что-то еще.

Вдруг директор сказал:

– Кстати, ни Зинтаров, ни Суханова к падению девочки на рельсы отношения не имели. Их там даже рядом не было.

Я и сам понимал, что случай, описанный Коробом, мне, так сказать, не подходит. Поэтому спросил:

– А раньше, до этого прискорбного случая с электричкой, никаких инцидентов не случалось?

– С детскими травмами?

– Да.

Короб поразмыслил и спустя несколько секунд сказал:

– Единственное, что я знаю, – это то, что тринадцать лет назад в школе произошел пожар.

– А жертвы были?

– Понятия не имею. Это случилось до меня.

– Кто может помнить?

– Ну, во-первых, Лидия Михайловна Апашова, это учитель труда. Во-вторых, Эдуард Максимович Храбров, наш физрук. В-третьих, Юлия Николаевна Жаркова, завхоз. Вы с ней сегодня, как я понимаю, пообщались.

– Да, было дело. Все эти люди работали в школе, когда случился пожар?

– Именно.

– А еще кто-нибудь есть, кто работал тогда здесь?

– Нет, остальные разбежались после слияния школ. Дело в том, что наша школа...

- Знаю, ее составили из двух.
- А, ну раз вы в курсе. – Короб пожал плечами. – Что-нибудь еще?
- Где мне найти Апашову и Храброва?
- Они уже ушли домой. Могу поискать адреса.
- Будьте любезны.

Короб порылся в личных делах и выписал мне адреса трудовички и физрука.

– И последнее, – сказал я, забирая у него листок, – Зинтаров и Суханова работали в школе, когда был пожар?

- Да, работали. Я о них не упомянул, потому что они... умерли.
- Понятно. Спасибо, я больше не смею вас задерживать.
- Не за что. Всегда готов помочь.

Я вышел из кабинета Короба, на ходу доставая телефон.

– Алло, Рома?
– Он самый, – отозвался Димитров. – Что стряслось? У тебя какой-то возбужденный голос.

– Ты послал оперов в школу?

– Да, они уже должны были приехать. А что, их нет?

– Не знаю, сейчас спущусь на первый этаж, проверю. Слушай внимательно: похоже, следующей жертвой будет Юлия Николаевна Жаркова, завхоз!

– Почему?

– Во-первых, она подходит по расшифровке послания убийцы, во-вторых, она была свидетельницей инцидента, случившегося тринадцать лет назад, – так же, как Зинтаров и Суханова.

– Какого еще инцидента?

– Пожара.

– И что?

– Пока не знаю, но ее нужно взять под охрану.

– Ладно, это я понял. Потом объяснишь, что к чему.

– Конечно. Но для Жарковой одного опера будет мало. Пришли еще кого-нибудь.

– Хорошо. Пусть сидят и ждут.

– Я предупрежу. И, кстати, что там с костюмом, в котором было обнаружено тело Сухановой? Удалось выяснить, где убийца его раздобыл?

– Нет пока, но осталось проверить несколько любительских театральных студий. Между прочим, одна из них находится в школе, где работала жертва, так что ты можешь узнать сам...

– Ты уверен? – перебил я Димитрова.

- А? Да, конечно.
- Я поинтересуюсь.
- Ок.
- Давай, до связи.

К тому времени я уже спустился в фойе и едва не столкнулся с высоким молодым человеком в белой футболке и черных джинсах. На плече у него висела большая спортивная сумка с логотипом «Найк».

– Извините! – проговорил он быстро, смерив меня любопытным взглядом.

– И вы меня, – отозвался я.

Молодой человек вдруг остановился:

- Вы ведь из полиции, да?
- Да. А что?
- Я тут работаю. Учителем танцев.

До меня дошло, что это напарник Ани.

– Как вас зовут? – спросил я.

– Наумов Андрей Тимофеевич. Аня мне звонила, рассказывала, что вы ведете расследование.

Проходить мимо он не торопился. Опыт подсказал мне, что такое необычное поведение (большинство предпочитает с полицейскими в долгие диалоги не вступать) означает одно из двух: либо простое любопытство, либо учитель танцев имел что сказать полиции. Если да, то было бы глупо эту информацию проворонить.

– Я тороплюсь, но если вам есть что...

– Нет-нет, – торопливо замотал головой Наумов. – Просто... даже не знаю, зачем остановил вас. Извините. – Он виновато улыбнулся.

– Ничего.

Настаивать было не на чем. Рыбка сорвалась и уплыла. Будем надеяться, что временно.

Я вышел на улицу и увидел трех оперов, направляющихся к крыльцу.

– Нас прислали для охраны, – хмуро сообщил один из них.

Я распределил их, отправив в школу. Тому, которому досталась Жаркова, я дал более подробные инструкции и предупредил, чтобы он со своей подопечной ждал в школе подкрепления и был настороже. Тот, кажется, проникся важностью момента и обещал держать ухо востро.

Я же вернулся к директору школы и выяснил, где находится театральная студия.

Короб был явно недоволен тем, что я опять объявился, и ответил подчеркнуто коротко, пытаясь дать это понять. Меня, впрочем, его эмоции

волновали меньше всего.

Студия находилась в подвальном помещении. Вернее, там располагались раздевалка, костюмерная и гримерка, а репетиции и выступления проходили в актовом зале – так мне объяснила Алевтина Леонидовна Филатова, пятидесятидвухлетняя, но подтянутая и ухоженная руководительница школьного театра, которую я застал на рабочем месте.

– Скажите, у вас не пропал мужской средневековый костюм? – перешел я к цели своего визита, когда она закончила показывать мне свои владения.

Филатова задумалась всего на несколько секунд. Лицо у нее было покрыто сеточкой мелких морщин, которые становились заметны, только когда она начинала говорить.

– Честно говоря, я никак не могу найти один костюм, но он не совсем средневековый. Скорее эпохи Возрождения. Хотя... – она махнула тонкой рукой, – его можно в разных спектаклях использовать. Никто не заметит небольшого несоответствия.

– Давно он пропал?

– Даже не знаю. Мы собираемся ставить «Венецианского купца», и я подбирала одежду, вспомнила про него, но уже второй день не нахожу.

Я описал костюм, в котором была Суханова, как запомнил.

– Да, это, наверное, он, – кивнула Филатова. – Вы его нашли, что ли?

– Может быть. Я попрошу вас зайти в отдел, взглянуть на него. Вы не против?

– Да нет. А где вы его обнаружили-то? И кому он вообще понадобился?

– Это я пока сказать не могу. В интересах следствия, – добавил я для большей убедительности.

Филатова равнодушно пожала плечами:

– Ладно, как хотите. Когда зайти? Кстати, вы мне его отдадите?

– Не сейчас.

– Это улика?

– Да.

Знала бы ты, что было в твоём костюме, в руки бы его больше не взяла!

Филатова вздохнула:

– Пропал костюмчик!

– Загляните в отдел сегодня, если можете. Я предупрежу, что вы придете.

– Хорошо. Только дайте адрес.

Я продиктовал ей адрес отдела и ушел. По дороге позвонил Димитрову, чтобы сообщить, что Филатова зайдет опознать костюм.

– Отлично! – обрадовался тот. – Хоть бы это он и оказался! Я предупрежу ребят, чтобы сразу показали его ей.

После этого я отправился по адресам, которые мне дал Короб.

Для начала я планировал посетить Апашову, затем Храброва, после него, наверное, имело бы смысл заехать к Бобровой – так звали ушедшую на пенсию учительницу по биологии. Но это только если первые два визита ничего не дали бы. Тем более у меня не было ее адреса, а чтобы его пробить по базе данных, пришлось бы тащиться в отдел.

Я опустил щитки на лобовом стекле, чтобы защитить глаза от слепящего солнца. Сегодня оно жарило как-то особенно немилосердно, наводя на мысли о раскаленном небе египетской пустыни.

Мне вспомнилось мгновение из далекого детства: мы с родителями на пляже, сверкает вода, песок очень горячий, прямо обжигает. Я щурю глаза, прикрываю их ладонью на манер козырька. Марина ловит пальцами красных муравьев, ползущих на покрывало, которое родители расстелили для нас.

Марина... как же давно это было, словно в иной жизни. Нет, скорее, в параллельной реальности.

Мне приходится мотнуть головой, чтобы отогнать образы, которые норовят последовать за этим солнечным воспоминанием. Страшные и отвратительные картины.

Одно время мне казалось, что я избавился от них, перевернул страницу, но нет, человеческий мозг устроен не так просто. Иногда мне по-прежнему снятся кошмары. Не часто, слава богу, но все же снятся. Наверное, я никогда не избавлюсь от них.

Впрочем, кто знает, возможно, именно смерть Марины от руки психопата определила мою собственную судьбу. Полиция, убийный отдел, потом серийный.

Я иду по пути, предначертанному моей сестрой. По пути крови, справедливости, возмездия и гармонии. Да, именно гармонии – потому что кто-то должен восстанавливать ее, убирая из этого мира тех, кто покушается... на основы.

Я свернул во двор и припарковал «Олдсмобиль» напротив детской площадки. Выключил музыку, которую обычно включал во время езды.

Апашова жила в пятиэтажке на втором этаже. Дверь, обитая черным дерматином, была приоткрыта.

Я прислушался: внутри квартиры было тихо. Выругавшись про себя, я

достал из кобуры пистолет, снял с предохранителя и взялся за латунную ручку. В этот момент раздался пронзительный лай, а вслед за ним послышались шаги и скрипучий голос, произнесший:

– Дуська, молчать! Цыц, я кому говорю?!

Я поспешно спрятал оружие и отошел на один шаг. Дверь распахнулась, и на пороге появилась сухопарая женщина с завязанными на затылке волосами, в красно-синем свитере и голубых джинсах. На ногах у нее были белые кроссовки с веселыми оранжевыми шнурками. На поводке она держала тойтерьера с бантиком между ушами. При виде меня женщина нерешительно замерла перед дверью.

– Старший лейтенант Самсонов, полиция. – Сколько же раз мне приходилось произносить это за последние пару дней!

– Вы по поводу чего? – прищурилась Апашова.

Я показал удостоверение, надеясь, что это сделает ее менее подозрительной.

– По поводу Зинтарова и Сухановой.

– А что с ними?

– Вы не знаете?

– Нет. Дуська, стой спокойно!

– Может быть, вы будете гулять с собакой, я составлю вам компанию? – предложил я.

– Давайте, а то она ведь изведет, стервь этакая! – Апашова заперла дверь и помчалась вниз – довольно резво для женщины лет пятидесяти.

На улице мы пошли вдоль газона, причем тойтерьер трусил по травке, не натягивая поводок, так что бежать было не нужно.

– Так что вы хотели? – поинтересовалась Апашова, доставая одной рукой сигарету. – Что там с Зинтаровым и Машкой?

– Они убиты.

Учительница труда едва не подпрыгнула от неожиданности.

– Как?!

– Это пока не разглашается.

– Вы серьезно?

– Абсолютно.

– Господи, что делается-то! А от меня вы чего хотите? – тут же добавила Апашова подозрительно и закурила, щелкнув одноразовой зажигалкой.

Когда-то я тоже курил, но бросил. Просто потому, что решил: не желаю быть рабом чего бы то ни было. В общем, силу воли тренировал. С тех пор мне хотелось закурить всего несколько раз, но в целом к виду

дымящихся сигарет я был равнодушен.

– Вы ведь помните пожар, который произошел в школе тринадцать лет назад?

– Помню. А при чем тут это?

– Может быть, и ни при чем. А может быть, при чем.

– Ладно, дайте-ка мне минутку.

Апашова молчала довольно долго, пыхтя сигаретой, затем заговорила:

– Значит, дело было весной, в каком месяце, точно не помню. Случился у нас пожар – кажется, загорелся склад с краской или растворителем. Вернее, произошло короткое замыкание из-за старой проводки, а растворитель загорелся уже потом. Зато быстро. Банки полопались, и он потек по полу. Сами понимаете, что тут началось. Пока почуяли дым да сообразили, что к чему, огонь полыхал уже вовсю! Пожарной-то сигнализации в то время не было еще. Ну, вот и оказалось, что пора эвакуироваться, причем уже давно, а мы все уроки ведем.

– Паника? – вставил я.

– Не то чтобы, но делать все пришлось аврально.

– Ну, и как? Кто-нибудь пострадал?

– Да нет. Вернее, не особенно.

Я насторожился:

– В каком смысле?

– Вроде один мальчик обгорел немного. Но все обошлось. Его родители, правда, на школу подали жалобу, но как-то без последствий. Никто же не виноват, что проводка гнилая была. То есть виноватые, конечно, были, но не в школе, а в соответствующих инстанциях. Которые это видели и замалчивали, чтобы не менять ничего.

– А Зинтаров и Суханова какое ко всему этому имели отношение? – спросил я.

– По-моему, никакого.

– Вы уверены?

– Да при чем тут они? – удивилась Апашова. – Завуч и учитель химии.

– А как звали мальчика, который обгорел?

– Не помню. Я его не учила. А после того случая он в другую школу перешел.

– Может, хотя бы помните, что у него обгорело? – спросил я с надеждой.

Апашова выбросила окурок в траву.

– Дуська, фу! – Она дернул поводок. – Кажется, лицо. Но я не уверена. Сколько лет прошло! Я иногда забываю, куда нож положила, а не то что...

Попрощавшись с трудовичкой, я отправился к физруку.

Эдуард Максимович Храбров обитал в новостройке на седьмом этаже. Судя по всему, у него даже имелся балкон.

Я звонил ему минут пять, но так и не дождался ответа. Квартира была заперта, а причин взламывать ее у меня не было: мало ли куда хозяин ушел.

На третьем этаже я столкнулся с женщиной, нагруженной пакетами из местного супермаркета.

– Прошу прощения, не знаете, где Эдуард Максимович из шестьдесят первой? – обратился я к ней.

– Вроде он вчера говорил, что собирается на шашлыки, – ответила та, переводя дух.

Я подумал, почему она не воспользовалась лифтом, но тут женщина поставила мешки на площадку и полезла в сумочку за ключами.

– Один или с друзьями? – спросил я.

– Один. Он часто так делает. А вы кто ему? – В женщине вдруг проснулась подозрительность.

– Коллега, – ответил я. – Из школы.

– А, учитель. – Женщина сразу успокоилась. – У вас телефон есть его?

– Нет, – покачал я с сожалением головой.

– Жаль. Ну, тогда заходите попозже. Он обычно около девяти возвращается.

– А куда он ездит, не знаете? А то мне по срочному делу. – Я сделал озабоченное лицо.

– Нет, мы вчера только парой слов перекинулись. Тоже вот на лестнице встретились.

Женщина открыла дверь, взяла пакеты и вошла внутрь.

– Так что приходите вечером, – бросила она напоследок.

На крыльце я остановился, прикидывая, что делать дальше. Можно было либо навестить Боброву в надежде, что она вспомнит подробности пожара тринадцатилетней давности, либо сгонять к священнику, к которому ходил Зинтаров. Где находится церковь, я знал, потому что изучал карту Пушкина, а вот где живет пенсионерка-биологичка – нет.

Сделав выбор в пользу священника, я отправился в церковь Святого Апостола Иоанна. Путь занял меньше часа. Оставив автомобиль возле лотков с сувенирами, я пересек сквер и поднялся по широким гранитным ступеням.

После того как я увидел фотографии из квартиры Зинтарова, было неудивительно, что учитель химии время от времени ходил к священнику. Должно быть, замаливал грех. Пытался ли он бороться с ним или только

просил у Бога прощения?

Я понимал, что тайна исповеди не позволит духовному отцу Зинтарова рассказать мне о нем, но надеялся узнать хоть что-то, способное помочь мне продвинуться в расследовании.

Трижды перекрестившись, вошел в церковь. Она была небольшая, но недавно отреставрированная: стены и иконы сверкали краской и лаком, окна – витражами. На полу лежал тонкий ковер красноватого оттенка. Пахло воском и ладаном.

Я сразу направился к служке, торговавшей свечами и прочим, но про священника спрашивать не стал. Вместо этого купил четыре свечи.

В церкви я бываю нечасто, но когда захожу, то молюсь одним и тем же иконам: Николаю Чудотворцу, Богородице, Пантелеймону Целителю – и, конечно, Иисусу Христу. Последнего всегда прошу о том, чтобы отправил мою сестру в рай. Если возможно. Поставив свечи, заказал «за упокой» и лишь затем решил поговорить со служкой насчет своего дела.

– Мне нужно перемолвиться с батюшкой, – проговорил я, наклонившись к ней.

– По какому вопросу? – смиренно спросила она, чуть подавшись вперед.

– По срочному, – ответил я, показывая удостоверение.

– Одну минуту. – Женщина подозвала свою товарку и, оставив ее присматривать за прилавком, ушла.

Через пару минут она вернулась со священником.

– Старший лейтенант Самсонов, – представился я. – Мне нужно с вами поговорить.

– Идемте. – Священник провел меня в какое-то помещение с двумя узкими окошками, где пахло не только ладаном и воском, но и свежей масляной краской. – Слушаю вас.

У него было круглое лицо, круглые очки в серой оправе и круглые глаза слегка навывкате. Русая борода прикрывала цепь, на которой висел крест.

– Вы были духовным отцом Зинтарова Евгения Казимировича?

– Не духовным отцом. Он просто приходил время от времени, чтобы поговорить о Боге и Библии.

– Как часто?

– Примерно раз в неделю. Обычно по пятницам.

– Вы знаете, что его убили?

Судя по реакции священника, он слышал об этом впервые.

– Убили? – проговорил он ошарашенно. – Когда?

– Недавно. Вчера ночью.

– Какой ужас! – Священник опустил на стул, сложил молитвенно руки, его губы зашевелились.

– Как вас зовут, святой отец? – спросил я.

Он ответил через четверть минуты:

– Григорий.

– А по паспорту?

– Это имеет значение?

– Конечно. Если вы будете давать показания, то...

– Понимаю. – Священник смиренно опустил голову. – Семен Васильевич Крымский.

Я записал это в блокнот и тоже сел.

– Зинтаров у вас исповедовался?

– Нет, никогда.

– Он рассказывал вам о чем-либо по секрету? Заручившись обещанием никому не передавать его слова?

Отец Григорий воззрился на меня в недоумении:

– Да нет.

– У него были враги? Он кого-нибудь боялся?

– Да. Враг у него был, – с сожалением проговорил священник. – И боюсь, он умер, не успев побороть его.

– Какой? – спросил я, невольно затаив дыхание.

– Страх.

– Страх?!

Отец Григорий кивнул.

– Чего боялся учитель химии?

– Себя. Своих желаний. Порочности. Греха!

– А конкретнее? – спросил я.

Священник покачал головой:

– Евгений никогда не вдавался в подробности. Всегда выражался расплывчато, хоть я и говорил ему что нужно называть вещи своими именами. Нельзя признать что-то, не называя его. А признать – значит сделать первый шаг к раскаянию.

– Вы не знаете, чего боялся Зинтаров? – удивился я.

– Конкретно – нет.

– Может быть, человека?

– Не думаю.

Я немного поразмыслил.

– А не мог он считать себя в чем-то виноватым? В смысле не шла ли

речь о старом грехе?

– Вполне возможно. По его словам трудно было понять, что он имеет в виду. Только чувствовалось, что он очень страдает.

– Его мучила совесть?

– Думаю, да.

– А были у него враги среди людей?

– Мне об этом ничего не известно. Чаще всего Евгений приходил с вопросом по содержанию Библии. Он все время читал ее. У него было старое издание в кожаном переплете, еще дореволюционное. Очень красивое.

– О чем он спрашивал?

– О прощении, воздаянии. Много о чем.

– Постарайтесь вспомнить.

– Чаще всего его волновал вопрос, греховен ли человек, если не способен противостоять греху даже при всем желании.

– И что вы ему отвечали?

– Разумеется, виновен. Как же иначе? – Круглые глаза отца Григория уставились на меня с непониманием. – Каждый должен бороться с искушением. У любого есть силы для испытаний.

– Вы уверены?

– Это бесспорно! Тех же, кто отступает, ждет геенна огненная!

– Понятно. Ее и боялся Зинтаров?

– Многие ее боятся. И Евгений входил в их число. Правда, бывает, что ад настигает человека еще при жизни, – добавил отец Григорий с сожалением.

Почему-то мне показалось, что он говорит о каком-то конкретном случае, и я решил уточнить:

– Что вы имеете в виду?

– Да вот, приходит иногда в церковь местный бомж, заблудшая душа. Пьет, как лошадь. Исповедуется, плачет, молится, чтобы Господь избавил его от тяги к зеленому змию. Да только тут ведь надо и самому постараться, а не на одного только Бога уповать. Вот недавно до того дошел, что нечистого увидел!

Я сразу вспомнил о Глисте, нашем свидетеле. Не его ли имел в виду святой отец?

– Это в ту ночь, когда было совершено убийство? Где он видел черта? В Баболовском парке?

– Не знаю! – ответил священник, поморщившись (наверное, из-за того, что я помянул в церкви черта; сам-то он назвал его «нечистым»). – Сегодня

утром приходил и спрашивал, не по его ли грешную душу являлся... в общем, вы понимаете.

– Где мне его найти?

– Далеко ходить не надо. Я наложил на него епитимью, так сказать. За пьянство и малодушие велел вынести хлам из сарая, что возле ограды. Накопилось там немало, а руки все не доходят.

– Значит, Глист там сейчас?

– Какой Глист?! – поразился отец Григорий.

– Неважно. Бомж этот ваш прегрешный сейчас мусор таскает?

– Если не напился втихаря. Хотя это вряд ли. Кажется, он действительно испугался, что за его душой явится... кто-нибудь оттуда. – Священник показал пальцем себе под ноги. – Жаль, что порой человек только из-за страха находит в себе силы отказаться от греха, а не из-за любви к Богу.

– Ну, этот еще от греха своего не отказался, – сказал я. – Надолго ли его хватит.

– Вот и я опасуюсь, что ненадолго.

– А говорят, бомж этот вдобавок к тому, что пьет, еще и слабоумный.

Правда это?

– Как сказать? – пожал плечами отец Григорий. – Когда человек во власти зеленого змия, порой трудно разобраться. Но я не думаю, что Василий – так его зовут – дурачок. Скорее со странностями. Ну, может, немного не в себе, но при такой жизни оно и немудрено.

– Пойду с ним поговорю.

– Благослови тебя Бог, сын мой, – дежурно пробормотал священник и мелко перекрестил меня на прощание.

Я вышел на крыльцо и, прежде чем спуститься по тридцати трем ступеням – соответственно числу лет Христа на момент смерти, – остановился, глядя на горизонт. Сейчас там клубились похожие на дым облака, но мне все равно вспомнился вечер, давно канувший в Лету, – тот самый, когда отпевали мою сестру.

Дрожание свечей, гнусавый монотонный голос священника, сверкание позолоты и пергаментные лица святых, будто следящих за каждым твоим движением. Запах ладана и воска, сдержанный шелест платьев и опущенные взгляды присутствующих.

Я чувствовал себя потерянным в этом собрании взрослых, знающих что-то недоступное моему пониманию. Тогда мне впервые пришлось действительно остро испытать чувство одиночества в каком-то вселенском масштабе.

Не выдержав этого, я развернулся и помчался к выходу, выскочил на крыльцо и резко остановился, ослепленный солнцем, уже успевшим пройти через зенит и постепенно склонявшимся к далекой кромке крыш каких-то дворцов. Тогда я замер, потому что мне показалось, что это сам Бог глядит на меня с небес, но через несколько мгновений пришла мысль: если даже и существует Всевышний, сотворивший этот мир, теперь он не удел. Он – лишь сторонний наблюдатель, который не вмешивается ни в какие земные дела. Иначе разве он допустил бы, чтобы люди проделывали друг с другом то, что они проделывают?

Я сбежал по ступенькам и понесся по залитой золотым светом дорожке через церковный двор. Когда меня поймал отец, по лицу моему еще текли слезы, но им предстояло быстро высохнуть, ведь я был уверен: дело справедливости в руках людей!

И никого другого.

С тех пор я долго не ходил в церковь. Даже когда родители пытались поначалу заставлять меня, я находил способ избежать этого – либо притворялся больным, либо закатывал истерику. Наконец они отступились. Наверное, решили, что похороны сестры произвели на меня слишком страшное впечатление. На самом деле я просто не видел смысла молиться Богу, который, как мне казалось, был равнодушен к людским страданиям.

Постепенно это неприятие религии прошло, и теперь раз в году – а иногда и чаще – я прихожу в храм, чтобы поставить свечку за Марину. Может быть, Господь и не принимает участие в судьбе тех, кто еще жив, но вдруг ему есть дело до умерших?

Родители не хотели, чтобы я стал полицейским. Мать была уверена, что меня убьют, а отец считал, что мною движет детская травма и долго на службе я не продержусь.

«Зачем зря терять время? – говорил он, уперев одну руку в бок, а другую нацелив мне в грудь раскрытой ладонью. – Если хочешь помогать людям, стань врачом!»

Но все дело в том, что прав он был лишь отчасти. Конечно, на мое решение повлияла смерть сестры, но я не хотел помогать людям. Я хотел уничтожать зло!

Все это пронеслось передо мной калейдоскопом цветных картинок, пока я стоял на паперти пушкинской церкви, и исчезло. Я спустился по ступенькам и свернул направо, обходя храм.

Глиста я нашел там, где и сказал отец Григорий, – возле зеленого дощатого сарая, дверь которого была распахнута и подперта обрезком ржавой трубы. Бомж сидел рядом на перевернутом ящике и курил,

почесывая живот. Одет он был легко: драная футболка, яркая спортивная куртка, треники, стоптанные кроссовки с отошедшими подошвами. Воняло от него основательно. Неудивительно, что священник отправил его отбывать «епитимью» подальше от прихожан.

Я молча показал удостоверение.

– А-а, – протянул Глист, взглядываясь в написанное, – командир! Я ж все рассказал уже. – Он глубоко затаился.

– Хотел сам услышать про демона, – ответил я, опускаясь на корточки. – Видел его, значит?

– А то как же?! Как вот тебя сейчас.

– Разве? Я думал, ты в траве лежал, голову поднять боялся.

– И то правда, – легко согласился Глист. – Демон подальше, чем ты, стоял. Но зрение у меня хорошее. Слава богу! Вместо лица у него череп был, вот тебе крест!

– Может, маска?

– Нет! – убежденно помотал лохматой головой Глист. – Не маска. Тогда у него башка большая была бы. С маской-то!

– А она, значит, не была?

– Нет. Все пропорционально. – Последнее слово он тщательно выговорил по слогам.

– Что он делал, ты видел?

– Не-а! Не до того мне было, чтобы смотреть. Думал, Сатана явился по мою душу. Лежал поэтому, почти не дыша, – боялся, что заметит.

Глист снова затаился, и в уголках его гноящихся глаз появились мутные слезинки.

– Уберег Господь в этот раз! – проговорил он с чувством. – Пожалел!

– Я не верю в демонов! – сказал я жестко. – Верю в людей. Вернее, в то, что они способны на любую жестокость.

– Я тоже не очень верил, – сказал Глист, утирая глаза грязными пальцами. – До того случая. Но когда видишь адский огонь и дым и чуешь, что Дьявол поджаривает грешников на сковородке, а ты, возможно, у него на очереди следующий... поневоле уверуешь и в Сатану, и в Бога, и в Конец света! И даже в то, что мертвые восстанут из могил!

– Для бывшего атеиста ты неплохо знаешь Библию, – заметил я.

– Читать Библию и верить в Господа – не одно и то же, – философски возразил Глист.

– Что за адский огонь и дым ты видел?

– Полыхало посреди полянки-то. Вроде как костер. И горелым пахло. Мясом! Только не так, как от мангала, если ты понимаешь, о чем я,

командир. *Не аппетитно.* От запаха шашлычков слюнки текут, а от этой вони... блевать хочется! Так что верно говорю тебе: жарил демон на сковороде грешников, жарил!

Не добившись от Глиста ничего более вразумительного, я отправился в отдел, чтобы узнать адрес Бобровой. Оказалось, что она живет в доме на окраине Пушкина. Там же и прописана. Свою же квартиру, как мне удалось выяснить, она переписала на дочь, где та проживает с мужем и двумя детьми, дочерьми восьми и четырнадцати лет.

Я поехал к ней, чтобы поговорить о пожаре.

Дом был одноэтажный, обнесенный аккуратным желтым забором. Я заметил пару яблонь и кусты черной смородины в дальнем углу.

Хозяйка пропалывала грядки с кабачками или огурцами – никогда в этом не разбирался. Так что, может, там росла морковка или еще что-то.

Я окликнул ее и, когда женщина распрямилась и взгляделась в меня, помахал, чтобы она подошла. Боброва приблизилась с вопросительным выражением на морщинистом лице. Из-под платка выбивались совершенно седые волосы, но глаза были ярко-голубыми.

– Я из полиции. Хотел бы поговорить с вами о пожаре, который произошел в школе, где вы работали, тринадцать лет назад.

– Это было так давно, – проговорила Боброва, осматривая меня очень внимательно. Я заметил, что она почти не моргает.

– И тем не менее, возможно, это имеет отношение к тому делу, которое я сейчас расследую.

– Что за дело?

– Можно мне зайти? Хотя бы во двор.

– Конечно. – Боброва откинула задвижку и распахнула калитку.

Ржавые петли жалобно скрипнули.

– Так что за дело?

– Убиты некоторые из ваших коллег. Бывших. Зинтаров и Суханова. Помните их?

– Конечно. После инсульта память у меня стала не та, что раньше, но не настолько плоха.

– У вас был инсульт?

– Представьте себе. Потому и на пенсию вышла.

– Никогда бы не подумал.

– И тем не менее. – Боброва села на скамейку, стянула платок и положила его на колени. – Кто их убил?

Пахло гнилью – должно быть, из силосной ямы. Почему-то это вызывало ассоциации с раскопанной могилой.

- Это я хочу выяснить.
- А при чем тут пожар?
- Может, и ни при чем. Помните его?

Боброва вздохнула.

- Еще бы!
- Расскажите.
- Не самые приятные воспоминания, по правде сказать.
- Понимаю.
- Не думаю. Что вы слышали о том пожаре?

– Загорелась проводка. Пострадал один мальчик. Но, кажется, ничего серьезного.

Боброва горько усмехнулась:

- Ничего серьезного? Кто вам это сказал?
- Уже не помню, – соврал я.

– А я вот все отлично помню, хотя тот день я бы как раз предпочла забыть. Так вы хотите знать, что произошло?

– И чем подробнее, тем лучше.

– Зачем? – Боброва подняла на меня свои голубые глаза, окруженные сеткой морщин.

– Возможно, это даст ключ к личности убийцы.

– Каким образом?

Мне не хотелось отвечать. Но я решил рискнуть. Почему-то мне показалось, что эта женщина скорее пойдет мне навстречу, если я ей все объясню.

Конечно, я стараюсь разглашать как можно меньше информации во время расследования, но это касается в основном малозначительных фигурантов, подозреваемых и репортеров. В данном же случае поделиться сведениями я счел целесообразным.

– У Зинтарова и Сухановой сняты лица. Убийца содрал их. Насколько я знаю, у того мальчика, который пострадал при пожаре, обгорело лицо.

Боброва нахмурилась:

- И что?
- В каком он был классе, не помните?

– В шестом. Его звали Барыкин Юрий Сергеевич, и ему было двенадцать лет. Вас ведь это интересует?

– Да.

Боброва прищурилась:

- Думаете, это он?
- Сейчас ему должно быть двадцать пять.

- И зачем ему убивать учителей?
- Не знаю. Может, он считает их в чем-то виновными. Или так думают его родители.
- Они тоже под подозрением?
- Я вынужден хвататься за любую соломинку. Расскажите, что тогда произошло в школе.

Боброва подняла глаза, всмотрелась в чистое небо, словно там находились воспоминания. Потом медленно покачала головой:

– Это было ужасно. Пожар начался так быстро, что мы едва успели вывести детей. Но не всех. Один мальчик оказался в спортзале на первом этаже. Вернее, он остался в раздевалке при бассейне.

- В школе есть бассейн?
- Да, правда, небольшой.
- И что случилось дальше?
- Юрины одноклассники сказали, что он там, и я побежала обратно в школу. Везде уже был дым, все горело! – Казалось, перед глазами у Бобровой встают картины того дня. – Я нашла его не в раздевалке, а в подсобке, где хранился спортивный инвентарь, но она была заперта. Мне удалось сбить замок гантелью, но к тому времени вокруг уже был огонь, я едва дышала из-за дыма. Я схватила Юру в охапку и попыталась пробиться обратно, но дверь была заблокирована пожаром. Я прыгнула в бассейн. Вместе с ним. Нам приходилось нырять, чтобы не поджариться, но дышать становилось все труднее. Юра плакал и задыхался, а потом начал кашлять, потому что воздух становился все горячее. Я тоже едва сохраняла сознание. К счастью, пожарным сообщили, что мы внутри, и они прорвались в первую очередь к нам и вытащили нас. Лица у нас были обгоревшие, покрытые волдырями, кожа слезла, потому что мы держали их над водой. Но, как видите, со временем все прошло, – Боброва провела рукой по щеке. – Месяца три заживало, а может, и больше. К счастью, глаза уцелели и легкие не сильно обожгло. А могли бы стать инвалидами на всю оставшуюся жизнь.

- У мальчика лицо тоже зажило?
 - Не знаю. Думаю, да.
 - Вы его больше не видели?
- Боброва покачала головой:
- Родители перевели его в другую школу. Они благодарили меня, но Юру я не видела.
 - Почему он оказался заперт в подсобке?
 - Хороший вопрос. – Учительница биологии провела рукой по седым

волосам. – Его запер там наш физрук. Мальчик безобразничал на уроке.

– Как звали физрука?

– Храбров, кажется. По имени-отчеству не помню уже.

Я невольно выпрямился:

– А Суханова тут при чем?

– Точно не знаю.

– И все-таки?

– Поговаривали, что она замяла дело. Родители ведь жалобу подали. А Суханова была тогда завучем. Да и потом им осталась.

– А директор? Он тоже принимал в этом участие?

– А как же? Рубахин больше всех перепугался тогда!

– Это прежний директор, как я понимаю?

– Да. Он умер спустя пару лет от инфаркта. Теперь там всем заправляет Короб. Тот еще прохвост!

– Вы у него работали?

– Да, три года. Потом меня инсульт разбил, пришлось на пенсию выйти.

– Почему вы считаете его прохвостом?

Боброва усмехнулась:

– Ну, с этим вы уж сами разбирайтесь, если хотите. Я ни на кого доносить не собираюсь.

Я решил не развивать эту тему. Мне сейчас было важнее разобраться с пожаром.

– А каким боком к тому случаю относится Зинтаров? – спросил я.

– Женька-то? Не знаю. Юра, правда, говорил потом, что кто-то из учителей обещал его выпустить, но так и не объявился, но я не думаю, что это был Зинтаров. Он никогда об этом не говорил, да и что ему было делать в спортзале? Он же химик, у него кабинет вообще был на четвертом этаже.

Я записал имя и фамилию пострадавшего мальчика.

Боброва молча наблюдала, как я это делаю.

– Знаете, – сказала она, – думайте что хотите, но последние два года мне на счет кто-то каждые полгода переводит по двенадцать тысяч. Получается две тысячи за месяц. Я так и не смогла выяснить, кто это делает. Деньги я не трогаю, потому что не уверена, что имею на них право.

– Думаете, это Юра?

– А кто еще? Откуда взяться благодетелю?

– Может, дочь?

– Я ее спрашивала. Это не она. Да и зачем бы она стала скрывать? Она и так мне много помогает. Вот и сегодня приедет, правда, попозже.

– В каком банке у вас счет? – спросил я.

– В «Grate Wall Bank». Я открыла его давным-давно, но почти ничего туда не клала – нечего особенно было. А теперь там полно денег.

– Почему бы вам ими не воспользоваться? Может, человек благодарен вам за то, что вы спасли ему жизнь?

– Но я не уверена, что это от Юры. Кроме того, мне не нужны деньги в виде благодарности. Это был мой долг.

Я встал. Эта женщина вызывала у меня искреннее уважение и даже восхищение.

– Вы не будете против, если я попытаюсь выяснить, кто переводит вам деньги?

– Делайте что хотите.

– Не помните, по каким дням пополняется счет?

– Всегда по-разному.

– Понятно. Что ж, большое спасибо. Вы мне очень помогли.

– Зря радуетесь. – Боброва смерила меня взглядом голубых глаз. – Это не Барыкин.

– Что не Барыкин?

– Не он убил.

– Почему вы так уверены?

– Он был хорошим парнем. Совсем не агрессивным.

– Ну тогда будем надеяться, что я ошибаюсь.

– Не притворяйтесь. – Боброва встала и принялась повязывать платок. – На самом деле вам очень хочется, чтобы он оказался убийцей.

– Мне нужно остановить преступника, – ответил я. – Кем бы он ни был.

Учительница биологии молча покачала головой. Я попрощался и направился к калитке.

– Знаете, я ведь пыталась найти Юру, когда мне стали приходить деньги. Почти сразу на него подумала, – окликнула вдруг меня Боброва.

Я развернулся. Она шла за мной по тропинке.

– Не смогла. По адресу, где они жили, оказались другие люди. Они сказали, что Барыкины квартиру продали и переехали то ли в Москву, то ли в Питер.

– Когда?

– Два года назад.

– Адрес оставили?

– Я задала тот же вопрос. Нет, не оставили. Ни адреса, ни даже телефона.

– А эти жильцы видели их или...
– Нет, они купили квартиру через агентство. Когда переехали, там уже никого не было.

– Какое агентство?

– Вот чего не знаю, того не знаю.

– По какому адресу жили Барыкины?

Она произнесла название улицы, номер дома и квартиры.

– Спасибо, – кивнул я, записывая все в блокнот.

– Не за что. – Боброва посмотрела мимо меня. – Я уверена, вы ошибаетесь!

Конечно, можно было бы рассказать ей о знаменитом «милом соседском мальчике», который хранил дома сувениры в виде отпиленных голов своих жертв, но зачем?

Через полчаса я припарковался возле подъезда дома, где раньше жили Барыкины. Солнце светило по-прежнему ярко, но уже не так слепило глаза. Я подумал, не обзавестись ли темными очками, но времени на это не было. Может, позже, когда все закончится.

На горизонте появились тучи, грозившие постепенно затянуть все небо. Ветер был слабый, но, судя по направлению, в конце концов должен был пригнать их в Пушкин.

Прежде чем звонить в домофон, я набрал номер Димитрова.

– Пошли кого-нибудь присмотреть за квартирой Храброва. Это физрук из музыкалки.

– А что с ним?

– Подозрительный тип, судя по всему. Сейчас он умотал куда-то на шашлыки, но должен к вечеру вернуться.

– Ладно, посмотрю, что можно сделать. Только имей в виду, что у нас не так уж много людей.

– Постараюсь запомнить.

– Кстати, заходила Филатова, костюм опознала. Его действительно похитили из школьной театральной студии.

– Как она считает, кто мог это сделать?

– Хм. К сожалению, кто угодно. Ключи от костюмерной висят в учительской, любой имеет к ним доступ.

– Это плохо.

– И не говори.

– Ладно, у меня тут еще дела.

– Ну, тогда пока. Созвонимся или увидимся.

Я нажал кнопку с номером нужной квартиры.

– Да? – Голос был мужским.

– Полиция. Можно поговорить с вами?

– А кто нужен?

– Кто-нибудь из вашей семьи. Это по поводу прежних жильцов, Барыкиных.

– Их тут нет, и мы о них ничего не знаем.

– Ни адреса, ни телефона?

– Нет, мы покупали квартиру через агентство. С предыдущими хозяевами не встречались.

– Ни разу?

– Да, ни разу.

– После них не осталось каких-нибудь вещей? Фотографий, например?

– Квартира была совершенно пустой.

Я потоптался на крыльце.

Общаться со мной лично новые обладатели жилплощади явно не горели, да и был ли в этом смысл? Просто поглядеть друг на друга и разойтись? Я ведь уже выяснил все, что меня интересовало. Впрочем, можно было еще поговорить с соседями.

– Ладно, откройте, пожалуйста, дверь – я побеседую с другими жильцами.

Раздался сигнал, и замок открылся.

Я вошел в подъезд. Начать я решил с площадки, на которой раньше жили Барыкины. Я с трудом поборол искушение все-таки позвонить новым жильцам еще раз. Помедлив, я нажал на кнопку рядом с дверью напротив – обитой черным коленкором, с медными гвоздиками, образующими узор из крупных ромбов.

– Кто там? – Голос был мужской.

– Лейтенант Самсонов, полиция. Хотел бы поговорить о Барыкиных.

Пауза. Человек явно пытался понять, о ком идет речь.

– Они здесь больше не живут. Переехали, – произнес он наконец.

– Я знаю. Мне надо узнать, что они были за люди.

– Понятия не имею. – Голос становится раздражительным. То ли я оторвал мужчину от дел, то ли он начинает сомневаться, что я из полиции. – Поговорите с теми, кто въехал вместо них.

– Уже поговорил.

– Ну, тогда ничем не могу помочь. Мы с ними не общались. – До меня донесся звук удаляющихся шагов. Очень информативно.

Я перешел к соседней двери. Эта была обита деревянными лакированными планками. Я позвонил, но мне не ответили. Похоже, в

квартире никого не было. Что ж, это неудивительно. Неудача постигла меня и с последней дверью, металлической, с дорогой латунной ручкой и такими же декоративными накладками.

Пришлось спуститься на один этаж и продолжить там. В одной из квартир дома оказалась старушка лет семидесяти. Она бесстрашно открыла мне дверь и уставилась поверх очков в толстой пластмассовой оправе.

– Да? – проговорила она бодрым и молодым голосом. Из квартиры пахло жареной картошкой – должно быть, я оторвал ее от готовки.

Я вкратце объяснил, что мне нужно, сразу упомянув, что с новыми жильцами, поселившимися в квартире Барыкиных, я уже поговорил.

– Что они были за люди? – задумчиво проговорила старушка. – Не очень счастливые, я думаю.

– Почему?

– Из-за мальчика. Кажется, его звали... Юра.

– А что с ним было не так?

– Точно не знаю, но вроде он пострадал от пожара. Лицо обожгло ему.

– Сильно? – Я делал вид, что не знаю того, что рассказывает мне женщина, чтобы не сбивать ее.

– Не знаю. В больнице лежал, но когда появился, по-моему, у него все в порядке было. Во всяком случае, ожогов я не заметила. Но, похоже, парнишка стал после этого случая нервный.

– Что вы имеете в виду?

– Все время лицо прятал, отворачивался. Почти не выходил на улицу гулять. А если и появлялся, то ходил какой-то... неприкаянный. И ни с кем не играл. Сторонился детей, уходил от них. Ну, они и перестали с ним общаться. Потом даже поддразнивать начали, но он словно не замечал, им и надоело. А однажды я видела, как он полчаса стоял перед лужей и рассматривал свое отражение. Неподвижно, словно статуя.

Так, так! «Тепло», – сказал бы я, если бы все это хоть немного походило на детскую игру.

– А куда Барыкины переехали, не знаете?

– Нет. Мы с ними не в дружеских были отношениях.

– Почему?

Старушка пожала плечами:

– Да так. После случая с Юрой вся семья стала какая-то замкнутая. Мать и отец старались проскочить мимо соседей побыстрее, будто боялись, что им начнут задавать вопросы.

– Больше ничего не можете припомнить?

– Да вроде нет.

– А не знаете, может, Барыкины все-таки общались с кем-нибудь из соседей?

Старушка покачала головой:

– Не думаю.

– Ладно, спасибо и на этом.

– Не за что.

Я обошел всю лестницу сверху донизу, но больше никого из соседей застать мне не удалось, если не считать пары домохозяек и одну пенсионерку – все трое понятия не имели, кто такие Барыкины, и явно решили, что я какой-то аферист и удостоверение у меня липовое.

Выйдя на улицу, я позвонил Димитрову и попросил выяснить, как называется агентство, через которое Барыкины приобрели новую квартиру. На это у лейтенанта ушло полчаса.

– «Трейд Хабитейшн», – сказал он, явно читая по бумажке. – Ну и названьице!

– Они сказали, куда переехали Барыкины?

– Нет, ответили, что по телефону таких сведений не дают. Могу съездить к ним и узнать на месте.

– Я сам сгоняю. Спасибо.

– Ну, как знаешь. Записывай адрес офиса.

«Трейд Хабитейшн» находился в центре Пушкина, вход в него был со двора. Я позвонил, и мне тут же открыли, даже не спрашивая, кто и зачем пожаловал.

Пройдя три ступеньки вверх, я оказался лицом к лицу с рыжей девушкой, слушавшей музыку через большие черные наушники. При моем появлении она сняла их и автоматически улыбнулась:

– Добрый день.

– Здравствуйте. – Я огляделся. Офис был маленький, всего четыре работника. В углу стоял кулер, над окном висел кондиционер. – Старший лейтенант Самсонов, полиция.

– А-а. – Девушка понимающе закивала. – Это вы нам звонили?

– Нет, мой коллега.

– Вы хотите узнать новый адрес Барыкиных?

– Именно.

– Могу я увидеть ваше удостоверение?

– Без проблем.

Я раскрыл ксиву, девушка внимательно ее рассмотрела и достала из-под стекла на столе листок формата А4.

– Пожалуйста. В эту квартиру Барыкины переехали с нашей помощью.

Возможно, они менялись потом снова, но об этом нам уже ничего не известно.

– Спасибо. – Я сложил и убрал листок.

– Не за что. Всегда рады помочь! – Еще одна дежурная улыбка.

Я развернулся, чтобы уйти, и столкнулся с молодым человеком лет двадцати пяти. Он был в спортивном костюме и кроссовках. Через плечо висела большая джинсовая сумка-почтальон. У парня была модная борода и темные очки-авиаторы с белой оправой.

– Извиняюсь! – сказал он, посторонившись.

– Олечка, надо отвезти документы в «Палас Вояж», – быстро заговорила рыжая девушка, хватая прозрачную папку. – Успеешь за час?

Я понял, что парень курьер, и вышел на улицу.

Погода стремительно портилась. По небу ползли тучи с рваными краями. Они стремительно закрывали небо, воздух становился все холоднее. Откуда-то налетел порыв ветра и закружил по тротуару рассыпанный вокруг урны бумажный мусор. Невольно пожившись, я поспешил в машину.

В салоне развернул листок и еще раз прочитал новый адрес Барыкиных. Может, я напрасно так на них зациклился и парень с обгоревшим лицом ни при чем? Но чутье подсказывало, что проверить эту ниточку нужно обязательно.

Барыкины перебрались в Питер, поэтому сначала я решил заехать в банк – узнать, кто переводит деньги Бобровой. Отыскав отделение «Grate Wall Bank», я предъявил документы и объяснил в общих чертах, что мне нужно. Девушка-администратор удалилась посоветоваться с управляющим и через десять минут вернулась.

– К сожалению, мы не можем вам помочь, – развела она руками. – Суммы на этот счет перечисляются через терминал, так что личность отправителя установить никак нельзя.

– И ни разу деньги не были положены другим способом? В отделении банка или со счета на счет? – уточнил я на всякий случай.

Девушка покачала головой:

– Нет, только через терминал. Наверное, отправитель хочет сохранить инкогнито.

Тут она была, судя по всему, права. Тот, кто переводил Бобровой деньги, предполагал, что рано или поздно его станут искать, и подстраховался. Это говорило о том, что начать убивать он запланировал давно.

У меня заняло под ложечкой, когда я развернул машину и погнал в

сторону Питера – от предчувствия, что я на верном пути и иду по следу преступника. Мелькнула мысль вызвать подкрепление, но пока что у меня было только подозрение, версия – и не более того.

По обе стороны шоссе тянулись одиноко стоящие многоэтажки, построенные еще в советское время, новостройки и коттеджи, большинство которых еще только ждали хозяев.

Наконец из-за Пулковских высот показался город, похожий на серого левиафана, выброшенного на берег Финского залива и распластавшегося на огромной территории. Торчали небоскребы, казавшиеся отсюда, издалека, жалкими обломками, воткнутыми в землю неведомым богом.

Мегаполис рос с каждым годом, уплотнялся, становился выше, и все же я по-прежнему воспринимал его как расползающийся каменный лабиринт, по которому бродят безумные чудовища в человеческом обличье.

Я добрался до дома, где жили Барыкины, за пару часов. Это был «корабль» из красного кирпича, с балконами и треугольными эркерами. Выглядел этот архитектурный монстр жутковато, особенно в сумерки, наступившие из-за того, что тучи уже полностью заволокли небо, оставив просвет только у самого горизонта – тоненькую голубую полоску, едва подсвеченную садящимся солнцем. Казалось, серое покрывало дало в этом месте трещину, расползлось.

Я позвонил в домофон и услышал женский голос:

– Кто?

– Полиция. Разрешите с вами поговорить.

Пауза, затем удивленное:

– Со мной?

– Ваша фамилия Барыкина?

– Да.

– Значит, я к вам.

– Хорошо, поднимайтесь.

Щелкнул замок, и я вошел в подъезд. Пахнуло кошачьей мочой и дохлыми крысами: подвал был открыт, и в глубине виднелись силуэты рабочих. Они что-то сваривали. На первой площадке в ряд стояли газовые баллоны, от которых, точно змеи, тянулись черные шланги. В воздухе стоял характерный химический запах, оставляющий во рту металлический привкус.

Я поднялся на лифте на девятый этаж. Обычно я стараюсь не пользоваться этими штуками – мне все время кажется, что они могут в любой момент остановиться и я окажусь в клетке посреди шахты, хотя в жизни я застрял лишь однажды, когда мне было лет пять, да и то с мамой –

но на девятом этаже, конечно, пешком я не поперся.

Барыкина ждала меня на пороге, приоткрыв обшитую желтыми рейками дверь. Вид у нее был неважный: худая, даже костлявая, невысокого роста, с мышиного цвета волосами, собранными на затылке в пучок. Косметикой она или не пользовалась, или просто не успела ее нанести. Кожа выглядела сухой, лицо покрывали неглубокие и редкие морщинки. Под глазами наметились темные круги.

– Лейтенант Самсонов. – Я сразу показал ксиву.

– Здравствуйте, – кивнула женщина. – Что случилось?

– Я по поводу вашего сына. Только не волнуйтесь, с ним ничего не случилось, так что... – Я замолчал, заметив, как округлились у Барыкиной глаза.

– Вы про Юру? – проговорила она с сомнением.

– А у вас есть еще дети?

– Нет.

– Значит, про него.

Женщина окинула меня странным взглядом:

– А что с ним могло случиться? – спросила она тихо.

– Ничего, – ответил я. – Просто я сразу предупредил, чтобы вы не волновались.

– Я вас не понимаю. – Барыкина отступила на шаг и обернулась, заглянув в квартиру. – Вы по какому вопросу? – В ее голосе послышалась подозрительность.

Я почувствовал, что сделал что-то не так.

– Мне ваш адрес дали в фирме, через которую вы покупали эту квартиру, – сказал я. – Есть новые материалы по тому делу, в котором ваш сын фигурирует как пострадавший, – начал я врать, чтобы развязать ей язык и сгладить возникшую непонятно из-за чего неловкость. – Помните пожар в школе?

– При чем тут это? – нахмурилась Барыкина. – Да и какое это теперь вообще имеет значение?

– Понимаю, прошло много лет, но...

– Слушайте, Юра умер, так какой смысл ворошить прошлое?! – прервала меня женщина.

Я замер. Мне сразу стало понятно, почему она смотрела на меня с подозрением.

– Простите, я не знал, что с Юрием Сергеевичем произошло несчастье, – проговорил я растерянно. – А что с ним случилось?

– Так вы не знаете. – Барыкина понимающе покачала головой. –

Заходите.

Она распахнула дверь и посторонилась.

– Спасибо.

Я вошел в квартиру. Пахло жарящейся курицей, чесноком и сдобой. Из-за угла вышла белая кошка и уставилась на меня желтыми глазами.

– Сюда. – Барыкина провела меня в гостиную. – Юра разбился на машине два года назад. Так что, какие бы новые сведения о том пожаре у вас ни появились, он вам не поможет.

Моя версия рушилась на глазах. Я почувствовал себя как человек, строивший карточный домик, но забывший закрыть форточку. И вот внезапный порыв ветра сдувает со стола плоды всех трудов!

– Как это случилось? – спросил я. – Простите, что расспрашиваю.

– Юра ехал на своей машине домой. У него был «Ниссан», кажется. Не справился с управлением на повороте и вылетел с трассы. Перевернулся, автомобиль загорелся. – Барыкина замолчала, глядя в окно. – Он был пьян. Это просто ужасно! – Она вдруг разрыдалась и резко села на продавленный диван, закрыв лицо ладонями.

Я ждал, пока она успокоится. Утешать людей, тем более женщин, мне никогда не удавалось, так что в конце концов я бросил попытки.

Барыкину сотрясало почти минуту, затем она выпрямилась и вытерла слезы рукавом халата.

– Простите. Никак не могу свыкнуться с тем, что Юры больше нет.

– Я понимаю. Скажите, а ваш сын сильно пил?

– Да. Был у него такой грешок.

– И за руль садился пьяный?

– Иногда. Особенно в последние месяцы перед смертью.

– Почему?

– Говорил, что жизнь... не удалась.

– А конкретнее?

– Не объяснял. – Барыкина покачала головой. – Никогда не объяснял.

– У него была девушка?

– Нет. По крайней мере, я о ней не знала.

– Где он работал?

– В танцевальной студии.

– Танцевальной? – Я насторожился. Почему-то такого ответа я никак не ожидал.

– Ну, да. Он ведь окончил музыкально-художественную школу, уже здесь, в Питере. И потом работал в студии преподавателем.

– Знаете, где находится эта студия? – спросил я, сам не зная, зачем

хватаясь за призрак: Юра Барыкин погиб и никак не мог убить ни Зинтарова, ни Суханову.

– Нет, не знаю, – покачала головой Барыкина. – Даже как называется, не помню.

– А хотя бы примерно, где находится?

– На Васильевском острове. Точнее не скажу.

– А ваш супруг?

– Сережа? Он на работе.

– Я хотел бы с ним тоже поговорить.

– Он вернется часа через два.

– А где он работает, знаете?

– Конечно, это недалеко. Через дорогу перейдете, и там будет автомастерская. Спросите, мастер его позовет.

– Отлично.

– А что стало известно о том пожаре? – вспомнила вдруг женщина, когда я поднялся, чтобы уходить.

– Так, мелочи, которые требовали уточнения. Ничего серьезного.

Барыкина кивнула, сразу потеряв интерес.

– Последнее, что хотел попросить. – Я остановился, хотя уже направился было в коридор. – Нет ли у вас Юриных фотографий, желательно последних.

– Есть. Сейчас принесу.

Барыкина вышла, но минуты через две вернулась, держа в руках толстый, обтянутый коричневой кожей фолиант.

– Здесь все его снимки, – сказала она, протягивая мне фотоальбом. – С младенчества до смерти. Его биография в картинках, – добавила она дрогнувшим голосом.

Я сел в кресло, положив альбом на колени.

Барыкина встала рядом.

– Юра был очень красивым мальчиком, – проговорила она.

Я начал листать альбом. Старый, с толстыми картонными страницами, затертыми на углах.

Вначале шли снимки из роддома, затем передо мной последовательно предстал Юра-младенец, Юра во дворе, Юра-первоклассник, Юра – выпускник. Все это перемежалось с групповыми фотографиями, снимками с праздников и так далее.

Я обратил внимание, что лицо у Барыкина зажило, и никаких шрамов не осталось, но решил уточнить это у его матери.

– У Юры были отметины после пожара? – спросил я, листая

последние страницы альбома. – Я имею в виду, когда он подросток.

– Нет, все зажило идеально, – ответила Барыкина. – Мы с его отцом очень переживали по этому поводу, но обошлось.

Я кивнул:

– Повезло.

– Да.

– Можно мне взять эту фотографию? – спросил я, показав на один из последних снимков Барыкина. С него на меня смотрело молодое симпатичное лицо голубоглазого парня со светлыми волосами и небольшой бородкой. – У вас ведь есть копия?

– Наверное. А зачем вам?

– Для отчета. Положу в дело.

Объяснение было дурацким, но, к счастью, Барыкина вникать не стала.

– Хорошо, берите. – Она вытащила снимок из уголков и протянула мне. – Жаль, осталось мало детских фотографий, – посетовала она. – Юра подарил много карточек своей подружке, Аньке из шестого «б». Ох, у них была любовь! – Она усмехнулась. – А потом мы после пожара перевели его в другую школу, и через некоторое время они перестали общаться. Хотите, я вам ее покажу?

– Покажите, – согласился я из вежливости.

– Сейчас, – Барыкина полистала альбом. – Вот, справа от Юры. Хорошенькая, да?

– Да, весьма, – согласился я, мельком взглянув на девочку с группового снимка. – Что ж, спасибо за помощь. Зайду еще к вашему мужу.

Попрощавшись с Барыкиной и взяв у нее на всякий случай номер мобильного, я спустился на лифте, держа фотографию в руках. У этого молодого человека мог быть мотив, а могло и не быть. Все зависит от того, как отразился на его психике пожар, в результате которого он обгорел. Зато теперь стало ясно, что его родители, в частности отец, почти наверняка ни при чем: их ребенок остался красивым, и мстить было незачем.

Я спрятал фото и вышел на улицу. Через дорогу действительно виднелась автомастерская. Перед гаражом были выставлены старые покрышки с наклеенными белой краской надписями: «Шиномонтаж», «Диски», «Масла». Ворота были раскрыты, внутри виднелись люди.

Я не стал садиться в машину, а просто перешел дорогу и заглянул в мастерскую. Пахло бензином, маслом и краской.

Один из механиков меня заметил.

– Да? – проговорил он, вытирая руки ветошью.

– Мне нужен Барыкин.

– Вы за машиной?

– Нет, я по личному делу.

Механик хмыкнул и отвернулся, высматривая товарища.

– Эй! Серега! – раздался короткий пронзительный свист. – К тебе пришли!

Не взглянув на меня, механик полез под белый «Ниссан». Из подсобки вынырнул высокий худой мужчина в синем комбинезоне, с редкими, зачесанными на левую сторону курчавыми волосами и аккуратной бородкой.

– Вы ко мне? – спросил он неуверенно.

– Да, я из полиции. – Я показал ксиву. – Давайте отойдем в сторонку.

– А в чем дело?

Мы сделали три шага по направлению к выходу и остановились.

– Я только что говорил с вашей супругой. Она и подсказала, где вас найти.

– Что случилось? – В голосе Барыкина послышалась тревога.

– Я хотел пообщаться насчет того пожара, который случился в школе, где учился ваш сын. К сожалению, я не знал, что он погиб. Примите соболезнования.

Механик коротко кивнул:

– Спасибо.

– Я хотел узнать, каким был Юра. В плане характера.

– А что сказала вам об этом моя жена?

– Я не спрашивал.

– Почему?

– Мне показалось, она склонна несколько идеализировать вашего сына. В этом нет ничего такого, и это вполне можно понять, просто...

– Точно. – Барыкин нехотя покивал, тяжело вздохнул. – Ее послушать, так он был просто идеалом.

– А на самом деле?

– Давайте прогуляемся, – предложил Барыкин. – Петь, я на пять минут! – крикнул он, обращаясь к кому-то в мастерской.

Мы двинулись направо, мимо поставленных на кирпичи грузовиков. Остовы машин всегда производили на меня гнетущее впечатление: сначала такие красивые и сверкающие хромом и лаком, автомобили быстро приходили в негодность и отправлялись на свалки, чтобы ржаветь под беспощадными дождями. Просто метафора человеческой жизни, как бы банально это ни звучало.

– Юра рос очень замкнутым, – заговорил Барыкин, когда мы отошли от

ворот метров на десять. Он достал пачку «Оптимы» и закурил. – Почти ни с кем не общался. Друг у него был всего один, да и с тем они разошлись года два назад. Юра думал только о танцах, почти все время посвящал этому.

– Почему они с другом поссорились?

– Они не ссорились. Просто стали реже общаться, а затем и вовсе перестали.

– А девушки у вашего сына были?

– Две или три. Ничего хорошего из этого не вышло.

– Почему?

Барыкин пожал плечами, поправил лямки комбинезона.

– С первой он встречался полгода, со второй – два месяца. Ничего не рассказывал, но на влюбленного похож не был. Понимаете, что я имею в виду?

– Думаю, да.

– Зачем вам все это знать? – спросил вдруг механик, взглянув мне в глаза. Белки у него были желтоватые, с красными прожилками.

– Юра переживал из-за ожога, который получил во время пожара? – задал я вместо ответа вопрос.

– Конечно.

– Как это выражалось?

– Вначале он говорил об этом. Боялся, что станет уродом на всю жизнь. Но обошлось, даже шрамов не осталось.

– И он успокоился?

Барыкин пожал плечами:

– Даже не знаю. Иногда он подолгу стоял перед зеркалом и все смотрел на себя, смотрел. Жена над ним подшучивала, но у него был такой внимательный взгляд, что мне иногда становилось не по себе. Не знаю почему. Глупости, конечно, и все же...

– Он считал себя привлекательным?

– Понятия не имею. Мальчики об этом обычно не говорят.

– У Юры не было нервных срывов, депрессии, еще чего-нибудь в том же роде?

Барыкин покачал головой и выбросил окурок в канаву.

– Нет, он ни на что не жаловался.

– А как насчет проявления агрессии?

– Чего?

– Ну, он дрался со сверстниками?

– Не больше, чем все.

– Никаких особенных, запоминающихся моментов?

Механик вздохнул.

– Нет, Юра вел себя вполне прилично. Нас даже ни разу в школу не вызывали. К чему все это, он ведь умер?

– Простите, что ворошу прошлое. Сам не знаю зачем, если честно.

Я поймал удивленный взгляд Барыкина.

– Извините еще раз. – Мне действительно было неловко из-за того, что я заставил родителей Барыкина вспоминать о своем горе.

Парень умер и таким образом автоматически выпал из списка подозреваемых. Его отец тоже не походил на убийцу. Больше мне здесь делать было нечего.

Я быстро попрощался с механиком и вернулся во двор, где оставил автомобиль.

Наконец пошел дождь. Он пока только моросил, но чувствовалось, что через несколько минут он зарядит по полной программе. Я влез в салон и достал ключи.

В голову пришла мысль, что неплохо бы позвонить Ане. Девушка запала мне в душу, и я хотел пригласить ее куда-нибудь – хоть на пару часов. Мне казалось, что это время я могу выкроить, но не тут-то было: когда я завел мотор, зазвонил сотовый. Это оказался Димитров.

– Слушаю? – проговорил я, зажав трубку между щекой и плечом.

– Алло, Валер, это Рома.

– Что случилось?

Секундная пауза.

– Еще одно убийство.

Я замер. Неужели опера не уследили за Жарковой? Или убийца добрался до Храброва раньше, чем я смог найти физрука?

– Кто на этот раз? – проговорил я, сглотнув.

– Рачковская Антонина Николаевна.

– Кто это?

– Она работала уборщицей в школе, где трудились Зинтаров и Суханова.

– Уборщицей?

– Да. Вот только я не уверен, что ее смерть – дело рук того, кого мы ищем.

– А в чем дело?

– Ей перерезали горло в сквере возле дома. Лицо не тронуто, и клейма с цифрой нет.

– Тогда при чем тут... – Я не договорил. – Она работала в школе, ты

сказал?

– Да. Это единственная связь с предыдущими жертвами. Если она вообще есть. Собственно, я не собирался тебе звонить, но как только узнал этот факт, так сразу набрал твой номер.

Когда убивают человека, работавшего в том же месте, что и жертвы серийных преступлений, нельзя игнорировать наличие определенной связи – даже если почерк полностью отличается. Такие совпадения слишком маловероятны, и нужно найти кусочек пазла, из которого выпал данный фрагмент.

– Правильно сделал. Я хочу знать об убитой все. И где сейчас труп?

– Уже увезли в морг. Полтавин ваш сказал, что в принципе все ясно. Осталось сделать вскрытие, но он уверен, что ей просто пустили кровь.

– Я скоро приеду.

– Куда?

– В морг! Узнай об убитой все, что возможно.

– Хорошо, я понял. Встретимся в отделе.

– Договорились.

* * *

Когда в мире нарушается гармония, рушатся самые сокровенные устои, без которых современная цивилизация немислима. Эта нехитрая истина открывается многим, кто берет на себя труд задумываться, а не просто плыть по реке времени, подобно щепке, пущенной мальчиком в стремлении понаблюдать за движением воды. Однако, даже осознав необходимость гармонии, далеко не каждый оказывается готов восстанавливать ее, когда хаос пытается нарушить мировой баланс.

Нет ничего малого и незначительного, ибо кто способен измерить великое и ничтожное? Не человек ли? Но разве сам он не бывает велик или ничтожен – в зависимости от того, с чем сравнивать. Перед лицом стихии, например, обрушивающегося на город наводнения, человек – червь и плен, кусок плоти, обреченной стать удобрением. Но рядом с муравьем он титан, хотя, помести его в мир муравья, уменьши до размеров насекомого, и человек не выдержит и раунда. Он мгновенно будет уничтожен и унесен в муравейник в качестве пищи.

Когда кто-то причиняет тебе вред, это означает, что гармония нарушена, и неважно, насколько незначительной кажется обида. Не нам

решать. Мы – стражи на рубеже, где хаос пытается раскачать наш мир и ввергнуть его в пучину тьмы и беззакония. Мы обязаны реагировать и противодействовать, приводя состояние вселенной к балансу – в меру своих скромных сил и возможностей.

Когда у тебя угоняют машину, ты можешь купить другую. Когда убивают твою собаку, ты в силах завести другую. Даже когда у тебя крадут привычный образ жизни, еще не все потеряно, потому что можно так или иначе, но начать все заново.

Если же у тебя крадут лицо, дело обстоит совершенно иначе! Пусть сначала тебе кажется, что ничего особенно страшного не случилось, но это всего лишь иллюзия. Люди могут не смотреть на тебя на улице, не запоминать, как ты выглядишь, забыть тебя, но, когда у тебя нет лица, ты исчезаешь! Постепенно. Просто тает, превращаясь в ничто!

Я размышлял многие годы, пытаюсь понять, что со мной происходит. И вдруг однажды на меня снизошло озарение! Когда не знаешь, кто ты есть, другие тоже этого не поймут.

Значит, необходимо раздобыть себе лицо. Без этого просто растворишься. И я стал думать, где его взять. Думал долго, а потом вспомнил о том, как я потерял свое лицо. Это было больно и страшно, однако я понимал, что мне придется пройти через ад, чтобы возродиться. И не просто возродиться.

Я вспомнил, что есть люди, которые мне задолжали. Они нарушили гармонию мира, и пришло время восстановить баланс. А заодно вернуть мое лицо!

Когда-то люди верили, что можно предсказывать судьбу по внешнему облику человека. Я же лишен судьбы, а значит, могу взять дело в свои руки и сам начертить линию своей жизни.

В Древнем Китае черты лица подразделяли на пять вершин (лоб, нос, подбородок и скулы) и три двора (от волос до переносицы, от переносицы до кончика носа и от кончика носа до подбородка). Носов выделялось восемь типов, глаз – шесть. Форма лица определялась иероглифами, подходящими по значению.

Симметрия и соразмерность черт были главными условиями предсказания хорошей судьбы. Их нарушения сулили проблемы со здоровьем или беды. Например, если скулы не выступали, это означало, что человеку жить осталось недолго.

Я всматривался в зеркало часами, пытаюсь определить типы своих черт, классифицировать их, но не мог. Они расплывались у меня перед глазами. Иногда нос казался большим, иногда маленьким. Лоб – то

широким, то узким. Подбородок – то упрямо выпирающим, то безвольным. Этот калейдоскоп сводил меня с ума. Иногда я казался себе не человеком, а неопределенным существом – бесплотным и бесполом, пребывающим на границе между видимым и невидимым мирами. Нужно было внести в этот вопрос ясность. Мое тело требовало четкости. Я не мог больше выносить этой... невыраженности!

Когда я впервые приставил конец лезвия к коже чужого лица, когда надавил на него, доставая металлом до черепа, когда рассек податливую плоть и теплая кровь брызнула мне в глаза, я понял, что нахожусь на единственно верном пути, и возрадовался, ибо не каждому удается обрести такое знание, особенно если до сих пор он пребывал на распутье и не знал, куда пойти.

Я кромсал лицо своего врага и поглощал его, насыщаясь плотью и кровью, обрастая ею, становясь материальней и реальней с каждым проглоченным куском! Меня охватывало возбуждение, я словно увеличивался в размерах, накрывая свою жертву черной тенью, и, наконец, она исчезала, таяла, как когда-то таял я сам. Чем меньше оставалось от ее лица, тем сильнее я ощущал свою связь с этим миром и тем призрачней становились жалкие останки моего врага!

Поистине мудры были древние, пожиравшие тела сильных и отважных, чтобы обрести их качества. Эта забытая ныне практика кажется цивилизованному человеку дикой и отвратительной, но стоит раз попробовать и понимаешь: заклеить и опорочить истину еще не значит превратить ее в ложь!

Подобно предкам, я ем человечину не для насыщения. Гастрономические достоинства этого мяса меня не интересуют. Этим я отличаюсь от своих известных современников – таких, как, например, Дорангель Варгас, который в девяностых оказался в психиатрической клинике после того, как в его доме обнаружили останки пропавшего человека, около десяти черепов и человеческие внутренности. Варгас говорил, что ел органы так же, как другие едят груши, и утверждал, что никого не убивал, а употреблял мертвечину.

Не движет мною и болезненная страсть, подобная той, которой был охвачен Иссей Сагава. Когда он учился в Сорбонне, то влюбился в студентку из Голландии, но вместо того, чтобы ухаживать за ней, выстрелил девушке в затылок, разрезал и съел часть тела сырым, после чего совершил с останками половой акт. Несколько кусков спрятал в холодильник, а прочее положил в чемодан и отвез в лес.

Кстати, людям кажется, каннибализм резко осуждается в

современном обществе, а тот, кто нарушил табу и вкусил человечины, подвергается всестороннему осуждению и считается чудовищем из чудовищ. Однако пример того же Иссея Сагавы говорит, что это не так.

Останки голландской студентки были обнаружены через два дня, а спустя неделю полиция вычислила убийцу. Его арестовали и посадили в тюрьму, но через два года перевели в психиатрическую клинику, где Сагава написал мемуары, ставшие в Японии бестселлером. Вскоре после этого японец был депортирован на родину, прошел там психическое обследование и был признан вменяемым. Однако из-за того, что французы не отправили в Японию необходимые документы, Сагава был отпущен на свободу. Он писал книги, работал ресторанным критиком и вообще вел активную общественную жизнь.

Так должен ли я испытывать хоть малую толику чувства вины за то, что делаю?

* * *

Полтавин жевал диетический хлебец, и крошки падали на кафельный пол. Пахло освежителем, от которого во рту чувствовался металлический привкус. Так и хотелось сплюнуть.

Криминалист давно подсел на правильное питание и все время пробовал то одну, то другую диету, но пресным хлебцам оставался верен. Они сопровождали его вне зависимости от того, ел ли он одни яблоки, помидоры или питался ежечасно.

Сейчас он объяснял мне какую-то мудреную систему питания, а я делал вид, что запоминаю. Угораздило же меня ляпнуть, что маюсь животом – вот и напросился на лекцию.

– Послушай, – прервал я наконец разглагольствования Полтавина, улучив момент, когда он откусывал очередной кусок хлеба, – меня сейчас интересует, можно ли считать убийство школьной уборщицы частью расследования, которое я веду, или его надо передать в убойный.

– Спорим на тысячу, что у тебя в течение года откроется язва? – мстительно спросил Полтавин.

– Еще чего не хватало! Не стану я спорить на свое здоровье.

– Что, сглазить боишься?

– Боюсь проиграть.

Полтавин усмехнулся, засунул в рот остатки хлеба и отряхнул

пальцы.

– Рачковская Антонина Николаевна, сорок три года. Смерть наступила из-за обильной потери крови, которая, в свою очередь, произошла в результате рассечения шейной артерии. Проще говоря, ей перерезали горло.

– Это я и так знаю. Давай по существу. Есть признаки, что...

– Ее грохнул тот же, кто полакомился лицами Зинтарова и Сухановой? Нет, этого я утверждать не берусь.

– А нож, которым орудует убийца?

– Надрезы недостаточно глубоки, чтобы можно было понять, какой тип лезвия используется. Это во-первых. А во-вторых, мы искали следы крови Зинтарова и Сухановой в ране на шее Рачковской, и не нашли.

– Если бы орудие убийства было то же, кровь должна была попасть в рану.

– Скорее всего. Но это не значит, что нож был другой. Преступник мог тщательно вымыть оружие или обработать нашатырем. В общем, порадовать тебя мне нечем.

– Извини, что спрашиваю, но под ногтями никакого биоматериала не обнаружилось?

Полтавин демонстративно вздохнул и закатил глаза.

– Прощаю! В последний раз, хотя знаю, что тебя это не остановит. Нет, никакого биологического материала. Только обычная грязь. Рачковская своего убийцу не царапала. Труп смотреть будешь?

Полтавин отлично знал, что я терпеть не могу разглядывать мертвецов, но переступаю через себя, если это нужно для дела. Однако в данном случае необходимости вроде не было.

– Спасибо, обойдусь.

– Хозяин – барин, – пожал плечами криминалист. – Но ты заезжай, если что. Я Рачковскую подержу тут несколько дней. На всякий случай. А то я ведь знаю, как тебя иногда *осеняет*. И, кстати, попробуй диетку-то. А то доведешь себя до язвы, а поскольку мы с тобой так и не поспорили...

– Пошел ты! – не выдержал я. – Чтоб тебя...!

Полтавин расхохотался, совершенно довольный собой.

* * *

Несмотря на бушевавший за окном ливень, в кабинете Димитрова было душно.

Я вытер катившийся с виска пот и взял пластиковый стакан с водой. По радио играла «You will never know» Imany.

Недавно мне позвонил Башметов, мой непосредственный начальник. Интересовался, как продвигается расследование. Я кратко обрисовал ситуацию и перспективы.

– Тебе не надо подкрепления? – спросил Башметов. Было слышно, как он попыхивает в трубке своей неизменной сигарой. – Может, прислать кого-нибудь из наших?

– Не нужно. Я сработался с местным следаком и думаю, если сюда понаедут чужие, налаженная связь может... пострадать. А на незнакомой территории лучше дружить с теми, кто знает ее как свои пять пальцев.

Башметов усмехнулся:

– Подумайте, какие тонкие отношения!

– Именно что тонкие.

– Ладно, поступай как знаешь. Хотя ты и так это делаешь. Всегда.

– Спасибо, шеф.

– Это был не комплимент.

– Я догадался.

– Ну-ну! Одинокий ковбой. – Башметов снова фыркнул. – Не надоело самому-то бегать везде? Сколько раз тебе говорил...

– И я вам столько же раз отвечал, что не ради кабинетной работы пошел в полицию.

– Да, помню: ты у нас идейный. Только меня все дергают, спрашивают, почему такой ценный кадр до сих пор в старлеях ходит. Тебе давно пора на повышение. Даже и по возрасту.

Терпение! Нужно просто терпение, твердил я себе, слушая разглагольствования шефа.

Он возвращался к этой теме с упорством, достойным лучшего применения.

Как убедить человека, что ты принимаешь непосредственное участие в расследовании «на земле» не потому, что не наигрался в детстве с пистолетом, а просто потому, что иначе не умеешь? По должности старшего следователя я должен руководить другими, собирать бумажки и делать на их основе какие-то выводы. Но я себе подобного стиля не представляю. Мне нужно видеть своими глазами, слышать собственными ушами, смотреть в глаза людям, связанным с убитыми.

– Мы с вами этот вопрос уже проходили, – сказал я сухо, давая понять, что не настроен в сотый раз переливать из пустого в порожнее.

– Пообещай, что сменишь меня, когда мне выйдет срок уходить на

пенсию, и я отстану, – сказал вдруг Башметов. – Пообещай, что не станешь ломаться и твердить, что хочешь до старости работать «на земле».

От неожиданности я растерялся. Наверное, шеф себя неважно чувствует, вот и расклеился.

– Поговорим, когда я вернусь. Мне трудно представить, что вы можете выйти в отставку, особенно если я своими глазами не вижу, как вы чахнете.

Башметов хмыкнул:

– Ладно, чертов хитрый лис. Но мы к этому разговору вернемся!

«Не сомневаюсь», – пробормотал я, когда он отключился и в ухе раздались короткие гудки.

Глядя за окно, я вспоминал этот диалог, и мне пришло в голову, что Башметов действительно уже, мягко говоря, не мальчик, да и здоровье у него не богатырское. Кажется, полгода назад он даже обследовался – тайно от нас, его подчиненных. Но Вероника, его дочь, мне по секрету шепнула, что у папы, мол, пошаливает сердце. Врачи запретили ему курить, но он продолжал дымить сигарами – правда, только на работе. Дома родные следили за тем, чтобы он вел «здоровый образ жизни».

Димитров сел за стол и придвинул стопку распечатанных листков.

– Итак, я сделал то, что ты просил, – проговорил он, взглянув на меня.

Я кивнул и выпил еще воды. У нее был какой-то металлический привкус.

– Здесь все, что я смог найти за это время про убитую. Собственно, сведения получены от соседей и сестры Рачковской. Я говорил с ней по телефону, сама она живет с мужем и детьми в Гатчине. Будешь читать или тебе пересказать, что я узнал?

– Давай своими словами.

– Хорошо. – Димитров быстренько пробежал глазами первую страницу. – Значит, так. Рачковская Антонина Николаевна, сорок три года, прописка Пушкинская. Работала в школе уборщицей восемь месяцев, до этого трудилась в какой-то фирме, занимавшейся строительными товарами. Фирма обанкротилась, Рачковская перешла в школу. Должна была через неделю выйти в двухнедельный отпуск. У нее есть дочь Дарья четырнадцати лет. Отец – Рачковский Федор Кириллович, с убитой в разводе уже пять лет, живет в Нижнем Новгороде. У него новая семья, двое детей. Сюда никогда не приезжал, иногда звонит дочери по телефону. Обычно в день рождения и на Новый год. Соседи сказали, что раньше здорово пил, теперь, как дела обстоят с этим, неизвестно. Та-ак, что еще? А, да! У дочери Рачковской костная саркома на ноге, сейчас она в больнице. Ей требуется операция, но своих денег у убитой не было, она ждала

помощи из какого-то фонда. Операция назначена на август, число могу уточнить, если надо.

Что-то мне это напоминало. словно перед глазами промелькнул сюжет из фильма. Из детектива. Женщине нужны деньги, но денег нет. Ее убивают. Между этими двумя фактами должна быть связь.

– Когда ее убили? – спросил я, чувствуя, как в животе появляется неприятное ощущение: легкое жжение, предвещающее изжогу.

– Полтавин сказал, что около часа назад. Может, два.

– Она с кем-нибудь говорила перед смертью?

– Мы проверили ее мобильник, но никаких записей о входящих или исходящих звонках за последние пять часов не нашли. Около полудня она звонила дочери в больницу, и все.

– О чем они говорили?

– Рачковская сказала, что все будет хорошо. Обещала достать деньги на операцию.

– Seriously?

– Ага. Ты подумал о том же, о чем я?

– Возможно. Мне на ум пришел шантаж.

Димитров кивнул.

– Девочка сказала, что мама была уверена: деньги найдутся. Была воодушевлена. Я расспрашивал ее аккуратно, но в общих чертах дело обстояло именно так.

– Ты сказал ей, что мама умерла?

– Нет. Не смог. Думаю, это сделает ее тетя.

Я кивнул. Достал упаковку гастала, принял одну таблетку. Когда расследование закончится, надо будет сходить к врачу.

– Хорошо. Орудие преступления нашли?

– Нет. Но Полтавин уверен, что убийца воспользовался садовым ножом.

– Чем?

– Ну, такой складной нож с кривым лезвием для подрезания кустов.

– И им можно перерезать горло?

Лейтенант пожал плечами:

– Видимо, да. Полтавину виднее.

– Ну, да. Я думал, убийца сегодня разделается со следующей намеченной жертвой. Но его отвлекли. Рачковская о чем-то узнала и решила извлечь из этого выгоду. Преступнику пришлось заняться ею и отложить исполнение приговора.

– Приговора? – переспросил Димитров.

– Думаю, мотив убийств – месть. И убийцу надо искать среди тех, кто имеет отношение к школе.

– Согласен. Где еще уборщица могла его запалить? Только там, где работала.

– Наверняка это связано со смертью Зинтарова или Сухановой. Рачковская могла знать, с кем встречался кто-то из убитых в день смерти. Сложила два и два и догадалась, чем закончилось это свидание.

– Я думаю, она стала свидетельницей того, как убийца договаривается о встрече с Зинтаровым.

– Почему именно с ним?

– Суханова явно никого не ждала. Еда не была приготовлена, в квартире не убрано. Если к женщине должен прийти гость, пусть даже ненадолго...

– Но она открыла дверь, – вставил я. – Значит, была знакома с убийцей.

– Еще один довод в пользу того, что преступник работает в школе. Кстати, как там дела с Барыкиным?

– Он умер два года назад.

– Серьезно?

– Да. Разбился на машине.

Димитров досадливо щелкнул языком.

– Обидно! Я так понял, что ты возлагал на него большие надежды.

– Было дело.

– Таким образом, нам опять нужно искать того, у кого был повод отомстить Зинтарову и Сухановой.

– И кому-то еще из тех, за кем я просил присмотреть.

– С ними все в порядке, я звонил операм час назад. Убийце сегодня было некогда, он занимался уборщицей.

– Думаю, срыв плана вывел его из себя. Рачковская еще легко отделалась.

– Если не считать того, как убийца поступает с лицами своих жертв, действует он весьма хладнокровно.

– Это для него вполне нормально.

– Знаю.

Я вздохнул: теперь все нужно было начинать сначала. У нас не было подозреваемого, а выяснить, кто из работающих сейчас в школе мог иметь зуб на Зинтарова и Суханову, не так легко, как кажется на первый взгляд, потому что вторая жертва была завучем, а значит, могла переругаться со всеми. Зинтаров тоже не отличался приятностью в общении, как я понял. Кроме того, не было ясности ни с возрастом, ни даже с полом убийцы.

– Нам повезет, если преступник попадет на живца, – сказал я.
– Я велел нашим операм не светиться, – сказал Димитров. – Как раз с таким расчетом. Если убийца захочет разделаться с кем-нибудь из тех, за кем мы присматриваем, мы его возьмем.

– Они будут с потенциальными жертвами круглосуточно?

– Да.

– Плохо, что они заходили в школу. Убийца мог их видеть и догадаться, что мы расшифровали его послание и знаем, кто может стать следующим в его списке.

Димитров ненадолго задумался:

– И тем не менее он должен закончить свое дело. Думаю, он решит, что полиция просто опрашивала свидетелей, и не догадается, что мы выставили охрану.

Я с сомнением покачал головой:

– Он умен и выдержан. Если убитые ему чем-то и насолили, то было это давно, так что все успели об этом забыть. Завтра отправлюсь к директору и заставлю его вспомнить обо всех инцидентах. Если не обнаружу ничего подходящего, будем допрашивать «старожилов», а может, даже и в местный отдел образования наведаться придется. Если были жалобы, их могли подать туда.

– Согласен. А сейчас?

Я встал.

– А сейчас надо поспать. Завтра трудный день, и силы нам понадобятся.

На лице Димитрова отразилось облегчение.

– Отлично! – сказал он, складывая листки. – Тогда до утра.

– Давай. Жена небось заждалась?

– Конечно! Ей подавай свежие подробности того, как мы ловим маньяка. Совсем с ума сошла!

– Надеюсь, ты ей не рассказываешь?

– Да брось, Валера. Если она что и растреплет, то только своим подруженим. До убийцы это не дойдет.

Он, конечно, был прав, и все же...

– Среди ее подружениц нет журналисток?

– Ни одной! – Димитров клятвенно поднял правую руку. – И даже жен журналистов.

– Ладно, живи.

– Постараюсь.

Я отправился в свою комнату, принял душ и завалился в постель. Мне

удалось перехватить пару хот-догов по дороге в отдел, так что есть не хотелось. Зато глаза буквально смыкались.

Перед тем как провалиться в сон, я поймал себя на внезапно промелькнувшей мысли: «А правильно ли я расшифровал послание убийцы? Там ли, где надо, ждут опера?»

Глава 3. Последний заплыв

Пятница, 4 июня

Часы запикали и разбудили меня ровно в половине восьмого.

Я продрал глаза и сел на постели, чувствуя себя совершенно разбитым. Отключил будильник и поплелся в ванную. Приняв контрастный душ, оделся и принялся за завтрак. Накануне я заехал в супермаркет и купил яйца, бекон в упаковке, круассаны и маленькую банку растворимого кофе.

Перекусив, я вышел на улицу. После грозы, которая не стихала почти всю ночь, пахло озоном, а асфальт покрывали огромные лужи. Было прохладно, и я застегнул ветровку до самого подбородка.

Время шло, а мы ждали, когда убийца попытается совершить очередное преступление.

Для начала я заглянул в ближайший продуктовый магазин и купил себе на обед ветчину в нарезке, ржаной хлеб, брюссельскую капусту и замороженный картофель фри. Закинув все это во временное жилище, пошел в отдел.

Димитрова еще не было, но я обосновался у него в кабинете, взяв ключ у дежурного.

Я решил проверить собственную расшифровку послания убийцы. Для этого я вошел в Интернет и стал искать все, что касалось бессмертной пьесы Шекспира. Оказалось, что сюжет не был придуман английским драматургом «с нуля». Он заимствовал его из предшествующих произведений других авторов, например, из поэмы Артура Брука «Трагическая история Ромеуса и Джульетты». Причем сам Брук перерабатывал сюжет переведенной на французский язык новеллы итальянца Маттео Банделло. Тот же пересказал произведение Луиджи Да Порто «Новонайденная история двух благородных влюбленных и их печальной смерти, произошедшей в Вероне во времена синьора Бартоломео делла Скала», в котором и появились Ромео и Джульетта, монах Лоренцо, Маркуччо, Тебальдо (ставшие впоследствии Меркуцио и Тибальдом – по воле «великого барда»). Это произведение послужило основой также для поэмы «Несчастливая любовь Джулии и Ромео» Герардо Больдери и трагедии «Адриана» Луджи Грот.

Я уж молчу о том, сколько трагедия Шекспира пережила экранизаций. Я насчитал пятьдесят одну, начиная с 1900 года. А ведь задумывалась она как комедия и именно в таком ключе начала писаться, что чувствуется по

первым сценам.

Я попытался расшифровать имена главных героев как-то иначе, сравнивая получившиеся результаты со списком фамилий учителей из школы, но выходил настолько откровенный бред, что я отвергал одно предположение за другим. Мои занятия прервал Димитров, появившийся на пороге своего кабинета с банкой колы в одной руке и сигаретой в другой.

– Что делаешь? – поинтересовался он, входя и садясь на диван.

– Пытаюсь убедиться, что правильно понял послание убийцы.

– Я звонил операм. Все спокойно. Никто не пытался убить Храброва.

Кстати, он до сих пор не объявился.

– Да? То есть его не было всю ночь?

– Угу. – Димитров отхлебнул колу и затыкнулся. – Наверное, запил на природе.

– Он собирался вернуться вчера вечером.

Лейтенант пожал плечами:

– Ну и что? Уроков нет, даже если он опоздает на работу, что с того?

Каникулы же. Я думаю, никто даже не заметит.

– Поехали! – сказал я, вставая.

– Что?! – Димитров едва не поперхнулся колой.

– Может, пока мы следим за его хатой, его уже грохнули!

– Где?

– Откуда я знаю? Он же уехал жарить шашлыки. Адрес полянки не оставил, так что придется искать.

– Как ты себе это представляешь? – Димитров вышел в коридор вслед за мной. – Валера, мы не можем прочесывать все леса вокруг Пушкина. Тем более, может, он еще дальше усвистал. Это бред!

Я остановился: лейтенант был прав. Мы не найдем физрука.

– Ему звонили?

– Кто?

– Хоть кто-нибудь.

– Без понятия. У тебя есть номер его мобильного телефона?

– Нет, откуда? Но он должен быть в школе.

– Поехали?

– Да.

Димитров вздохнул.

– Отличное начало утра! – проговорил он, залпом допив колу и бросив пустую банку в урну возле туалета.

Мы вышли на крыльцо, и лейтенант выкинул окурок, описавший широкую дугу и упавший в лужу.

– Может быть, мы зря засуетились, и физрук приедет прямо в школу? – проговорил он с надеждой.

– Надеюсь. Но нужно быть готовыми ко всему.

– Ладно, ты прав.

До школы мы добрались минут за двадцать пять. По дороге я включил «Stressed out» группы «Twenty one pilot».

– Тебе нравится такая музыка? – спросил Димитров, постукивая по коленке пальцами в такт.

– Да. Напоминает мне девяностые. На самом деле я люблю самую разную музыку.

– Что, и классику?

– Конечно.

– Нет, я этого не понимаю. Мне нравится тяжелый рок, и только. Есть что-нибудь в этом роде?

– Найдется. Поищи. – Я указал на сенсорную панель проигрывателя. – Все треки подписаны.

– Ты женат? – спросил лейтенант, прокручивая список композиций.

– Нет.

– И, наверное, не собираешься? Заядлый холостяк?

– С чего ты взял?

– С того, что ты поселился тут и ни разу, по-моему, даже не съездил в город. Была бы у тебя жена...

– Она бы мне уже мозг вынесла, – закончил я за него.

– А я вот женат. Четыре года.

– Это я уже понял. Дети есть?

– Один пока. Девочка.

– Поздравляю, – сказал я, не зная, что положено говорить в таких случаях.

– Спасибо. Жена хочет через пару лет второго завести.

– А ты?

– Я еще не отошел от бессонных ночей и постоянных воплей, если честно.

– Ну, может, через два года все это забудется.

Димитров усмехнулся:

– Очень надеюсь!

Я припарковался возле школьной ограды, чуть в стороне от решетчатых ворот. Напротив бегали дети с игрушечными пистолетами и изображали звуки выстрелов. На одном из них почему-то была маска Дарта Вейдера.

– Ну что, пошли? – спросил Димитров. – Терпеть не могу школы! В детстве ненавидел, и до сих пор как вспомню все эти уроки, так аж передергивает!

– Держи себя в руках! – усмехнулся я. – Ты уже большой мальчик.

– Есть места, попадая в которые ты становишься тем, кем был когда-то, – философски возразил Димитров. – В них есть особая... магия.

– Ты ведь не в этой школе учился?

– Нет. А вот Светка здесь.

– Твоя жена?

– Ага.

– А она не знала Барыкина? Если ему сейчас двадцать пять, а твоей жене...

– Моей жене, – перебил Димитров, – тридцать один. Она окончила школу раньше, чем случился пожар. Я ее спрашивал.

– Понятно. Очень жаль.

– Да уж, такая потеря!

– Я не это имел в виду.

Мы поднялись по ступенькам.

– Телефон возьмем у секретаря, – сказал я, открывая дверь.

Охранник поднял голову при нашем появлении.

– А, опять вы! – буркнул он, взглянув на меня. – Что, еще кого-то убили?

– Мы в канцелярию, – объявил я, игнорируя вопрос.

– Первый этаж, направо.

– Знаю.

– А это кто с вами? – Гурин придирчиво оглядел Димитрова.

– Мой коллега.

Мы постучались в дверь канцелярии.

К счастью, секретарь уже пришел. Это был молодой человек, гладко выбритый, с прилизанными назад черными волосами. От него пахло терпким лосьоном и мятой – скорее всего, из-за жвачки, которую он перекачивал во рту. Я объяснил, что нам нужно, и он достал из шкафа тоненькую бумажную папку.

– Здесь контакты всех наших сотрудников, – сказал он, включая вентилятор, хотя в комнате было не жарко. Крохотное помещение наполнилось монотонным жужжанием. К решетке вентилятора были привязаны бумажные полоски, которые из-за движения воздуха поднялись и приняли горизонтальное положение. Их трепетание напоминало агонию вытщенного на палубу кальмара.

Я нашел телефон Храброва и передал его Димитрову.
– Позвони пока.
– Я?
– Да. Объясни, что нам нужно с ним поговорить, и попроси приехать в школу или в отдел. Или хотя бы домой.
– Ладно, – нехотя проговорил Димитров, доставая мобильник.
Я же повернулся к секретарю:
– Как вас зовут?
– Меня? – Молодой человек приподнял густые брови. – Валентин Родионович. А что?
– Давно тут работаете?
– Года два. Может, поменьше. *А что?*
– Слышали об убийстве двоих учителей?
Он кивнул.
– Можете что-нибудь сказать об этом?
– Что, например?
– У вас есть предположение, кто мог это сделать?
– Нет. А должны быть? Я их почти не знал.
– Вы случайно не учились в этой школе раньше? – ляпнул я наугад, сам не зная почему.
– Учился, а что?
– Вы все время добавляете «а что»?
Секретарь рассмеялся:
– Не замечал за собой. Исправлюсь.
– Значит, учились?
– Было дело.
– Сколько вам лет?
– Решили меня допросить? С чего бы это?
– Мы беседуем со всеми.
– Все настолько плохо? – Секретарь покачал головой. – Ни одного нормального подозреваемого? Но вы думаете, это кто-то из работников нашей школы?
Я натянуто улыбнулся:
– И кто теперь кого допрашивает?
– Ну извините. – Секретарь щелкнул выключателем вентилятора. Бумажные полоски медленно опустились. – Я закончил эту школу семь лет назад. Сразу после института стал работать здесь. Так-то.
– Нравится?
Секретарь пожал плечами:

- Для начала сойдет, а там посмотрим.
- Помните пожар, случившийся тринадцать лет назад?
- Еще бы!
- А мальчика, который пострадал тогда?
- Кажется, ему лицо обожгло?
- Именно.
- Нет, я его не знал. Мы в разных классах были.
- Но вы бы его узнали?

Секретарь покачал головой:

- Нет, конечно! Столько лет прошло. К тому же я не был с ним знаком.

Может, видел в коридорах, но не более того.

Я помолчал, обдумывая следующий вопрос.

- В школе работает еще кто-нибудь из бывших учеников?

– Да, конечно. Например, Лидия Борисовна, это учительница английского. У нее младшие классы. Ну, и Анна Вячеславовна. Она ведет танцевальную студию.

- Федотова? – быстро спросил я.

Секретарь кивнул:

- Вот она, кстати, может помнить того парня.

- Почему?

- Они вместе учились. В одном классе.

Я замер. Не часто удается получить зараз столько полезной и неожиданной информации. Такие моменты надо ценить.

- Вы уверены? – спросил я.

- Спросите ее сами. Она сегодня, кстати, на работе, я ее видел.

Я помолчал, собираясь с мыслями.

- А... Лидия Борисовна тоже здесь?

- Не знаю. Не встречал ее сегодня. Я, правда, сам недавно пришел.

Может, она будет попозже.

- А где ее найти?

- Третий этаж, в самом конце коридора. Номер кабинета не помню.

- Как ее фамилия?

– Шейковская. Похоже на Чайковского, правда? – Секретарь рассмеялся, умудряясь при этом перекачивать во рту жвачку.

- А ваша? – спросил я.

– Жульин. Все над ней подшучивают. Одни говорят, что мои предки были французами, другие, что я – жулик, третьи...

- Что вы жульен?

Секретарь рассмеялся, продемонстрировав ровные белые зубы – не

иначе как ходит в салон отбеливать.

– Именно! Как вы догадались?

В это время вернулся из коридора Димитров.

– Не отвечает, – сказал он хмуро. – Идут долгие гудки, так что телефон не отключен, но Храбров то ли не слышит, то ли... – Он замолчал, бросив взгляд на секретаря.

– Зачем вам Храбров? – поинтересовался тот, снова включая вентилятор. – Это что, он убийца?

– Мы просто хотели с ним поговорить, но не можем найти – его нет ни здесь, ни дома, причем со вчерашнего дня.

– Может, он у своей Марьи Геннадьевны? – бросил Жульин.

– У кого? – насторожился я.

– Так зовут его... любовницу, короче. Он сам хвастался, что завел себе женщину. Может, я, конечно, перепутал, как ее там зовут, но у него точно кто-то был, потому что он стал наряжаться, а однажды даже приперся на работу с цветами – купил букет заранее. Кстати, это было буквально на той неделе.

– Знаете ее фамилию или где живет?

Жульин усмехнулся:

– Шутите? Откуда? Я ее не видел, знаком с ней не был. А Храбров вообще по пьянке проболтался. Мы окончание учебного года отмечали в конце мая, так он нахрюкался и давай выпендриваться: мол, в его-то годы да бабу нашел. Утверждал, что она моложе его, но я не думаю, что сильно.

– Кто может знать, где ее найти?

– Храбров, естественно.

– А кроме него?

Секретарь развел руками:

– Такие вопросы не ко мне. Я бы рад, да не могу ничем помочь. О личной жизни нашего физрука информирован скудно.

Мы вышли из кабинета секретаря и остановились в вестибюле. На стенах висели стенды по правилам дорожной безопасности, детские рисунки с кривыми подписями в правом нижнем углу и герб России.

– Что делать-то будем? – озвучил Димитров назревший вопрос.

– Наверное, надо вскрывать квартиру Храброва, – ответил я неуверенно.

– А на каких основаниях? Может, он еще покажется, просто опаздывает. Вдруг у человека похмелье?

Я вздохнул. Лейтенант был прав: вломиться к физруку нам никто не разрешит.

– Ладно, возвращайся в отдел, – сказал я. – Я подъеду попозже.

– А что ты собираешься тут делать?

Я планировал заглянуть к Ане, но информировать об этом Димитрова не хотел.

– Мне надо перекинуться с директором парой слов по поводу того, кто мог иметь зуб на убитых. Думаю, теперь придется разбирать каждый инцидент.

– Хочешь, я схожу? – предложил лейтенант. – Заодно и познакомлюсь.

– Давай. Тогда встретимся в отделе.

– Ок. – Димитров кивнул и потащился на второй этаж.

Я же направился в танцевальный класс. На этот раз не было слышно ни музыки, ни голосов. Приоткрыв дверь, я увидел Аню, делающую мостик в центре зала.

– Привет! – окликнул я ее, входя.

Она повернула голову и приняла вертикальное положение.

– Доброе утро. Какими судьбами?

– Заехал вас повидать.

Наши голоса гулко разносились по помещению, и это подчеркивало ощущение пустоты, царившей вокруг.

– Не врите! – Девушка направилась к перекладине и без видимого усилия положила на нее правую ногу. – Кого допрашивали на этот раз?

– Так получилось, что вашего секретаря.

Аня удивленно приподняла брови:

– Вальку?

– Ага. Вы с ним хорошо знакомы?

– Оба учились в этой школе когда-то, правда, в разных классах. Так что можно сказать, что познакомились мы уже, когда начали тут работать. Хороший парень.

– Думаете?

– Ну, да. А что, вы его подозреваете?

– Пока нет. Но боюсь, теперь никого нельзя исключать.

– А что случилось?

Наблюдать за тем, как Аня гнется во все стороны, было просто больно. Интересно, она что-нибудь чувствует? На первый взгляд, все эти растяжки даются ей без труда.

С другой стороны, наблюдать за плавными движениями девушки в обтягивающей одежде не самое удручающее зрелище – это следует признать однозначно!

– Вы хорошо знаете вашего учителя физкультуры? – спросил я.

– Эдуарда Максимовича? Ну так. А что?

– Он пропал, похоже.

– Да ладно?

– Его дома нет со вчерашнего дня. Собирался вернуться вечером, но так и не появился.

Аня пожала плечами:

– Мы с ним работаем рядом: спортзал напротив. Но общаемся мало. Честно говоря, малопрятный товарищ.

– Почему? Клеится?

– Ага. Старпер!

– Не знаете, у него есть женщина?

– Понятия не имею. – Аня подошла к бумбоксу и поставила диск. – Мне он о своей личной жизни не рассказывает. Такие дела.

– Я заметил, что все жертвы жили одни.

– Совпадение? Или убийца специально так их выбирает? – Девушка покрутила ручку, регулируя звук.

– Вы знаете оперу «Ромео и Джульетта»? – спросил я.

– Конечно.

Мелодия стала громче. Это было что-то из классики. Я подошел и взял коробку от диска. Оказалось, что Аня поставила «Дон Жуана». Может, это намек?

– В квартире Сухановой я нашел духи «Juliette Has A Gun».

Девушка хмыкнула:

– Необычный выбор!

– Вот и я подумал так же.

– И решили, что это послание?

– Суханова была в средневековом костюме, причем мужском. Флакон отсылал к пьесе Шекспира.

– Дайте угадаю, – перебила Аня. – Вы решили, что следующей жертвой будет Ромео? То есть Роман?

– И это тоже. На всякий случай мы учли такие варианты, как Роман и Юлия.

– Джульетта?

– Ага.

– Ну и как?

– Пока вроде все живы. Кроме уборщицы.

– Какой уборщицы? – нахмурилась девушка.

Пришлось объяснить.

– А кто выпускает аромат? – через некоторое время спросила Аня.

– Что?

– Духи от кого?

Я достал из кармана флакон, который так и лежал там с тех пор, как я его прихватил в ванной Сухановой.

– Романо Риччи.

– Опять Романо! – усмехнулась девушка. – Даже тут получается Ромео. Только ведь послание должно состоять из двух частей, как я понимаю. Еще нужна фамилия. Или наоборот – имя.

– Да, было бы неплохо. А то вариантов получилось многовато.

– И кого, по-вашему, убийца наметил в жертву? Огласите весь список, пожалуйста. Кстати, хотите чаю?

– С удовольствием.

– Садитесь. – Аня указала на один из двух стульев возле окна. – Я сейчас. – Она направилась в подсобку, и вскоре я услышал, как в чайник наливают воду.

– Так кто главные кандидаты? – проговорила девушка, выходя через минуту.

Я достал блокнот и начал читать вслух:

– Роман Ефимович Гурин, ваш охранник, Юлия Николаевна Жаркова, завхоз, Юлия Олеговна Романова, географичка.

– А при чем тут Эдуард Максимович? Он вроде не подходит ни как Рома, ни как Юля.

– Не знаю, но интуиция мне подсказывает, что он может оказаться следующей жертвой. Дело в том, что оба убитых имели отношение к пожару, произошедшему в школе тринадцать лет назад. Вы должны его помнить. Тогда пострадал один мальчик, у него обгорело лицо.

Аня кивнула.

– Да, Юра. Мы учились в одном классе и дружили.

Я вдруг вспомнил слова Барыкиной о девочке Ане, которой ее сын подарил свои фотографии.

– А потом вы с ним виделись? Общались?

– Он так и не появился здесь после больницы: родители перевели его в другую школу. Мы встречались несколько раз, а потом как-то... перестали.

– Поссорились?

– Нет. Просто, наверное, пропал интерес. Мы же были детьми.

– Как Юра себя вел после того, как вышел из больницы? Он не изменился?

Аня задумалась.

– Знаете, вот вы спросили, и я думаю, что, возможно, поэтому мы и

перестали дружить. Юра стал какой-то замкнутый, дерганый. Он не выносил, когда люди на него смотрели.

– Из-за ожогов?

– У него уже было с лицом все в порядке. Не знаю, почему он так себя вел. Меня это напрягало. Нам стало как-то некомфортно друг с другом. Мне кажется, что меня он тоже стеснялся.

– Он не говорил о своем лице?

– Нет. Так какое отношение убитые имели к пожару? И опять же при чем тут Храбров?

Я рассказал Ане все, что смог выяснить. Прервал рассказ лишь однажды, пока она ходила в подсобку за вскипевшим чайником.

– Значит, вы подозревали Юру Барыкина, – проговорила Аня, когда я закончил. – Ясно. И версия провалилась, потому что он погиб в автокатастрофе. Но тогда почему вы цепляетесь за тот пожар?

– В каком смысле? – не понял я.

– Если Барыкин тут ни при чем, то и пожар тоже, верно? С чего вы тогда взяли, что убийца может охотиться на Храброва?

– В первую очередь потому, что физрук пропал, а опыт подсказывает мне, что люди не исчезают просто так, если рядом совершаются преступления.

– А что, если Храбров и есть убийца и просто сбежал?

– И такое может быть. Но зачем ему это делать? Наводить таким образом на себя подозрение.

– А если он допустил какую-то ошибку и знает об этом? Вдруг он опасается, что вы рано или поздно ее обнаружите?

– Мне кажется, убийца выдержан и не склонен к панике.

– Может, сбежать, пока не поздно, – его единственный шанс?

Я взял кружку с чаем, которую поставила передо мной Аня, и немного отпил. На кружке была фотография Праги – ажурная ратуша с красной крышей, над которой возвышалась готическая башня.

– Что, такой вариант вы даже не рассматривали? – поинтересовалась девушка.

В этот момент открылась дверь, и вошел Наумов, ее напарник. Увидев меня, он на секунду задержался, затем приветственно махнул рукой и направился в подсобку. На поводке у него был маленький черный пудель, стриженный под льва.

– Доброе утро, – сказал Наумов, улыбнувшись. – Я на пару минут, только заберу одежду. Надо постирать, а вчера забыл прихватить.

– Привет, хочешь чаю? – предложила Аня.

– Нет, спасибо. Мы с Родиком гуляем, нам не до чаепитий. Да, малыш? – Последняя фраза донеслась уже из подсобки.

В ответ послышалось глухое тьяканье.

– Я вот думаю, – начал я негромко, чтобы Наумов меня не услышал, – а вдруг я неправильно понял послание убийцы и Ромео с Джульеттой ни при чем?

– Как же так? – удивилась Аня. – Они оба погибли в конце пьесы, так что вроде все сходится.

– Но они же не единственные персонажи в пьесе. Если речь вообще идет о героях. Может, надо было заходить с другого конца? Поискать среди авторов сюжета о двух влюбленных или каких-нибудь современных интерпретаций?

– Вроде «Вестсайдской истории»?

– Что?

– Есть такой мюзикл по сюжету Шекспира. Впервые был поставлен еще в тысяча девятьсот пятьдесят седьмом году. Кстати, там героев зовут Тони и Мария.

В голове сразу всплыло имя убитой уборщицы: Антонина! Тони – Антоний. Но это бред, она не могла быть намеченной жертвой, потому что почерк этого преступления не совпадает с предыдущими. Убийца не стал вписывать ее в свою серию, она стала случайной жертвой. Он не нумеровал Рачковскую и не забрал ее лицо. А может, просто не успел? Вдруг его кто-то спугнул? Но как же быть с перерезанным горлом? Быстрая смерть явно не предназначалась для тех, кого преступник считал своими врагами. Он хотел причинять им боль, выжигать цифры, срезать лица, поедать их, чувствуя собственное превосходство!

В воображении мелькнула картина: покрытое гримом лицо – черно-белый череп – и красная кровь, стекающая из ощерившегося в плотоядной ухмылке рта!

– Знаете, что я сейчас подумала? – проговорила, делая глоток чая, Аня. – А ведь в пьесе Шекспира есть герой, который не просто погибает, а его именно убивают. И он мужчина.

– Кто?

– Тибальт. Двоюродный брат Джульетты. Его прикончил Ромео в уличной драке.

– Но... при чем тут Храбров? Да и вообще, я с трудом представляю фамилию вроде Тибальтов или Тибальдин. У вас в школе такие есть?

– Нет. Поэтому я думаю, что можно попробовать перевести слово «Тибальт» на русский. Может, это что-то прояснит?

- Кажется, я читал, что так в Ирландии называли котов.
- Котовских и Котиковых у нас в школе тоже нет, – покачала головой

Аня.

В этот миг из подсобки вышел Наумов со спортивной сумкой в руке.

- Ну все, пока, – кивнул он.
- Счастливо, – отозвалась Аня.

Однако прежде чем выйти из зала, Наумов обратился ко мне:

- Поймали кого-нибудь?
- Пока нет. Но мы работаем над этим.
- Удачи. А то вся школа уже в страхе.

Когда он вышел, я спросил Аню:

- Ваш напарник сказал это серьезно?
- Что именно?
- Насчет того, что вся школа в страхе.

Аня усмехнулась.

– Нет, конечно. Некоторые, правда, побаиваются, но никто всерьез не думает, что может стать следующим. Большинство считает, что у Зинтарова и Сухановой был тайный роман, и с ними разделался любовник или любовница одного из них. Такие дела.

– А вы тоже так считаете?

– Не знаю. Честно говоря, я не так уж часто об этом думаю. Обычно вы заставляете меня начать соображать. – Аня улыбнулась. – Так что давайте вернемся к Тибальту. У меня нет здесь ноутбука, но мы можем воспользоваться Валиным компьютером и посмотреть в Интернете, есть ли у этого слова какие-нибудь значения.

- Вы имеете в виду секретаря?
- Ага. Я думаю, он нас пустит на полчаса.
- Ладно, идемте.

Мы оставили недопитый чай и отправились к Жульину.

Секретарь выслушал нашу просьбу воспользоваться его компьютером со скептическим видом, но встал и, выбираясь из-за стола, сказал:

– Да пожалуйста! Только не поудаляйте мне там ничего. Схожу пока в магазин, куплю пожевать.

Как только он ушел, Аня села в его кресло, а я пристроился рядом на стуле.

– Кажется, он был не очень-то рад тому, что мы его выставили, – заметил я.

– Не обращайтесь внимания, – махнула рукой девушка. – Валя ко мне давно клеится, но безуспешно. Наверное, приревновал меня к вам. – Она

мимолетно улыбнулась, не взглянув на меня. – Так, посмотрим. Введем «тибальт» и посмотрим переводы на разные языки. Хм! Никак не переводится.

– Я читал, что этот герой появился впервые не у Шекспира, а у какого-то итальянца.

– И что?

– Может, попробовать итальянский вариант имени?

– Это какой? Тибальдо?

– Наверное. Не помню, если честно.

– Давайте рискнем. – Аня изменила слово и нажала «Enter». – Нет, не получается.

– А за что Ромео убил Тибальта? Что-то я подзабыл. Давно читал, еще в школе.

– Отомстил за своего друга, Меркуцио.

– Месть!

– Ага.

– Постойте, так получается, Меркуцио тоже убили?

– Ну, да.

Я схватился за голову.

– Как понять, кто будет следующей жертвой, если нет точного указания, кто из героев пьесы является ключом к разгадке?!

Аня задумалась:

– Знаете, имя Меркуцио переводится как «ртуть», так что если бы он был посланием, убийца наверняка оставил бы намек.

– Возможно.

– Было на месте преступления что-нибудь связанное с ртутью? Или изменчивостью?

– При чем тут изменчивость?

– Ртуть – символ текучести, трансформации.

– Понятно.

– Так как?

Я задумался, припоминая, что было в ванной у Сухановой. Розовая от крови вода, мертвое тело, багровая жуткая рана вместо лица – вот что возникло перед глазами в первую очередь. Лишь потом, отогнав эти образы, я смог сосредоточиться на содержимом шкафчика и полка.

– Ничего сразу не приходит в голову, – признался я через минуту. – Надо будет поразмыслить хорошенько. Может, еще раз съездить на квартиру. Давайте пока вернемся к Тибальту.

– Давайте, – с готовностью согласилась Аня. – Есть идеи?

– Посмотрите, как «Тибальт» пишется по-английски и по-итальянски.
– Думаете, поможет?
– Не знаю, но почему бы не попробовать.
– Ладно. Получается соответственно Tybalt и Tebaldo.
– Разобьем имя на две части, – предложил я.
– Как это?
– «Те» и «baldo».
– И что нам это даст?
– Пока не знаю. Попробуйте перевести эти части по отдельности.
– Мне кажется, это несколько натянуто, – заметила Аня с сомнением.
– Да ну и пусть.
– Вам очень хочется подогнать Тибальта под послание убийцы, да? – пробормотала девушка, вводя поочередно «Те» и «baldo». Почему бы тогда не попробовать разложить на части «Ромео» и «Джюльетту»?
– Не торопитесь – и до них доберемся.
– Та-ак... у нас получилось следующее: «Те» – это по-испански «тебе», а «baldo» – это... черт! – воскликнула Аня, придвинувшись к монитору. – Это переводится, как «храбрый», только уже на итальянском.
– *Храбров!* – воскликнули мы хором.
– Убийца малость перемудрил, на мой взгляд, – заметила Аня. – Но в принципе все сходится. Будем проверять Ромео и Джюльетту?
– Нет, некогда! – Я вскочил и достал мобильник. Перед глазами встала картина: в запертой квартире физрук лежит в ванне его раздувшееся от воды тело без лица и с клеймом на груди. – Алло, Рома! Есть разговор. – Я подошел к двери и выглянул в коридор, чтобы убедиться, что там никого нет. – Это касается Храброва. Похоже, я ошибся, и послание с предыдущего места убийства расшифровывается иначе. Короче, следующая жертва – физрук! На этот раз уверен. Надо ломать дверь. Зачем? Может быть, он никуда и не уезжал. Да, ты все правильно понял. Вызывай опергруппу, а я поеду вперед.
Отключившись, я повернулся к Ане. Девушка выглядела взволнованной. Надо заметить, ей это очень шло.
– Спасибо за помощь. Без вас я бы не справился.
– Да бросьте! Вы сами догадались, что слово надо разделить на две части. А можно с вами?
Я несколько опешил:
– Куда?
– К Храброву. Здесь мне до часу все равно делать нечего. Правда, потом мне надо будет вернуться, потому что придут дети заниматься.

– Я вас отвезу, – сказал я машинально.

– Отлично! – Аня закрыла интернет-браузер и вышла из-за стола. – Тогда едем?

– Зачем вам это?

– Вы опять зажгли во мне интерес. – Она улыбнулась. – В конце концов, раз вы считаете, что я вам помогла, значит, вы мне должны.

– Знаете, кто-нибудь мог бы решить, что вами движет нездоровое любопытство, – заметил я, выходя в коридор.

– Кто это, например? – поинтересовалась она, следуя за мной.

– Большинство женщин, я думаю.

– Не такие уж мы слабонервные, как вы, мужчины, думаете.

– Похоже на то.

Мы вышли на улицу и сели в «Олдсмобиль». Я поискал подходящий трэк и остановил выбор на песне группы Coldplay «Adventure of a lifetime».

– Хорошо, – одобрила Аня. – Одно время я их слушала постоянно.

Не успели мы отъехать от школы и на километр, как у меня зазвонил мобильник. Это был Димитров.

– Да? – ответил я.

– Ты где?

– Еду к Храброву, как и договаривались.

– Разворачивайся и дуй обратно. Срочно!

– В чем дело?

– Он здесь!

– Кто? – Я ничего не понимал.

– Храбров, кто же еще?

– Явился-таки на работу?!

– Не совсем.

– Блин, Рома, ты можешь нормально объяснить?

– Только что тело Храброва обнаружили в школьном бассейне. Вернее, предположительно его тело.

Секунд пять мне понадобилось, чтобы понять, что имеет в виду этим уточнением Димитров.

– Без лица? – спросил я, взглянув на Аню.

Та вздрогнула.

– Да. И с двойкой на груди.

Итак, убийца все-таки привел нас к бассейну – туда, где тринадцать лет назад обгорел Юра Барыкин. У меня вновь появилось стойкое ощущение, что убийца жестоко мстит за него. И при этом переводит деньги Бобровой, спасшей мальчика в тот день.

Кто, если не родители способны на такое? Любовница? Друг? В призрака или восставшего из мертвых Барыкина я не верил ни секунды. Если бы я допускал существование паранормальных явлений, делать в полиции мне было бы нечего. Как говорил Шерлок Холмс, сначала нужно перебрать и отбросить все материалистические объяснения и только потом признать существование сверхъестественной злой воли. До сих пор мне удавалось разбираться с делами, не прибегая к помощи ладана и чеснока, и начинать верить в привидения с данного конкретного расследования я не собирался.

Видимо, придется заняться родственниками и связями погибшего, по крупицам восстановить его биографию.

Я развернул машину и погнал обратно.

– Что там? – спросила Аня. – Кого-то нашли?

– Храброва. В школьном бассейне.

Девушка прикрыла губы ладонью, словно пытаюсь удержать невольный взглас.

– Ужас! – проговорила она через минуту. – Вы были правы.

– Как он мог там оказаться? – пробормотал я, глядя на дорогу.

Аня восприняла это как вопрос, обращенный к ней.

– Есть черный ход, он ведет прямо в спортзал, – сказала она. – Убийца мог взять ключи от него у Эдуарда Максимовича. Только зачем тащить тело в школу?

– Еще неизвестно, где Храброва убили. Возможно, он встретился со своим убийцей в спортзале, или преступник привез его туда еще живым.

– Прямо в школе! – Аня покачала головой. Кажется, эта мысль ужасала ее больше всего. – Как же мои занятия? Их придется отменить?

– Думаю, так будет лучше.

– Надо обзвонить родителей. – Она погрузилась в свои думы.

Мы расстались в фойе школы: Аня пошла разбираться с сорвавшимися занятиями в канцелярию, где был стационарный телефон, а я отправился в спортзал.

Димитров сидел на складном стуле и курил.

– Ну, где он? Показывай, – сказал я. – Кто, кстати, обнаружил тело?

– Физкультурница. Она пришла позже и увидела труп Храброва. Подняла крик, я услышал и прибежал.

– Где она сейчас?

– В учительской, ее чем-то там отпаивают. Предположительно чаем.

– Опергруппу вызвал?

Димитров кивнул:

– Представляю, как ваш криминалист обрадовался, когда еще про один труп услышал.

Эмоции Полтавина волновали меня меньше всего.

– Ничего. Я тоже не в восторге от всего этого.

– Хочешь посмотреть на тело, пока судмедэксперты за него не взялись?

– Давай.

Димитров провел меня в соседнее помещение, где был школьный бассейн из четырех дорожек. Во второй плавал лицом вверх Храбров. Вернее, окровавленной раной, зиявшей на месте лица. На груди у него четко виднелось выжженное клеймо – «2».

– А это что? – спросил я, указав на темный предмет, плававший неподалеку от трупа.

– Ты будешь смеяться.

– Спорим, что нет?

Димитров затушил окурок о кафельную стену и спрятал его в карман. Все-таки не сорить на месте преступления – это привычка, впитывающаяся в полицейского раз и навсегда.

– Это скрипка!

– Да ладно? – Я присмотрелся и понял, что лейтенант прав. – Ты спросил физкультурницу, чья она?

– Конечно.

– И что она ответила? Храброва?

– Нет. Убитый на ней не играл. Он вообще музыкой не увлекался.

– А откуда такая уверенность, что это вообще он? – взяло меня вдруг сомнение. – Лица-то нет.

– Зато есть татуировка. – Димитров показал на голень, где виднелся синий якорь. – Физкультурница опознала эту картинку, она видела ее много раз летом, когда Храбров вел уроки в шортах.

– Отпечатки все равно надо будет снять. Интересно, у нас в базе есть его пальчики?

– Думаю, да. Храбров служил во флоте. Якорь оттуда.

– Я смотрю, ты успел основательно побеседовать с физкультурницей.

– Да, поначалу она держалась молодцом, но потом у нее сдали нервы, и началась истерика.

– Ладно, продолжим с ней, когда она успокоится. Ты тут осмотрелся? Понял, как убийца проник в школу?

– Есть варианты, – задумчиво проговорил Димитров.

– В смысле?

– Видишь ли, пока неизвестно, когда умер Храбров. Надо дожидаться Полтавина.

– Ты предполагаешь, что его могли прикончить здесь? – догадался я.

Димитров развел руками:

– Почему бы и нет?

– И пытали здесь же?

– Ну да.

– А где убийца раскалил тавро? Ты нашел следы костра или какой-нибудь обогревательный прибор?

– Пока и не искал, – признался Димитров. – Но он ведь может обнаружиться. – Лейтенант явно не собирался сдаваться и отказываться от своей версии.

– Хорошо, давай поищем. Раз ты считаешь, что убийца втащил или ввел еще живого физрука через черный ход и пытал здесь, не зная ни когда явится на работу его напарница, ни...

– Постой, Валер, – перебил меня Димитров. – Вот об этом я как раз подумать успел.

– Да? И что?

– Убийца не потащил бы сюда труп Храброва, если бы не был уверен, что в спортзале утром никого не будет. Ну, или ночью – смотря когда тело бросили в бассейн.

– Я думаю, он все сделал ночью, – сказал я. – Именно в то время, когда спортзал гарантированно свободен. Это единственный логичный вариант, Рома, уж извини.

– Может быть, – не стал спорить Димитров.

– Но все равно последнее слово за Полтавиным, – сказал я.

Лейтенант кивнул.

– Давай поищем, чем убийца мог раскалить тавро, – напомнил он.

Мы обыскали спортзал, бассейн, комнату учителей и кладовку со спортивным инвентарем, но обнаружили только старый масляный обогреватель, которым не пользовались лет пять, а то и больше.

– Что я говорил? – Я остановился возле бассейна, глядя на мертвеца. – Убийца пытал Храброва не здесь.

– Он мог принести и унести жаровню с собой, – уперся Димитров.

– А пожарная сигнализация? – Я показал на потолок.

– М-да, – протянул он нехотя, задрав голову. – Ну, тогда...

Договорить ему не удалось, потому что в помещение дружною толпой ввалилась опергруппа, а вслед за ней – команда судмедэкспертов во главе с Полтавиным.

– Ну что, еще один? – проговорил патологоанатом, глядя в бассейн. – Третий, да?

– Угу, – отозвались мы с Димитровым.

– Ничего тут не трогали?

– Нет, конечно. – Лейтенант исподтишка принялся вытирать рукавом след от окурка на кафельной стене.

– А почему табаком пахнет? – подозрительно осведомился Полтавин. – Ваша работа, лейтенант?

Димитров виновато развел руками:

– Ладно, каюсь: выкурил одну...

– Одну?! Да тут воняет, как в вокзальном сортире!

– Не преувеличивайте! – обиделся лейтенант.

Полтавин пробормотал о Димитрове что-то нелестное и, поставив портфель на стул, принялся натягивать перчатки. Пластиковый костюм он надел заранее, перед тем как войти.

– Обследуйте черный вход, – сказал я. – Убийца, вероятно, проник сюда через него.

– Обследуем! – буркнул судмедэксперт. – Еще есть пожелания?

– Скрипка, судя по всему, является частью очередного послания. Я бы хотел получить ее в первую очередь.

– Тебе еще ни разу это не помогло, – заметил Полтавин.

– Что именно?

– Разгадка знаков, которые оставляет убийца, – пояснил патологоанатом. – Все жертвы все равно мертвы.

– Осталась еще одна.

– Хочешь успеть хоть ее спасти?

– Тебя это удивляет?

Полтавин открыл было рот, но я его опередил:

– Если ты, Федя, предложишь мне поспорить, смогу ли я опередить убийцу, я перестану тебя уважать. Seriously! Ты, конечно, профессиональный циник, но у всего есть пределы.

Полтавин пожал плечами. Прозрачный комбинезон противно скрипнул.

– Вы получите скрипку, как только мы ее обследуем, – сказал патологоанатом. – Часа через два. Устроит?

– Лучше раньше, – бросил я, направляясь к выходу.

Димитров последовал за мной.

– Выясни, не пропали ли из школы скрипки, – сказал я, пока мы шли через спортзал. – Пусть проверят все музыкальные классы. Оставайся с

Полтавиным и забери скрипку, как только сможешь. Когда ее достанут, внимательно рассмотришь, что удастся.

– Конечно. А ты куда?

– Мне надо кое-кому позвонить.

– Потом расскажешь?

– Если узнаю что-нибудь путное.

Я вышел на улицу, сел в машину и достал телефон. Не хотелось говорить при Димитрове: я опасался, что он решит, будто я зациклился на том пожаре. Конечно, главный подозреваемый безвременно почил, но у меня складывалось впечатление, что убийца наводит нас именно на тот несчастный случай.

Я набрал номер Барыкиной.

– Да? – отозвалась она после трех гудков.

– Это старший лейтенант Самсонов. Помните меня?

– Конечно.

– Можно задать вам неприятный вопрос?

Пауза.

– О Юре?

– К сожалению, да.

– Почему вы не оставите нас в покое?! – Барыкина слегка повысила голос.

– Это займет не больше минуты, – поспешно пообещал я.

– Ну, что вам еще нужно?

– Скажите, кто опознал тело вашего сына?

– Мой муж.

– А вы?

Пауза, тяжелый вздох.

– Я не ездила в морг.

– Почему?

– Сережа не пустил.

– Ваш муж?

– Конечно, кто же еще!

– Извините. Я просто уточнил.

– У вас есть еще вопросы!? – проговорила женщина резко.

– Почему ваш муж не позволил вам опознать Юру?

На этот раз пауза затянулась. Я уж было даже решил, что Барыкиной стало плохо.

Наконец она ответила:

– Потому что машина моего сына загорелась.

Мне все стало ясно. Собственно, именно это я и подозревал, потому и позвонил Барыкиной.

– Как ваш муж опознал тело, если оно сгорело? – спросил я.

– По часам и медальону! – выкрикнула Барыкина и бросила трубку.

Я откинулся на спинку водительского кресла и прикрыл глаза.

Огонь, везде огонь! Он буквально сопровождал мальчика по имени Юра Барыкин. Где же ты теперь? Жив или погиб в автокатастрофе? Лежишь в гробу или убиваешь тех, кто, как тебе кажется, испортил тебе жизнь.

Я вытащил фотографию Барыкина и внимательно рассмотрел. Нет, он не был похож ни на кого из тех, кого я встречал до сих пор. Я вылез из машины и отправился назад в школу: кто-кто, а директор должен знать в лицо всех, кто у него работает.

Однако сначала я встретил шедшую из канцелярии Аню.

– Ну как, всем позвонили?

– Да. Надеюсь, завтра занятия состоятся?

– Не вижу к тому препятствий.

– Вы закончите сегодня?

– Наверняка. Ваш напарник ничего не потеряет.

– Я позвоню ему и предупрежу, что случилось.

– Сначала скажите, не знаете ли вы этого человека. – Я показал Ане фотографию Барыкина.

Она внимательно рассмотрела ее, но покачала головой.

– Впервые его вижу.

– Уверены?

– Конечно.

– И тем не менее вы его знаете.

– Да?

– Это Юра Барыкин.

– Тот самый?

– Именно.

Аня удивилась:

– Надо же! Никогда бы не подумала. Впрочем, столько лет прошло. Мы ведь были еще маленькими.

– Это верно. – Я убрал фотографии. – Увидимся позже?

Девушка чуть заметно улыбнулась:

– Наверное.

Я направился к лестнице.

– Возможно, мне понадобится ваш совет.

- По поводу чего? – обернувшись, спросила Аня.
- Убийца оставил новое послание. На этот раз скрипку.
- Скрипку?

– Да. Поразмыслите пока об этом. Вдруг что-нибудь придет в голову. Короба я застал в кабинете. Он сидел у распахнутого окна и тяжело дышал.

- Что с вами? – спросил я, решив, что у него приступ.
- Уже все нормально, – слабым голосом ответил директор. – Был небольшой спазм. Все это... Господи, кончатся эти убийства или нас всех перебьют?! – Он взглянул на меня умоляюще.

Я откашлялся. Разве я могу предсказывать будущее? Да и стоит ли отвечать на абсурдные вопросы, продиктованные нервами?

- Я хотел показать вам фотографию одного человека.
- Подозреваемого? – быстро и с надеждой спросил Короб.
- Может быть.
- Давайте!

Я протянул снимок Барыкина.

- Вы его знаете?

Директор взглянул и бросил фото на стол, скривившись от разочарования.

- Нет! Кто это такой?
- Наверное, мне понадобится список всех учителей-мужчин до сорока лет, поступивших в вашу школу на работу в течение последних двух лет.

Короб мучительно застонал:

- Идите к секретарю! Он вам все даст.

Я спустился на первый этаж.

Жульин был на месте. Я объяснил ему, что требуется.

- Хорошо, без проблем. Подождите минут пятнадцать.

Я сел на стул. Желудок опять беспокоил, так что пришлось выпить таблетку, воспользовавшись кулером в канцелярии.

- Вам только фамилии? – спросил Жульин.
- Желательно все, что есть.
- Общие сведения. Прописка, номера документов.

Я кивнул:

- Подойдет.

Документы – это как раз то, что я стану проверять в первую очередь.

- Вам только учителя нужны? – поинтересовался секретарь.

– В смысле?

- Выписывать только учителей или всех работников по вашему

описанию?

– А, вы про...

– Себя, например. И есть еще электрик, он тоже поступил на работу меньше двух лет назад.

– Да, выписывайте всех, не только учителей.

Жульин кивнул.

– Тех, кто уже уволился, надо?

– Да, но помечайте их красной ручкой.

– Хорошо.

Через четверть часа Жульин вручил мне несколько распечатанных листков.

– Здесь все, – сказал он.

Я поблагодарил и вышел в коридор. Объяснять, зачем мне понадобились эти сведения, я не собирался. Примостившись в фойе, я принялся читать один листок за другим. Всего их оказалось десять:

1. Монаков Виктор Терентьевич, 25 лет, электрик, поступил на работу полтора года назад.

2. Силин Григорий Евгеньевич, 27 лет, учитель информатики, работает полгода.

3. Наумов Андрей Тимофеевич, 28 лет, учитель танцев, работает год и восемь месяцев.

4. Жульин Валентин Родионович, 27 лет, секретарь, работает год и девять месяцев.

5. Августов Лев Николаевич, 29 лет, учитель информатики, работает год и шесть месяцев.

6. Петровский Игорь Константинович, 26 лет, учитель английского, уволен два месяца назад за систематические опоздания (приписка сделана от руки Жульиным). – Помечен красным.

7. Регатников Владимир Витальевич, 32 года, учитель истории, работает два года.

8. Митрофанов Сергей Павлович, 25 лет, учитель физкультуры, уволен три месяца назад. Секретарь приписал: «Не поладил с Храбровым». Помечен красным.

9. Еремеев Анатолий Андреевич, 29 лет, учитель физики, работает восемь месяцев.

10. Ветров Олег Борисович, 27 лет, охранник, уволен полгода назад по собственному желанию. – Помечен красным.

Подумав, я отложил тех, кто больше в школе не работал: Петровского,

Митрофанова, Ветрова. Это не значило, что я исключал их из списка подозреваемых, просто ими следовало заняться отдельно, поскольку они уже не имели свободного доступа в школу в любое время. По крайней мере, в течение дня.

В фойе появился Димитров.

– О! – воскликнул он, увидев меня. – Я думал, ты уехал.

– Нет, я тут. Что там со скрипкой?

– Рассмотрел детально, как ты и просил. Полтавин все ворчал, что я отнимаю у него время. – Лейтенант усмехнулся.

– Переживет. Рассказывай.

– Ее действительно взяли из класса на третьем этаже, но когда – неизвестно. Она хранилась вместе с другими инструментами с начала июня. Учительница опознала ее, потому что на них на всех инвентаризационный номер. Убийца не стал его отклеивать, хотя не мог его не заметить.

– Это уточни у завхоза. Действительно ли скрипка школьная, а не принесенная...

– Думаешь, преступник наклеил бы поддельный инвентаризационный номер? Нет, тут все точно: учительница клянется, что это скрипка из школы. Она ее узнала.

– Ладно, если так, пускай. Что еще?

– Самое интересное. Все струны перерезаны, кроме одной.

– Это все?

Димитров пожал плечами:

– Вроде да. Не знаю, может, на ней есть тайные письмена, но это нам скажет только Полтавин. И то если додумается просветить ее ультрафиолетом, например. Попросить его?

– Попроси, почему нет. Значит, только одна целая струна?

– Угу. Кстати, похоже, убийца либо выкрал скрипку заранее, либо поднимался на третий этаж в день или ночь убийства.

– А что, Полтавин не сказал, когда умер Храбров?

– Он не уверен.

– Чего это?

– Из-за температуры воды.

– А что с ней?

– Слишком горячая. Он взял немного на экспертизу. Подозревает, что ее нагревали.

– В бассейне?

– Да.

- Каким образом?
- Там есть система. Для зимнего времени.
- И до какой температуры она может нагреть воду?
- До пятидесяти градусов по Цельсию.
- А сколько нужно для этого времени?

Димитров пожал плечами.

- Думаю, много.
- Выясни.
- Как?

– Спроси у физкультурницы. Если она не знает, нагрей воду.

У лейтенанта глаза вылезли на лоб:

– С ума сошел?!

– Короче, – я сложил бумаги и положил в карман, – выясни это как-нибудь. А зачем брать воду на экспертизу? По-моему, температуру и так можно определить.

– Полтавин нашел в ней какие-то волокна, вот и решил проверить.

– Да? Это может быть частью послания. Надо чтобы он провел анализ как можно быстрее.

– Я передам.

Димитров ушел, а я отправился на третий этаж поговорить с учительницей музыки, из кабинета которой пропала скрипка. Она была у себя и пила кофе. При моем появлении слегка вздрогнула.

– Я из полиции, – предупредил я, улыбнувшись. – Можно с вами поговорить?

– Меня уже допрашивали, – проговорила она, тараща глаза. Волосы у нее были мышинового цвета, заплетенные в какую-то странную косу и замотанные на затылке в пучок, из которого торчали белые пластиковые заколки, напоминавшие вязальные спицы. У моей бабушки были такие, лежали в ящике платяного шкафа. Она никогда ими не пользовалась, предпочитала более тонкие стальные.

– Я только хотел узнать, не обнаружили ли вы следов взлома сегодня или раньше? Может, замок заедал или что-нибудь в этом роде?

– Нет, все нормально. Послушайте, я не знаю, когда пропала скрипка, я это уже говорила вашему коллеге! – Учительница поднесла чашку к губам, и я услышал, как ее край звякнул о передние зубы.

– Понимаю, – кивнул я и скрылся за дверью.

Очевидно, ключ от ее кабинета убийца взял в школе: они есть в учительской (я там видел стенд возле стойки с классными журналами) и в канцелярии.

Я спустился на первый этаж и подошел к охраннику.

Гурин выглядел кислым и каким-то нездоровым. Похоже, вся эта беготня выводила его из себя.

– Где ключ от канцелярии? – спросил я.

– У секретаря, ясное дело, – буркнул он, отводя глаза.

– А если он не у секретаря?

– Тогда здесь, в верхнем ящике. – Охранник ткнул пальцем в стол, за которым сидел.

– То есть его может взять каждый? Если вас, например, нет на месте.

– Я всегда тут.

– Но в туалет-то вы ходите? Или...

– Ладно, вы правы, – нехотя признал Гурин. – Иногда я отлучаюсь на несколько минут. Да, ключ может взять каждый, кто знает, что он там.

– А кто в курсе?

Гурин усмехнулся:

– Да, в общем-то, все. Разве шило в мешке утаишь?

– Так я и думал.

– А зачем вам все это знать?

– Надо.

Охранник мне не нравился. Он был какой-то несимпатичный. Но это не значило, что он имеет отношение к убийствам, конечно.

Я направился в танцевальный зал. Однако, открыв дверь, увидел не Аню, а молодого парня, коротко стриженного, в больших очках с пластмассовой оправой, делавших его похожим на черепаху. При моем появлении он обернулся и подслеповато прищурился.

– Вы к Анне Вячеславовне? – спросил он. – Она будет через пару минут.

– Она здесь?

– Да, в раздевалке. Можете подождать. – Парень указал на стул.

– Спасибо. А вы кто?

– Я?

– Да.

– Какое это имеет значение?

– Вы работаете в этой школе? Если да, то мне кажется, нам стоит познакомиться. Возможно, у меня к вам даже будет несколько вопросов.

– А-а, вы из полиции. – Парень понимающе кивнул. – Меня зовут Григорий Евгеньевич Силин, я учитель информатики.

«Один из списка!» – промелькнуло у меня в голове. Что ж, вполне удачно.

– Как вы устроились сюда на работу? – поинтересовался я словно для поддержания разговора. – Неужели хотели стать учителем?

– Не особенно. Думаю, через годик я перейду в какую-нибудь фирму сисадмином.

– Честно.

– А чего скрывать?

– Директор знает о ваших планах?

– Пока нет. Но я поставлю его в известность за две недели, как полагается. Свинью никому подкладывать не собираюсь.

– Простите за нескромный вопрос, Григорий Евгеньевич, вы один живете?

– С родителями. А что?

В этот момент появилась Аня. Она была в синих джинсах, кроссовках и красной майке. Через плечо висела сумка – она явно собиралась домой.

– Уже уходите? – спросил я, вставая.

– Да, а что? У вас какое-то дело?

– Хотелось бы обсудить... – Я показал глазами на информатика так, чтобы он не заметил.

– Ну, пойдете, – поняла меня Аня. – Гриша, до послезавтра.

Мы вышли из зала втроем, девушка заперла дверь.

Силин потащился наверх, я и Аня направились в фойе. Ключ она оставила вахтеру. От меня не укрылось, что информатик проводил девушку плотоядным взглядом. Вернее, ее обтянутую джинсами попку.

– Ну, разгадали послание? – спросила Аня, едва мы выбрались на улицу.

– Нет, поэтому и пришел к вам.

– Только поэтому?

– В частности.

– Ладно, выкладывайте. Сядем здесь. – Аня указала на скамейку под тополями.

Воздух был влажным, наполненным озоном. Пахло листвой и сырой землей. По дорожке суетливо прохаживались голуби, воркуя и стараясь обогнать друг друга.

– Тело Храброва обнаружили в бассейне, – сказал я. – У него не было лица, как и у предыдущих жертв, на груди выжжен номер «два». А рядом в воде мы нашли скрипку, украденную из музыкального класса вашей школы. На ней перерезаны все струны, кроме одной. – Я развел руками. – Понимаю, что негусто, но это все.

– Скрипка с одной струной? – переспросила Аня.

– Именно.

– Ну, это кажется довольно простым посланием.

– Да ладно? И каким же?

– Игрой на одной струне скрипки прославился Николо Паганини. Это всем известно.

– Поверьте, не всем, – ответил я.

Аня усмехнулась.

– Я хотела сказать, здесь, в нашей школе. Странно, что никто вам еще не рассказал об этом.

– Я не очень распространялся о подробностях дела.

– Но мне вы доверяете?

– Похоже на то.

Девушка чуть улыбнулась, заглянув мне в глаза:

– Почему?

– Даже не знаю.

– Я не похожа на убийцу?

Вопрос был наивным, а девушка – чертовски милой.

– Почти никто не похож, – сказал я честно.

– Тогда в чем дело?

– Считайте это интуицией.

– Она вас что, никогда не подводила?

– Много раз.

Девушка рассмеялась:

– Но вы не отчаиваетесь?

– Как видите.

Аня помолчала, внимательно меня изучая. В какой-то момент мне показалось, что она хотела бы прочитать мои мысли.

– Ладно, давайте вернемся к скрипке.

– Может, перейдем на «ты»? – предложил я, повинувшись внезапному порыву. – И называйте меня Валерой.

Аня кивнула:

– Хорошо. Итак... Валера, у Паганини была целая коллекция скрипок. Среди них инструменты работы Страдивари и Гварнери. Свою любимую он завещал городу, чтобы никто больше не играл на ней. Ее прозвали «Вдовой Паганини». Такие дела.

– И что нам это дает? – спросил я. – Помимо очевидных Николай-Николаев-Николаева?

– Не знаю. – Аня пожала плечами. – А больше никаких подсказок нет?

– Увы. Либо отсутствуют, либо мы их не нашли.

– У нас в школе есть Николаева Татьяна Михайловна, учительница ОБЖ, но она пришла в школу недавно, всего год назад, и, по-моему, собирается увольняться.

– Почему?

– Не знаю. Наверное, нашла другую работу.

– Мне кажется, убийца приложил столько усилий и изобретательности не ради имени «Николай».

– Думаешь, он хотел, чтобы мы догадались, что речь идет о Паганини?

– Похоже на то.

Мы помолчали. Мимо прокатили два велосипедиста – парень и девушка. Шины мягко прошуршали по гравию.

– А ты заметил, что все подсказки, которые оставляет убийца, имеют отношение к музыке или чему-то в этом же роде? – спросила Аня. – Словом, к искусству.

Я кивнул:

– Да, это очевидно. Только толку с этого?

– Сужает круг подозреваемых.

Я невольно усмехнулся:

– До работающих в вашей школе!

– Ну да, тут любой знает такие вещи, – согласилась Аня. – Во всяком случае, могу сразу сказать, что Паганкиных у нас нет.

– Надо попробовать перевести фамилию Паганини, – сказал я. – Как мы сделали тогда с Тибальдом.

– Паганини? – В Анином голосе прозвучало откровенное сомнение. – Мне кажется, это слово не переводится.

– И все-таки попробуем.

– Опять к Вале пойдем?

– Нет, не хочу всех посвящать в ход расследования.

– Он же выйдет в коридор, как в тот раз.

– Ну и что? Может, у него сохраняются просмотренные страницы в журнале браузера.

– Вот ему заняться нечем – проверять, что мы делали на компе! – фыркнула Аня.

На самом деле мне хотелось придать нашему общению более неформальную и романтическую обстановку.

Я подумал, что опасность, ореолом которой окружены все эти убийства, должна сыграть мне на руку. Ну, и кроме того, хотелось есть. В конце концов, расследование расследованием, а личную жизнь надо когда-нибудь устраивать. Вот и мать, когда звонит, каждый раз интересуется,

долго ли ей ждать внуков. Об этом последнем я подумал, конечно, с иронией. Заводить детей я не торопился. Никогда не считал это самоцелью. Рожать просто потому, что время подошло, всегда казалось мне дикостью. Предпочитаю найти человека, с которым захочется встретить старость, и тогда уж можно подарить обществу нового члена. Так я считаю, как бы банально это ни звучало. Впрочем, общеизвестные истины – самые верные, разве нет?

– Аня, давай перекусим где-нибудь неподалеку и заодно все обсудим, – предложил я самым невинным голосом, который мог бы обмануть разве что институтку-девственницу. Ну, или слабоумную монашку.

– Я знаю кафе в пяти минутах, – ответила девушка, вставая со скамейки.

– Отлично. Тогда пройдем пешком.

Заведение оказалось уютным и небольшим, обставленным в стиле украинского кабачка. Открылось оно, похоже, недавно, потому что от стен еще пахло сосной и лаком. Мы заказали курицу гриль с рисом и соевым соусом и по бокалу темного пива.

– Может, Паганини прославился чем-то еще? – проговорил я, пока мы ждали еду.

– Например?

– Не знаю. Что-нибудь связанное с огнем или водой? Чтобы хоть как-то связать его с почерком убийцы.

– Насколько я помню, Паганини обвиняли в сговоре с Дьяволом, – поразмыслив, сказала Аня. – Его даже сделали изгнанником в собственной стране.

– Из-за чего?

– Слишком хорошо играл. На одной струне, например. Это же поразительно!

Я кивнул.

Конечно, были времена, когда людям было проще поверить в чудеса или сатанинские козни, чем в человеческий гений. Если бы я трудился на ниве правосудия в Средние века, моя работа была бы куда проще. Знай себе читай доносы, пытай да подбрасывай дровишек в костер. Во имя правды, Господа и всех святых угодников!

– А при чем тут огонь и вода? – спросил я.

Аня пожала плечами:

– Ну, не знаю. Сатана же в аду обитает. А там геенна огненная и все такое.

– Слишком натянуто. Только не обижайся, пожалуйста.

– Да нет, я согласна. Но больше ничего в голову не приходит. А может, нужно поработать с именами мастеров, которые делали скрипки Паганини?

– А кто там был, напomini.

– Антонио Страдивари и Андреа Гварнери.

– Антон и Андрей, получается. А если перевести фамилии? Хотя вряд ли это возможно.

Аня достала мобильник.

– Сейчас посмотрю в Интернете, – сказала она. – Может, что-нибудь и получится. Ага, вот. Слушай, – проговорила она спустя пять минут. – «Guarner» немного похоже на английский глагол «запасать» или существительное «амбар». Правда, они пишутся без буквы «и». И я не припоминаю у нас в школе никого с фамилиями вроде Запасов или Амбаров.

В это время принесли наш заказ, и нам пришлось ненадолго прерваться.

– Ну, а Страдивари? – спросил я, когда официант ушел. – С ним можно что-нибудь сделать?

– Уже нет! – усмехнулась Аня. – Он давно умер.

– Ты понимаешь, что я имею в виду.

– Конечно. Это я так, извини. Сейчас посмотрю.

Пока Аня искала в Интернете перевод, я потягивал пиво, украдкой наблюдая за девушкой. Она была действительно очень привлекательной, и я прикидывал, как бы продолжить наше знакомство после того, как я закончу это проклятое дело и покину комнатку в Пушкинском отделе полиции.

Аня прервала мои мысли:

– Валер, смотри, что вышло: «strady» переводится как металлургия или организация, причем с французского. А «vary» – это варьироваться, зависеть.

– И как у вас в школе обстоят дела с фамилиями такого рода? – поинтересовался я без особой надежды.

– Сейчас пытаюсь вспомнить, нет ли кого-нибудь вроде Золотарева или Железкина, но ничего на ум не приходит.

– Ладно, похоже, это тупик. Давай поедим.

Некоторое время мы болтали, пили и обменивались шутками. Готов поспорить, у нас возник отличный контакт. Аня расслабилась, и мы общались, словно были знакомы сто лет.

Курица была отменная, с легким чесночным привкусом и хрустящей, но не пережаренной корочкой. В сочетании с рисом, приправленным

соевым соусом, соленым и маслянистым, она прошла просто на ура. Мы запивали жирную пищу темным «Tuborg», приятно пощипывавшим язык, и мне показалось на некоторое время, что Пушкин с разгуливающим по нему убийцей-каннибалом отодвинулся куда-то в параллельную вселенную, скрылся за пределами кафе, растворился в нашем разговоре, взглядах и улыбках.

Но в конце концов пришло время звать официанта и просить принести счет. Пока он ходил, я выпил таблетку мезима.

– Что это? – поинтересовалась девушка. – Витамины?

– Нет, желудочное, – признался я. – У меня, похоже, гастрит.

– Ясно.

– Надо будет сходить к врачу, как только я закончу это дело с убийствами.

– Жаль, что мы так ни до чего и не додумались, – вздохнула Аня. – Мне бы очень хотелось помочь.

– Ты сделала, что могла, – заверил я ее искренне.

– Ну, ладно. Спасибо, что составил компанию. Может, еще увидимся.

– Я в этом уверен.

Девушка улыбнулась.

– Завтра у меня выходной.

– А я работаю.

– Просто, если тебе снова понадобится помощь... – Аня пожалала плечами и снова улыбнулась.

– Я буду иметь тебя в виду, – пообещал я.

– Ну, хорошо. Я поеду, а то... дел много.

– Конечно. Спасибо, что потратила время.

– Не за что. Если мне вдруг что-нибудь придет в голову я могу позвонить.

– Обязательно. Запиши мой телефон.

Девушка достала мобильник, и я продиктовал ей свой номер.

– Обещать, конечно, не обещаю, – сказала она. – Но подумаю о том, что может означать эта чертова скрипка.

– Отлично, – кивнул я.

Почему-то я был уверен, что она позвонит в любом случае. Ну, или не будет против, если я ей позвоню.

– Хотя, по-моему, Паганини – тожедохлый номер, – добавила девушка. – Наверное, дело в самом инструменте. Поищи что-нибудь о скрипках. Может, у Паганини была какая-нибудь особенная, и с ней связана легенда или что-то в этом роде.

– Проверю и эту версию, – пообещал я, хотя считал иначе.

Я расплатился с подошедшим официантом, проводил Аню до маршрутки и, когда она уехала, вернулся в школу.

Димитров встретил меня на крыльце, куда вышел покурить.

– Ты что тут делаешь? – спросил я.

– Дышу свежим воздухом. Что там с посланием? Уже расшифровал что-нибудь?

– Какое! – Я махнул рукой. – Ничего не клеится.

– Плохо! – вздохнул, выпуская дым через ноздри, Димитров.

– Может, он уже убивает следующую жертву. Этот парень работает, как мясник на заводе. Не покладая рук.

– Да уж, это точно. В скорости ему не откажешь. Меня только вот что удивляет.

– Ну?

Димитров выбросил окурок в урну у крыльца.

– Он несколько не скрывает того, что имеет отношение к школе. Чего стоит хотя бы эта скрипка! Почему было не спереть ее где-нибудь еще и просто бросить в бассейн?

– Хочешь сказать, он специально наводит нас на мысль, что работает здесь?

Лейтенант пожал плечами:

– А тебе так не кажется?

– Я думаю, это часть плана. Но, может, ты и прав.

– Если да, то убийца почти наверняка не имеет к школе никакого отношения. Возможно, он даже попытается подбросить улики кому-нибудь из учителей.

– Надо выяснить, как жил Храбров. И что связывало его с другими жертвами, кроме общей работы.

– Мы проведем у него в квартире обыск. Полтавин обещал завтра утром предоставить отчет.

– А скрипку?

– Зачем она тебе? Я же сказал про струны. Больше ничего особенного в ней нет.

– Принеси ее в отдел, как только Полтавин отдаст.

Димитров усмехнулся:

– А ты упертый!

– Мы договорились?

Он кивнул.

– Конечно, Валера. Ты же у нас главный.

– И вот еще что. – Я протянул ему список учителей, полученный от Жульина. – Хотел сам заняться, но некогда. Проверь документы этих товарищей. И тщательно.

– Зачем? – Димитров принялся с любопытством разглядывать фамилии. – По какому принципу ты их отобрал?

– Это те, кто работал в школе последние два года.

– И что? При чем тут это?

Мне не хотелось говорить, что я никак не могу расстаться с версией о том, что пожар тринадцатилетней давности связан с теперешними убийствами. Вряд ли Димитрова впечатлит тирада о профессиональной интуиции.

– Рома, просто сделай это, ладно?

Тот пожал плечами:

– Ну, хорошо.

– Выясни также, кто из них с кем живет.

– Будет сделано.

Я поехал в отдел. Нужно было сосредоточиться и пораскинуть мозгами: убийца, возможно, уже подбирается к следующей жертве. Сколько у меня в запасе? Час, полдня, сутки? Предыдущий опыт показывал, что времени может и не быть вовсе. Сейчас, когда я расстался с Аней, все мои мысли снова завертелись вокруг дела.

Припарковавшись, я прошел прямо в кабинет Димитрова. Включил компьютер и открыл интернет-браузер.

Преступник сидел где-то в своем логове и сочинял головоломки для полиции. Он хотел обставить убийства как ритуал и для этого оставлял подсказки, зная, что мы едва ли сумеем найти решение вовремя. Возможно, это подстегивало его, добавляло адреналина.

Я представил, как он поедает нарезанные кусками лица. Запихивает себе в рот и медленно пережевывает, смакуя и упиваясь безнаказанностью.

Готовит ли он их или употребляет сырыми? Образ убийцы был расплывчатым, словно некая зловещая тень нависала над столом, уставленным тарелками. Почему-то я был уверен, что он жарит лица своих жертв: должно быть, из-за того, что он обставлял все с использованием огня. Пламя сыграло в его жизни важную роль – как и вода.

Я вспомнил портрет на фотографиях Юры Барыкина. Его тело опознали по часам и медальону. Мог ли он инсценировать свою смерть, чтобы беспрепятственно осуществить месть?

Я вынужден был напомнить себе, что ни Короб, ни Аня не опознали на снимках учителя из своей школы. Барыкин не устраивался туда, но он мог

кружить где-то поблизости, выслеживая тех, кто как-то оказался виновен в том, что с ним случилось тринадцать лет назад.

И все же складывалось впечатление, что убийца знает школу слишком хорошо, чтобы быть человеком со стороны, пусть даже бывшим учеником. За такое время могло измениться очень многое, а память несовершенна.

Но сейчас требовалось сосредоточиться на расшифровке очередного послания.

Я ввел в поисковик: «Паганини, перевод» и приготовился ждать. Однако ссылки выпали практически сразу. Просмотрев несколько, я понял, что это бесполезно. Фамилия великого скрипача никак не переводилась.

Мне пришло в голову, что, возможно, ее следует разложить на части, хотя я был уверен, что преступник не стал бы повторяться. Я попробовал разные варианты, но ничего вразумительного не получилось.

Наконец компьютер выдал перевод части «paɡan» – «язычник, неверующий, атеист». Несколько неожиданно, но, может быть, это и есть подсказка?

Я позвонил в секретариат школы, трубку поднял Жульин.

– Алло, это старший лейтенант Самсонов. Опять.

– Что случилось на этот раз? – поинтересовался секретарь.

– Работает ли в школе человек с фамилией типа Языков, Язычков, Неверующий, Неверящий. Ну, или что-то в этом роде. Женские фамилии тоже учитываются.

– Слушайте, может, я вам по факсу перешлю список работников школы?

– Это было бы идеально.

– Давайте номер.

Я продиктовал цифры, записанные на аппарате Димитрова.

– Хорошо, – сказал Жульин. – Минут через пять-десять ждите.

Я повесил трубку и подошел к окну.

Снова собирался дождь. Небо приобретало серый цвет, хотя кое-где еще виднелись лазоревые клочки. Я с детства терпеть не мог такую погоду: ни то ни се!

Отец говорил, что мне придется в жизни тяжело, потому что я делю мир на черное и белое, не желаю замечать оттенков. Что ж, я вырос и понял, что вокруг все серое. Но, так или иначе, рядом с нами всегда существует зло, и кто-то должен ему противостоять. Я не из тех, кто подставляет другую щеку.

«Добро должно быть с кулаками» – это мой девиз, и я следую ему вот уже сколько лет.

Я открыл одну створку окна, и в кабинет потянуло свежестью. Зазвонил стационарный телефон. Я поднял трубку.

– Алло?

– Валера, ты? – звонил Димитров.

– Да, слушаю.

– Мы выяснили, за какое время нагревается бассейн. За два часа пятнадцать минут. Кроме того, Полтавин подсчитал, за сколько она могла остыть до той температуры, которая была в бассейне, когда он приехал.

– Он и это замерил? – удивился я.

– Как только обратил внимание, что вода слишком теплая. В общем, получается, что убийца включил нагреватель около семи утра. Плюс-минус полчаса.

– Значит, после этого преступник мог уйти, а мог оставаться в спортзале какое-то время.

Димитров кашлянул.

– Он мог уйти, но не через черный ход, – сказал он.

Я понял, что лейтенант имеет в виду.

– Да, если это один из тех, кто работает в школе. Взять у Храброва ключи, открыть черный ход, затащить тело или еще живую жертву, обставить ритуал, выйти в коридор, запереть спортзал снаружи, отнести ключи в учительскую или канцелярию... Нет, так не получается! Обнаружился бы лишний комплект ключей.

– Все правильно, – проговорил Димитров. – Поэтому убийца мог взять ключи от двери, ведущей в спортзал из коридора, в канцелярии. И туда же вернуть утром.

– Логично, – согласился я. – А что со скрипкой и анализом воды?

– С анализом очень интересно. Оказалось, что эти волокна на самом деле трава.

– В смысле?

– В прямом. В бассейн кто-то бросил пучок травы.

– А что за трава?

– Это еще интереснее. Полтавин утверждает, что привозил такую домой прошлым летом из Египта. Это местный сувенир, называется «Каф Марьям», по-нашему – «Рука Марии». Если эту сухую на вид травку положить в воду, через пару дней она расцветает голубыми цветочками. Считается, что «Каф Марьям» приносит удачу – так сказал Полтавин. Правда, Храброву малость не повезло, но, может, убийца хотел, чтобы удача была на его стороне.

– Рука Марии, – повторил я, пропуская последнюю фразу Димитрова

мимо ушей. – Слушай, мне надо кое-что проверить, а потом я тебе, скорее всего, перезвоню. Найди пока парочку оперов, и будьте наготове.

– Серьезно? Что-то проклюнулось? – Лейтенант оживился, но мне не хотелось его обнадеживать: я и так уже однажды неправильно расшифровал послание.

– Полчаса, – сказал я, бросая трубку.

Факс от Жульина пришел, пока я ходил в туалет.

Я выдернул листок из аппарата и принялся читать список учителей. Ничего похожего на Марию Языкову, Язычкову, Язычкину или Неверующую. Я даже проверил, нет ли среди работников школы Фомина или Фоминой – на случай, если убийца намекал на Фому Неверующего. Бесплезно! Человека, который должен был стать следующей жертвой, в факсе не было.

Я снова позвонил Жульину.

– Ну как, вам помог мой список? – спросил тот, едва я представился.

– Нет. Мне нужно знать, не работала ли в школе раньше, лет тринадцать назад, Мария Языкова, Язычкина, Фомина или Неверующая.

– Я посмотрю. Это срочно?

– Еще как!

– Хорошо, сейчас прямо и займусь.

Он позвонил мне через четверть часа.

– Никакая Мария в школе не работала, зато был у нас, оказывается, завхоз по фамилии Языков. Уволен тринадцать лет назад. Написано, что по собственному желанию.

Неужели?! Можно ли считать это удачей?

– Пришлите мне все данные на него, – попросил я.

– Хорошо, подождите.

Факс пришел через десять минут.

Я оторвал ленту, выписал адрес и номер телефона, сложил листок и сунул в карман.

Выяснить, какую роль сыграл завхоз в пожаре, случившемся тринадцать лет назад, было некогда, тем более об этом и так можно было догадаться: возгорание произошло из-за того, что вовремя не была заменена проводка в школе. Было ли это виной Языкова или чьей-либо еще, убийца вполне мог считать, что причиной всему – бывший завхоз.

Я позвонил Димитрову.

– Ты готов?

– В смысле?

– Нашел людей, как я просил?

– А, да. Что, уже пора?

– Да, записывай адрес, встретимся там. Возможную жертву зовут Языков Николай Петрович. Подходит и по имени, и по фамилии.

Я продиктовал Димитрову адрес.

– Кто он такой? – спросил тот.

– Работал завхозом в школе. Правда, давно.

– С чего ты взял, что это он? По-моему, Языков никакого отношения к Паганини не имеет.

Пришлось объяснить, как я расшифровал послание.

– Хм. Запутанно как-то, – неуверенно проговорил лейтенант. – Да и натянута.

– Все равно больше никто не подходит.

– Ладно, мы выезжаем. Ты скоро будешь?

– Я уже иду к машине. – Я действительно вышел из отдела и направился к своему «Олдсмобилю».

– Тебе, кстати, еще нужна скрипка? Звонил Полтавин, сказал, что он с ней закончил и инструмент можно забрать.

– Потом заберешь. Сейчас важнее всего добраться до Языкова раньше убийцы.

– Если на этот раз ты не ошибся, – напомнил Димитров. – Извини, но такое уже было.

– Знаю. – Я сел в машину и завел мотор. – Встретимся у него.

– Хорошо.

Я добрался до дома Языкова за тридцать пять минут.

Причем это действительно оказался дом – за чугунной оградой, двухэтажный кирпичный особнячок в элитном поселке, где повсюду натканы камеры и домики охранников, а на воротах – домофон и электронный замок.

Димитров и опера уже прибыли – их машины стояли возле клумб с алыми гвоздиками. Сам лейтенант курил, присев на капот своего «Фольксвагена».

– Что? – спросил я, подходя. Меня охватили самые плохие предчувствия. – Опоздали?!

– Не то слово, – отозвался Димитров мрачно. – Лет на шесть.

– В каком смысле?

Лейтенант выпустил струю дыма и сплюнул на фигурную плитку.

– Помер твой Языков шесть лет назад. Заметь, сам, безо всякой помощи со стороны. Язва у него открылась на третье января, через час от внутреннего кровотечения загнулся. Только до больницы успели довезти.

Я окинул растерянным взглядом дом, из трубы которого струился белый дым. Тяжелые решетки на окнах, гараж с правой стороны.

– А кто здесь тогда живет?

– Его вдова и двое детей. Этот особняк он успел отгрохать еще до смерти. Видимо, неплохо заработал, пока был завхозом, – усмехнулся Димитров. – Да и потом.

– А после того, как его уволили из школы, где он работал?

– В строительной фирме. Слушай, какая разница? – Димитров затушил окурок в клумбе и открыл дверь «Фольксвагена». – Он уже умер. Ты опять ошибся, Валера. Нам тут нечего делать.

– А где опера?

– Пошли в сортир. Сейчас вернутся, и поедem в отдел. Мне еще за скрипкой тащиться, между прочим.

– Подожди, мы еще никуда не уезжаем.

– Почему это? – Димитров замер.

– Ты сказал, что здесь живет вдова Языкова, так?

– Ну, да.

– Как ее зовут? Часом, не Мария?

– Мария Семеновна, да. Как ты догадался?

– Значит, следующая жертва – она!

– Да объясни ты толком! – не выдержал лейтенант. – Я ничего не понимаю! С какого перепуга она вдруг стала жертвой, если мы сюда летели спасать ее покойного муженька?

– Ты прав, я ошибся. Только совсем немного. Та трава, которую Полтавин нашел в бассейне, – «Рука Марии», указывает на имя, а «Паганини» – язычник – на фамилию. Получается Мария Языкова. К тому же любимую скрипку Паганини называли его вдовой, понимаешь?

– Нет, ну так, конечно, все сходится, – медленно проговорил Димитров, – только жена Языкова вряд ли имеет отношение к школе. Или, по-твоему, убийца решил пройтись по родственникам бывших сотрудников?

– Ну, во-первых, он может стремиться с ней рассчитаться за грехи мужа, а во-вторых, имеет ли она отношение к школе, как раз сейчас мы и будем выяснять. Так что пошли в дом. А своих архаровцев, когда проснутся, поставь так, чтобы им было видно всех, кто попытается проникнуть в дом. Пусть хватают любого и волокут ко мне.

Димитров тяжело вздохнул и нехотя поплелся за мной.

– Пока мы здесь, отправь одного из оперов со списком в отдел проверить документы, – сказал я по дороге. – Потом пусть возвращается.

Димитров усмехнулся:

– Чтобы знать, кого ждем?

– Может быть.

– Представляю, что сейчас будет.

– В смысле?

– Когда мы скажем вдове, что с нее хотят снять лицо. И сожрать его.

– Обойдемся без подробностей. Истерика нам тут не нужна. И пусть уберут машины со двора. – Я протянул Димитрову ключи от «Олдсмобила».

– Думаешь, убийца не наблюдает за домом?

– Надеюсь, что нет.

– Это было бы глупо с его стороны.

– Должен же он однажды проколоться.

Димитров усмехнулся:

– Не вижу причин. До сих пор он нас опережал.

– Но Языкова жива, а мы здесь, – возразил я.

– И это, по правде говоря, странно.

Мы поднялись на крыльцо, и лейтенант позвонил.

– Думаешь взять его на живца?

– Надеюсь.

– А Языкова согласится?

– А мы не будем спрашивать. Скажем, что просто будем ее охранять.

– Он не полезет сюда. Тут слишком хорошо все охраняется, да еще мы.

Наверняка заметит кого-нибудь постороннего.

– Во всяком случае, сохраним вдове жизнь.

Дверь открылась, и я увидел на пороге женщину лет шестидесяти в белом спортивном костюме и теннисных туфлях. В руке она держала ракетку.

– Снова вы? – Она удивленно взглянула на Димитрова.

– Старший лейтенант Самсонов, – проговорил я. – Вы хотите поиграть?

– Ну да. Ваши коллеги вроде собирались уходить. – В ее голосе были вопросительные интонации.

– Кое-что изменилось. Нам лучше поговорить об этом внутри.

– Ну, ладно, заходите.

– Найди оперов, – сказал я Димитрову. – Помнишь, что они должны делать?

– Помню, помню! – проворчал тот, выходя из холла налево.

– Простите, Мария Семеновна, но у меня для вас не очень приятные

новости, – сказал я, когда мы с Языковой остались вдвоем.

– Давайте пройдем в гостиную, – отозвалась та, показав себе за спину ракеткой. – Терпеть не могу что-то делать на ходу.

Волосы у нее были аккуратно пострижены и уложены, косметики было минимум, да и та не бросалась в глаза. Женщина со вкусом.

Мы двинулись через холл и оказались в большой восьмиугольной комнате, обшитой резными дубовыми панелями. На стенах висели картины в багетных рамах – морские пейзажи с кораблями и без, в спокойную погоду и в бурю. Возле венецианских окон стояли пальмы в керамических кадках с каким-то африканским узором.

Языкова села в ротанговое кресло, я расположился на диванчике.

– Курите, если хотите, – предложила хозяйка.

– Нет, спасибо. Я не курю.

– Ваше счастье. – Она коротко улыбнулась. – А я вот дымлю как паровоз. Так вы сказали, что хотите мне сообщить что-то неприятное.

– Да. Дело в том, что я расследую убийства учителей, работавших в школе, где ваш покойный супруг тринадцать лет назад был завхозом.

Языкова нахмурилась. Брови у нее были выщипаны и подведены перманентом.

– Это было так давно, – сказала она.

– Да, и тем не менее кто-то собирается с ним расквитаться.

Брови у женщины приподнялись, изогнувшись двумя домиками.

– Каким образом? Он же умер!

– В том-то и дело. Ваш муж умер, но ненависть к нему осталась. И некто... собирается потребовать долг с... – Я замолчал, не зная, как выразиться.

– С меня, что ли? – пришла мне на помощь Языкова.

– У нас есть основания считать, что да.

Женщина медленно положила ракетку на пол и подалась вперед, глядя мне прямо в глаза.

– Знаете, лейтенант, в таком случае мне бы очень хотелось знать, *какие* есть основания. Надеюсь, вы понимаете мое любопытство?

– Безусловно.

Я надеялся, что мы обойдемся без подробностей, но было ясно, что Языкова из тех людей, которые хотят во что бы то ни стало знать, что их ждет и почему. Мне придется убедить ее в том, что ей действительно грозит опасность, иначе она вполне может выставить нас на улицу.

– Позвольте, я начну сначала.

Языкова откинулась на спинку кресла.

– Хотите кофе? – предложила она. – Я так понимаю, мы все тут застряли надолго, так что почему бы не подкрепиться? Может, бутерброды?

– С удовольствием.

– Дайте мне пять минут. – Она поднялась и направилась к двери. – Надеюсь, меня не будут убивать прямо сейчас?

– Надеюсь, что нет.

Языкова вышла, а я остался в шикарной гостиной.

Здесь пахло апельсинами – они лежали в корзине на журнальном столике – и пионами – их красные и белые бутоны слегка покачивались за приоткрытым окном. На улице начался дождь: мелкие капли оседали на стекла. До меня донесся звук моторов – это опера убирала автомобили от ограды.

Языкова вернулась с подносом в руках.

– Черный или с молоком? – спросила она, расставляя на столике чашки и прочие приборы.

– Черный. Две ложки сахара.

Языкова придвинула мне мою чашку, сама села в кресло, достала пачку «Давидофф» и серебряную зажигалку.

– Я вас слушаю. Как и обещали – с самого начала.

– Предупреждаю, рассказ не самый приятный.

Языкова зажала сигарету крепкими белыми зубами (наверняка искусственными) и щелкнула зажигалкой.

– Ничего, я как-нибудь выдержу.

Через двадцать пять минут я закончил объяснять, почему мы оказались в ее доме. Особенный упор я сделал на послании убийцы, чтобы Языкова поняла, что действительно может лишиться лица.

Замолчав, я наблюдал за женщиной, которая успела выкурить за это время три сигареты и теперь дымила четвертой. Выражение лица у нее было мрачное и слегка растерянное: похоже, она не ожидала, что все окажется так серьезно.

– Значит, вы думаете, он придет сюда? – проговорила она наконец, поднимая на меня глаза.

– Предполагаю.

– То есть мне никуда нельзя выходить? Или вы будете сопровождать меня?

– Думаю, преступник попытается проникнуть в ваш дом в ближайшее время. До сих пор он делал между нападениями очень небольшие интервалы.

Языкова медленно покачала головой, затем затушила окурок о дно

пепельницы и встала.

– Вероятно, вы правы, хотя мне и не хочется в это верить, – проговорила она. – Я останусь здесь столько, сколько потребует. Но кто-то должен забрать моих дочерей из школы. – Языкова взглянула на часы. – Примерно через два часа.

– Я могу отправить кого-нибудь из оперативников.

– А преступнику не покажется странным, что я не сама забрала девочек, как делала раньше?

Она была права. Даже удивительно, что в такой ситуации она подумала об этом.

– Ведь понятно, что вы не только защитить меня хотите, – сказала Языкова, усмехнувшись, – но и взять убийцу. А я для вас вроде живца.

– Это не совсем так... – запротестовал я, но женщина прервала меня, резко вскинув руку.

– Я вас умоляю, старший лейтенант! Все ясно как день. Я согласна вам помочь. Но для того чтобы он пришел за мной, следует соблюдать достоверность, иначе мы его спугнем.

Я тоже поднялся. Теперь мы стояли друг напротив друга, разделял нас лишь журнальный столик.

– Вы очень мужественная женщина, – сказал я искренне. Не каждый согласился бы на такое, не говоря уж о том, чтобы самому предложить.

– Муж говорил мне то же самое. – Языкова улыбнулась одними губами. – Так как решим?

– Вы правы: будет лучше, если вы заберете девочек сами. Более того, мы можем сделать вид, что искали вашего мужа, считая, что следующей жертвой будет он. Мы уедем, а затем вернемся, но в дом входить не будем. Просто возьмем периметр под наблюдение.

Языкова кивнула.

– Но мне бы не хотелось, чтобы девочки находились здесь, когда все начнется, – сказала она. – Сами понимаете, их это коснуться не должно.

– У вас есть какие-нибудь родственники или знакомые, которые могли бы приютить их на ближайшее время?

Языкова минуту поразмыслила.

– Позвоню подруге, попрошу взять их на сегодня. А завтра посмотрим.

– Хорошо.

– Вы уедете сейчас?

– Думаю, так будет лучше всего. Но мы установим наблюдение за домом и за вами. Не беспокойтесь.

– Постараюсь, хотя обещать не могу. Перспектива потерять лицо,

знаете ли... не из приятных.

– Значит, договорились.

– Договорились. Я на вас надеюсь.

Я кивнул, не зная, что ответить. Если мы проколемся, я себе не прощу. Убийца либо откажется от намерения прикончить Языкову, либо рискнет, и тогда мы должны будем его взять.

– Обменяемся телефонами, чтобы держать прямую связь, – предложил я.

Языкова кивнула.

– Конечно, без проблем. Записывайте номер.

Затем я нашел Димитрова и оставшегося в доме опера и объяснил им план, после чего мы уехали из дома Языковой. Не знаю, наблюдал ли за нами убийца, но если да, то он должен был видеть, как особняк покинули все, кто приехал. Языкова осталась одна.

Я чувствовал нервозность: пружина закручивалась, и на этот раз мы принимали в процессе непосредственное участие. От работы полиции зависело многое – жизнь человека, которого мы могли спасти. Убийца проиграл нам ход, и мы вырвались вперед. Получится ли реализовать это преимущество, покажет будущее.

Димитров по телефону организовал наблюдение. С нами должны были поддерживать постоянную связь. В район постепенно под разными видами начали подтягиваться переодетые полицейские. Мы расположились в фургоне метрах в двухстах от дома Языковой. Вскоре она проехала мимо на черном «Джипе».

– За детьми отправилась, – прокомментировал, взглянув на часы, Димитров. – Почему-то мне кажется, убийца сегодня не появится. Он будет выжидать. Это последняя жертва, и торопиться ему некуда.

– Ему и до этого не было нужды убивать каждый день, – возразил я. – Никто его не заставляет оставлять нам подсказки. Нет, Рома, этот парень хочет соревноваться. Для него это гонка, и он стремится к победе любой ценой. Чем больше экстрима, тем лучше. Вот увидишь, он найдет способ подобраться к Языковой. Только мы должны его опередить.

– Лучше бы мы были в доме! – проворчал Димитров. – Это наблюдение только дает иллюзию, что держишь ситуацию под контролем, а на самом деле, если убийца проникнет в дом, мы ничего сделать не успеем.

– Вот поэтому он не должен туда проникнуть.

Мы ждали. Время тянулось мучительно медленно. Я часто поглядывал на часы, хотя прекрасно понимал, что это бессмысленно.

Через двадцать минут опер, дежуривший на передатчике, проговорил:

– Поступило сообщение из пункта четыре.

Пункт четыре находился возле школы, где учились дети Языковой.

– И что? – спросил я. – Она их забрала?

– Одну – да. Сели в машину, отъехали.

– Почему одну?

– Не знаю.

– Позвони Языковой, – кивнул я Димитрову. – Выясни, что случилось.

– Сейчас.

Лейтенант набрал номер вдовы.

– Алло, это Димитров. Мария Семеновна, почему вы забрали только одного ребенка? Как? Да, мы проверим. Конечно. Отвезите девочку подруге, как и планировалось, потом позвоните мне.

Он отключился и громко выругался.

– В чем дело? – спросил я, чувствуя, что наш план летит к чертям.

– Вторая девочка пропала! Языкова не смогла найти ее в школе. Подруги сказали, что не видели ее в течение последних двадцати минут, они думали, что она уже уехала. Сестра тоже не знает, куда она делась.

– Похищена? – высказал я предположение, которое напрашивалось.

– Может быть, – нехотя проговорил Димитров. – Но Языковой никаких требований не поступало.

Я пытался вспомнить, было ли в послании убийцы хоть что-нибудь указывающее на дочку Языковой, но не мог. Я ошибся или преступник нас перехитрил?

– Он наверняка позвонит Языковой и потребует, чтобы она с ним встретилась. Причем так, чтобы мы этого не знали.

– Она пойдет на это? – усомнился Димитров.

– Ради ребенка? Наверняка.

Проклятье! Это чудовище не останавливается ни перед чем.

Какую же ненависть нужно испытывать, чтобы быть готовым уничтожить не только вдову того, кто причинил тебе боль, но и его ребенка? Сколько я ни работал в убойном, а потом серийном отделе, сколько ни повидал бессмысленной жестокости, а привыкнуть к тому, что одно человеческое существо истязает другое, так и не смог!

– Я позвоню ей и предупрежу, чтобы она в любом случае связалась с нами и сообщила, чего от нее хочет преступник, – предложил Димитров.

– Давай. Хуже не будет. И самую строгую слежку за ней установи. Если она куда-нибудь поедет, кроме дома, или перестанет отвечать на звонки, значит, убийца вошел с ней в контакт.

Димитров кивнул и достал телефон. Почти минуту он слушал гудки,

затем снова набрал номер.

– Не отвечает! – констатировал он наконец. – Похоже, убийца уже позвонил ей!

– Куда она едет? – Я повернулся к оперу. – Пусть докладывают постоянно.

– Где объект? – требовательно проговорил в микрофон оперативник. – Прием!

Прошло секунд двадцать, прежде чем он сказал:

– Женщина в «Джипе» припарковалась возле дома, который указан как пункт шесть.

– Это она девочку к подруге привезла, – пробормотал Димитров. – Пока все по плану. Почему же не отвечает на звонки?

– Женщина и ребенок вошли в дом, – сообщил опер.

После этого пришлось подождать почти десять минут. Наконец опер проговорил:

– Объект вышел из здания, сел в машину.

Пауза.

– Направляется на юг.

– Это в противоположной стороне от ее дома! – Димитров подскочил, едва не треснувшись головой о потолок фургона. – Она едет на встречу с убийцей!

– Держать под наблюдением, – велел я. – Не терять! Она приведет нас к нему.

– Если он это допустит, – заметил лейтенант. – Я думаю, он поводит ее по городу, чтобы убедиться, что полиция у нее на хвосте.

– Ему все равно нужно ее убить. Он попытается выиграть время. Не знаю как, но он уже наверняка придумал, как ей оторваться от нас. Мы не должны этого допустить.

В этот миг у меня зазвонил телефон. На экране высветилось «Аня». Я сразу ответил:

– Алло?

– Привет, Валера.

– Привет. – Интересно, почему она звонит. Неужели ей пришло в голову что-то связанное с расшифровкой?

– Я получила твой букет, – сказала Аня. Было слышно, что она улыбается.

Я насторожился.

– Какой букет?

– Да ладно, не прикидывайся. Мне очень приятно, честно.

– Аня, серьезно, что за букет?

Пауза.

– Так это не ты? – В голосе слышно плохо скрытое разочарование.

Я невольно почувствовал укол ревности. Похоже, у учительницы танцев есть еще поклонник.

– Объект выезжает на Оранжевую улицу, – проговорил опер.

Мне хотелось бы продолжить разговор с Аней и выяснить, кто отправляет ей букеты, но сейчас было не до этого.

– Аня, извини, но я ничего тебе не посылал, – сказал я. – Не до того было.

– Понятно. – Холодок в голосе. – Ладно, извини, что отвлекаю.

Объяснить бы ей, что дело не в том, что она мне не нравится (как раз наоборот), – просто сейчас мне действительно некогда решать личные вопросы.

– Объект остановился у магазина, выходит из машины, – сообщил опер. – Он внутри, пропал из виду.

– А что за цветы? – спросил я вдруг, сам не зная зачем.

– Какая разница? Голубые такие, мелкие. Очень симпатичные.

Что-то мелькнуло в моей голове, но я не сразу сообразил, что именно.

– Подожди, не отключайся! – попросил я, концентрируясь на каком-то воспоминании. Почему-то выяснить этот вопрос показалось мне крайне важным. – Опиши мне цветы.

– Зачем? Слушай, это точно не ты? Может это такой прикол?

– Нет, это не я. Мелкие и голубые, говоришь... А в чем они были?

– Ну, вообще, упаковка довольно необычная. Букет был в вазе.

– С водой?

– Да. А что?

Я сжал телефон так, что панели затрещали.

– Аня, слушай меня очень внимательно! Запри дверь, закрой окна, задерни шторы и никуда не выходи. И не открывай никому, даже знакомым. *Особенно знакомым!*

– Валер, ты чего?! – Голос у девушки стал испуганным.

– Поверь, так надо. Я сейчас... пришлю кого-нибудь. Из полиции. Они не будут к тебе подниматься, просто подежурят у квартиры.

– Да что происходит, в конце концов?! Ты меня пугаешь!

– Аня! – Я понизил голос. – Эти цветы называются «Каф Марьям», точно такие же убийца бросил в бассейн, где нашли Храброва!

Димитров бросил на меня удивленный взгляд.

– Все, я не могу больше разговаривать! – бросил я в трубку. – Просто

жди, ладно?

– Хорошо! – Теперь в Анином голосе слышался страх.

Я отключился.

По спине пробежали мурашки. В голове возник образ стервятника, нарезающего круги над издыхающей посреди пустыни жертвы. Убийца атаковал с разных сторон, заставляя нас бросаться то туда, то сюда, путал следы, маскируя место нанесения следующего удара.

– Рома, учительнице танцев прислали букет из таких же цветов, которые Полтавин нашел в бассейне! – объяснил я ситуацию Димитрову.

– И что делать? – Вид у лейтенанта стал растерянным. – Мы ж не можем разорваться! Я и так почти всех задействовал в этой операции! Сколько, по-твоему, у нас в Пушкине личного состава?

– Думаю, это просто отвлекающий маневр, – сказал я. – Убийца хочет, чтобы мы отправили часть людей на Красноселку.

– Уверен?

– Нет. Ладно, пошли к ней кого-нибудь, пусть подежурит.

– Одного?

– Одного.

– Давай адрес.

Через пять минут Димитров снял одного опера с пункта наблюдения, который Языкова уже миновала, и отправил к Аниному дому.

Я сидел как на иголках. Мне хотелось бросить все и помчаться к ней, чтобы быть уверенным, что с девушкой ничего не случится, но я не мог. Убийца, конечно, рассчитывает, что мы станем разрываться, но мы не должны идти у него на поводу. Все указывает на Языкову, именно она – его цель!

Только бы я не ошибся!

Мне вспомнилась старшая сестра, убитая маньяком много лет назад. Я тогда был еще маленьким, но ее смерть произвела на меня сильнейшее впечатление. Думаю, она так ужаснула меня, что из-за этого я и пошел работать в полицию: не мог смириться с тем, что в мире случаются подобные вещи. Ну, или, по крайней мере, остаются безнаказанными.

– Женщина вышла из магазина, – доложил опер. – Села в машину и едет по направлению к вокзалу.

– Пусть все держатся так, чтобы не потерять ее из виду, но и не попасться на глаза убийце. Уверен, он тоже где-то на дороге, – сказал я.

Опер передал мои слова по рации.

– Зачем она заезжала в магазин? – проговорил Димитров.

– Преступник проверял, есть ли за ней хвост, – ответил я. – Если

какая-нибудь машина останавливается и ждет человека, значит, в ней полицейские.

– Она ничего не купила?

– У нее в руках пакет, но что в нем, не видно, – проговорил опер, передав мой вопрос по рации и получив ответ.

– Куда она направляется?

– Пересекла Октябрьский бульвар, едет в сторону Железнодорожной улицы. Скорее всего, ей велели выбраться из города.

Я чувствовал себя в западне: одна женщина вынуждена подчиняться приказам убийцы, другая получила от него цветы, а я должен сидеть в микроавтобусе и слушать, что передают по рации, не имея возможности предпринять что-то конкретное.

– Может, остановить ее? – неуверенно предложил Димитров.

– А если из-за этого погибнет ее дочь?

– Нет гарантии, что она еще жива.

– Но и уверенности в обратном – тоже.

– По статистике... – начал было Димитров, но я его перебил:

– Знаю, Рома, знаю! Чаще всего жертв похищения убивают сразу, а затем уже шантажируют родственников. И никто не собирается никого никому возвращать. Но тот, кого мы ловим, любит ходить по краю, он хочет поиграть с нами. Думаю, он будет соблюдать собственные правила, чтобы обострить ощущения.

В этот момент вмешался опер:

– Объект пересек бульвар Алексея Толстого, мы меняем машину.

– Хорошо. Похоже, Языкова действительно выезжает из Пушкина.

– Что ему от нее надо? – пробормотал Димитров.

– Надеюсь, он выйдет на контакт, – сказал я.

– Неужели попадет на живца? – В голосе лейтенанта сквозило сомнение.

– Не знаю. Но надеюсь.

– Объект движется по Железнодорожной улице, – сообщил опер.

– Если наша машина и дальше будет висеть на хвосте у Языковой, убийца точно засечет слежку, – проговорил Димитров.

Я ничего не ответил: это и так было ясно. Но потерять автомобиль потенциальной жертвы мы не могли: это означало бы отдать ее в руки убийцы.

– Объект свернул направо, – заговорил опер, – едет в направлении железнодорожного полотна.

– Это Малая Октябрьская детская железная дорога, –

прокомментировал Димитров.

– Объект движется вдоль железки, – сказал опер. – Набирает скорость.

Мы сидели молча, ожидая новых сообщений. Минут через пять поступило еще одно:

– Машина проехала мимо складов и теперь находится за городом. Двигается в сторону Кузьминки.

– Что это? – спросил я.

– Кузьминка? Речка такая.

– А дальше что?

– В смысле?

– Ну, за ней.

Лейтенант собирался что-то ответить, но тут снова раздался голос опера:

– Женщина остановилась на мосту. Вышла из машины. Направляется к перилам. В руках пакет из магазина. Она достает бутылку объемом примерно пол-литра.

Я бросился к оперу и выхватил у него микрофон.

– Прием, это лейтенант Самсонов! Вы меня слышите?

– Так точно! Объект стоит у перил, смотрит вниз.

– Что она делает с бутылкой?

– Открыла, понюхала. Похоже, запах неприятный.

Мне вдруг стало совершенно ясно, что задумал убийца. Это был чудовищный план, по которому вдова Языкова должна была сама совершить свою казнь. Причем весьма жутким способом!

– Где вы находитесь?! – крикнул я в микрофон.

Наверное, по лбу у меня тек пот, потому что я машинально провел по нему ладонью, и она стала мокрой.

– На мосту. Подъезжаем к женщине.

– Она хочет броситься вниз! Остановите ее!

Раздался щелчок, затем хлопанье дверей, тут же сменившееся визгом тормозов и чьими-то возмущенными воплями.

Я замер, прислушиваясь.

Димитров и опер стояли рядом, похожие на статуи. Их взгляды были вперены в меня. Я заметил, как у лейтенанта судорожно ходит над воротником кадык.

Что-то зашуршало, голоса стали сильнее, теперь ясно различались женские рыдания.

– Все, мы ее взяли! – сообщил опер, внезапно появившись в эфире. – Сопротивлялась и пыталась сброситься, так что, наверное, повезем в

больницу, чтобы ей вкололи успокоительное.

– Что было в бутылке?

– Жидкость для розжига. Их для мангалов продают. Похоже, она собиралась себя поджечь, – неуверенно предположил оперативник.

– Не спускайте с нее глаз! Держать под постоянной охраной.

– Ладно. Я пошел, а то ребятам помощь нужна.

– Подождите! – остановил его я.

– Что?

– На мосту были другие машины?

– Нет.

– Может, велосипедисты?

– Никого. Мы бы задержали любого, кто там оказался.

– Ясно. Ладно, идите.

Он отключился, я опустил микрофон. От сердца отлегло, но не до конца, ведь в руках преступника оставался ребенок. Что может сотворить с ним озлобившийся каннибал?

– Похоже, убийца пытался заставить Языкову покончить с собой, – сказал я, глядя на Димитрова и опера. – Теперь ее доставят в больницу. Скорее всего, он постарается достать ее там.

– И не забывай, что у него девчонка, – мрачно проговорил Димитров.

– Забудешь тут! – Я опустил на стул и достал телефон. Набрал Анин номер. – Алло, это Валера. У тебя все нормально?

– Вроде да.

– Сиди дома, я постараюсь подъехать.

– Когда?

– Не знаю. Как получится.

– Что у вас там происходит?! – Голос у девушки был встревоженный, но не испуганный.

– Объясню, но не по телефону. Все, мне пора. – Я отключился, не дожидаясь дальнейших расспросов.

– Куда теперь? – спросил, глядя на меня, Димитров.

– В больницу. Думаю, у вас тут их не много?

– Я уточню, куда доставят Языкову.

Хотелось глотнуть свежего воздуха, и я вышел из фургона на улицу.

Небо было серое, но солнце виднелось сквозь тучи – тусклый фонарь в туманном мареве. Я смотрел на него почти минуту, затем присел на бордюр. Вытер лицо ладонями, пригладил мокрые от пота волосы. Пока мы сидели в машине, я не чувствовал особого напряжения и удивился, что, оказывается, был настолько сконцентрирован на происходящем.

– Все нормально? – Димитров вышел и оглядел меня с подозрением. – Тебе плохо, что ли?

– Нет, – я встал, – просто в фургоне слишком душно.

– Я узнал, куда отвезли Языкову. Едем?

– Конечно.

Мы вернулись в минивэн, и он тотчас тронулся.

Похоже, убийца не вел Языкову всю дорогу, как мы подозревали: он ждал ее у моста, где ей предстояло облить себя жидкостью для розжига и живым факелом полететь в Кузьминку. Скорее всего, он засел в лесу с биноклем и мобильником и наблюдал. И едва ли он расположился дальше, чем в сотне метров.

– Надо обследовать все вокруг моста, – сказал я Димитрову.

– Зачем?

Я объяснил.

– И кто это будет делать? Ты представляешь, сколько для этого нужно народу?

– Представляю.

– И что?

– Людей я найду.

– Как?

– Это мое дело.

Димитров недоверчиво фыркнул:

– Даже если убийца сидел в лесу, что ты там хочешь найти?

– Мало ли.

– Нет, я понимаю, что если он нассал под кустик, или оставил там свои волосы, или отхаркнулся, то у нас будет его ДНК. Но как ты отличишь его ДНК от ДНК грибников и всех прочих, кто побывал в лесу за последнее время? Я уже не говорю о том, что не будем же мы проверять на ДНК всех, кто работает в школе.

– Почему?

– Представляешь, сколько времени это займет?! Кроме того, что на это нужно согласие тех, чьи ДНК ты берешь на экспертизу.

– Не всегда, – возразил я.

Димитров кивнул.

– Если речь идет о подозреваемом, это другое дело, но вся школа не может быть в подозреваемых!

– Не надо всю. Проверим только тех, кто...

– Кто что?! – раздраженно перебил меня Димитров. – Подходят по возрасту? Полу? Какими критериями пользоваться?

– Например, поддельный паспорт.
– Что?
– Ты получил результаты проверки документов по тому списку, что я тебе дал?

Димитров насупился:

– Слушай, Валера, ты вот приехал, командуешь тут, словно мы все должны бегать, как савраски, с утра до вечера! А у нас, между прочим, людей – раз, два и обчелся, ясно? И оборудование не такое, как во всяких лабораториях навороченных. И все эти экспертизы, анализы и проверки занимают не пять минут!

– Я так понимаю, результатов нет? – ответил я спокойно.

– Нет! – рявкнул лейтенант, отвернувшись.

Минивэн свернул к красному с белой окантовкой зданию за решетчатой оградой.

– Это больница Семашко, – прокомментировал Димитров. – Сюда привезли Языкову.

Мы вылезли из машины и направились ко входу. Внизу нас встретили опера – они ненамного опередили нас.

– Где она? – спросил я.

– В психиатрическом, – ответил один из оперов. – Так-то с ней все в порядке, но истерику закатила такую, что пришлось вколоть ей...

– Это я знаю. На каком этаже вы ее оставили?

– Вот доктор, он проводит. – Опер указал на невысокого bruneta плотного телосложения в круглых очках в черной пластмассовой оправе.

– Тушинский, – представился тот, услышав наш разговор. Голос у него был хриплый, словно простуженный. – Вас Языкова интересуется?

– Да, она.

– С ней все в порядке. Не считая попытки суицида, конечно.

– Думаю, я вам должен кое-что объяснить, – сказал я. – Дело в том, что это было не совсем то, что вы, наверное, думаете.

Брови у врача удивленно приподнялись. На лбу мигом собралось несколько глубоких морщин.

– Пациентка намеревалась облить себя горючим средством, поджечь и прыгнуть с моста. Я ничего не перепутал?

– Нет, все правильно.

– Тогда...

– Давайте пройдем туда, где мы сможем поговорить спокойно, – прервал я Тушинского, беря его под руку. – Нам понадобится ваша помощь. Дело в том, что на Языкову может быть совершено покушение.

Врач вздрогнул:

– В каком смысле?

– В самом прямом.

Мы отправились к нему в кабинет, и я изложил Тушинскому суть проблемы. Не вдаваясь в детали, разумеется.

– Так что мы поставим охрану возле палаты Языковой, – проговорил я, подводя итог разговора. – А вы уж, пожалуйста, организуйте дело так, чтобы к ней приходили только одни и те же медсестры и вообще персонал. И проинструктируйте работников на ресепшене, чтобы никому не сообщали, где находится Языкова.

Тушинский закивал:

– Конечно, конечно. Я надеюсь, все-таки здесь никто не попытается убить пациентку.

– Я тоже надеюсь. Но нужно быть готовыми ко всему.

– Понимаю! – торжественно изрек доктор.

Через полчаса все было готово, и палата Языковой превратилась в неприступную крепость. Хотя Тушинский считал, что в целом пациентка относительно здорова, тем не менее он рекомендовал ей остаться в больнице хотя бы на неделю – с учетом того, что похищение дочери может в любой момент привести к срыву.

Я со своей стороны склонялся к тому что это нежелательно. Убийца наверняка захочет выйти с Языковой на связь, но, пока она в больнице, ему это не удастся. А если дело затянется, он может счесть, что проще прикончить ее дочь, и придумать какой-нибудь другой план. Вот только я не знал, как донести эту мысль до Языковой.

Впрочем, на ближайшие пару дней она все равно становилась обитательницей больницы, так что можно было заняться в это время другими делами. Например, выяснить обстоятельства гибели Юры Барыкина, что я и собирался сделать с утра.

Сейчас же я отправился на Красноселку, чтобы убедиться, что с Аней все в порядке и ей ничего не грозит.

В кино часто показывают, как маньяк запугивает или преследует девушку главного героя (даже если она еще не стала его девушкой), но в жизни обычно преступники не тратят время и силы на подобные вещи. Уже хотя бы потому, что для этого необходимо следить за тем, кто ведет расследование, а это не так-то просто, да и удовольствия никакого. Поэтому меня удивило, что маньяк отправил Ане цветы.

Должно быть, у него совсем съехала крыша – ну, или он действительно пытался отвлечь наше внимание, чтобы разобраться с Языковой.

Я лично склонялся ко второму варианту. Уже хотя бы потому, что это означало: девушке на самом деле не грозит опасность.

Когда я поднялся на этаж, навстречу мне вальяжно спустился здоровый мужик в спортивном костюме и кроссовках. Я его с трудом узнал: это был один из местных оперативников.

– А, это вы, – прогудел он равнодушно.

– Тебя Димитров сюда охранять прислал? – уточнил я.

– Угу. Скоро сменят меня?

– Наверное.

– Не знаете?

– Я напомню лейтенанту.

– Ладно. – Опер поплелся обратно наверх.

Я позвонил в дверь.

– Кто? – Голос был настороженным.

– Это я, Валера.

Пауза, в течение которой Аня, наверное, смотрела в глазок. Правильно, доверять никому нельзя. Мало ли кто кем представится.

Щелкнул замок, и дверь открылась.

– Привет! – проговорила она, улыбаясь. – Что случилось? Ты мне объяснишь?

– Да. Только это не на две минуты рассказ.

– Заходи. – Девушка посторонилась, пропуская меня в квартиру.

Мы прошли в гостиную.

Я с интересом разглядывал жилище учительницы танцев. На стене, противоположной окну, висело множество фотографий, в серванте я заметил грамоты и кубки.

– Зал славы? – спросил я.

– Что? – не поняла Аня.

Я указал на награды.

– А-а! – Она махнула рукой. – Все в прошлом. Теперь я учу детей и взрослых.

– Больше не выступаешь? – Я был удивлен.

– Нет.

– А что так?

– Из-за травмы. – Аня наклонилась и резко подняла правую штанину. Вся нога у нее была в крупных и мелких шрамах. – Такие дела.

– Что произошло? – Я, как зачарованный, смотрел на жуткий узор разнонаправленных розовых и белых полос – словно кто-то спяну рубил дерево, но так ничего и не добился.

– Авария. Возвращалась с выступления, попала под джип. Вот мне решеткой ноги и переломало. Да еще и одну коленную чашечку выбило. – Аня села на диван, сложив руки на груди. – Так что иногда у меня кости в ноге из сустава выходят. Приходится лежать по две недели. Не повернуться даже. Какие уж тут танцы! Да ты садись.

– Спасибо. – Я опустил в кресло напротив.

– Рассказывай, – потребовала Аня, глядя на меня.

Я выложил ей все, что произошло в течение дня.

– Значит, у него ничего не вышло? – проговорила девушка, когда я закончил. – Языкова жива?

– Да, но ее дочь похищена, и я боюсь, что преступник не захочет долго держать ее у себя и убьет.

– Господи! – Аня вздрогнула. – Что же делать?

– По идее, надо бы вернуть Языкову домой, чтобы он мог с ней связаться.

– Понимаю. – Девушка кивнула. – А мне... тоже что-то угрожает?

– Думаю, нет. Скорее всего, убийца просто пытался отвлечь наше внимание от Языковой.

– Скорее всего? – переспросила Аня. – Не очень утешает, если честно.

– О тебе позаботятся. Полиция приглядывает за твоей квартирой.

– А если я пойду в магазин?

– Они последуют за тобой.

– И на работу?

– И на работу.

Аня вздохнула.

– Где эти цветы? – спросил я.

– На кухне, в банке.

– Я их заберу на экспертизу, ладно? Мало ли – вдруг что обнаружится.

– Да пожалуйста. Мне не доставляет ни капли удовольствия, что у меня в квартире букет от убийцы.

Я отправился на кухню, положил пучок «Каф Марьяма» в целлофановый пакет, который нашел тут же, в одном из ящичков, и сунул в карман куртки. Надежды, что там что-то обнаружится, конечно, почти никакой, но кто знает – может, преступник и здесь оставил какое-нибудь послание.

– От всех этих шифров идет голова кругом! – проговорила Аня, когда я вернулся в гостиную. – Валера, скажи честно, как ты думаешь, вы его поймаете?

– Надеюсь.

– Это не тот ответ, который меня обрадовал бы.

– Знаю.

– Ладно, я понимаю. Вы делаете, что можете. Просто... – Аня развела руками. – Может, чаю? – добавила она спустя секунд пять.

– Не откажусь.

– Сейчас.

Она отправилась на кухню, а я прошелся по комнате, рассматривая все, что в ней было. Особенно меня заинтересовали фотографии.

Большая их часть представляла собой групповые снимки: Аня в школе, в танцклассе, с командой. На других она была одна или с другими победителями соревнований. С правой стороны висела школьная подборка – первый класс, концерты, экскурсии, лагерь и так далее.

Одно лицо на небольшом снимке мне показалось знакомым. Приглядевшись, я понял, что это Юра Барыкин. Они с Аней были тогда классе в пятом, наверное, или шестом.

Я опустил глаза и принялся рассматривать кубки и медали, расставленные и разложенные среди посуды и грамот. Здесь тоже было несколько фотографий.

Судя по всему, Анины родители, подружки, тренер (женщина лет сорока с небольшим, в спортивном костюме, с неизменным свистком на шнурке). Одна фотография была почти не видна, и я открыл дверцу серванта, протянул руку и вытащил ее из-за хрустальной вазы, набитой медалями.

На снимке были запечатлены Аня и Юра Барыкин, обоим чуть больше двадцати. Я перевернул фотографию и прочитал выведенную синей ручкой надпись: «Анечка, ты мой самый любимый и дорогой на свете человек!»

Я поставил карточку обратно, закрыл дверцу и сел в кресло.

Судя по фото, Аня и Барыкин встречались после того, как родители перевели его в другую школу, не шесть раз, а гораздо больше. Возможно, у них даже были близкие отношения. И уж точно, они виделись незадолго до его смерти.

Если он вообще умирал.

Вернулась Аня с двумя дымящимися чашками в руках.

– Ты с сахаром пьешь? – спросила она.

– Да.

– Я тоже.

Девушка села на диван.

– У тебя целая куча наград, – заметил я, глядя на нее.

Аня махнула рукой:

– Все это побрякушки. Напоминания о несбывшейся мечте. Медали ничего не стоят, если ты не добрался в конце концов до самой вершины, а споткнулся и остался лежать в пыли.

– Ну, всякое ведь случается.

– К сожалению, да.

Мне хотелось расспросить ее о фотографии и Барыкине, но я передумал. Мы посидели еще немного, я допил чай и распрощался. Флиртовать почему-то совершенно не хотелось.

– Не волнуйся, ты в безопасности, – сказал я на прощанье. – Если что, звони мне.

– Ладно. – Аня улыбнулась. – Счастливо.

– Спокойной ночи.

Выйдя из подъезда, я позвонил Димитрову и напомнил, что надо сменить опера, дежурившего у Аниного дома. Тот буркнул что-то невразумительное, но я был уверен, что он сделает все, что надо.

Я же отправился в ближайшее кафе и поужинал пастой карбонаре. Выпив кружку зеленого чая (вечером я всегда так делаю: прочитал где-то, что он выводит из организма лишние соли), я поехал в отдел, принял душ и буквально рухнул в постель. И все же последнее, что я сделал перед сном, – позвонил в Питер Башметову и объяснил, для чего мне нужны люди.

В нашем «серийном отделе» сотрудников было немного, но шеф мог иногда ангажировать личный состав у соседей – чаще всего из убойного.

Башметов обещал прислать на следующий день десять человек, чтобы обыскать лес по обе стороны от моста через Кузьминку. Заодно приказал составить подробный отчет и переслать ему по электронной почте. Удовлетворенный тем, что он пошел мне навстречу, я почти мгновенно провалился в сон.

* * *

Мне бы не хотелось, чтобы меня ставили в один ряд с другими каннибалами, о которых известно современному обществу. Мною не движут ни голод, ни сексуальное влечение, ни врожденная жестокость. Я не глумлюсь над родственниками своих жертв подобно Альберту Фишу или Цутому Миядзаки, убившему четырех девочек, насилувавшему их мертвые тела, пившему кровь и евшему их руки. Японец отправлял семьям девочек издевательские письма, вкладывая в конверты зубы своих жертв. Он

оставлял себе на память фотографии и части тел.

В Индии бизнесмен по фамилии Кохли и его слуга похитили и убили тридцать восемь детей. Полиция нашла в отстойной яме останки семнадцати из них. Эти двое насильовали мертвых детей и ели их органы, а местная полиция закрывала на это глаза благодаря связям и деньгам, которые раздавал Кохли, что было доказано при расследовании.

С людьми вроде этих у меня нет ничего общего.

Когда тебя считают зверем, а твои действия – злом, справедливости трудно восторжествовать. К сожалению, справедливость – это такая категория, которая существует не только в твоём сердце, но которая требует признания окружающих. И поэтому я хочу, чтобы мое дело, мою работу не только видели, но и понимали.

Четыре полотна, четыре скульптуры, если угодно, будут представлены на суд мира, причем с пояснениями. Нет, их дам не я, а те, кто охотятся за мной. Они должны осознать причины, побуждающие меня. Они думают, что их цель – поймать и заточить меня, быть может, даже уничтожить, но я вижу их роль иначе.

Глашатаи! Обвинители, но одновременно и адвокаты, ибо кто сочтет меня виновным, а мою месть несправедливой? Не беру ли я то, что принадлежит мне? Если один человек украл у другого кошелек, а тот догнал его и отобрал свое имущество назад, не поступил ли он честно? Думаю, каждый сделал бы то же, имей он возможность. Так и я.

В Японии месть и вовсе считается добродетелью. Нанесенная обида не может быть забыта: она ранит и терзает душу, пока человек не смочит ее ответным действием, восстановив тем самым гармонию. Прощать оскорбление нельзя, потому что это плохо влияет на карму.

Иногда мне приходит в голову попробовать какие-нибудь рецепты, чтобы употребить плоть врагов моих в более цивилизованном виде, но не будет ли это кощунством? Ведь я ем не ради наслаждения, а ради восстановления справедливости и чтобы не растаять, не разволлотиться. С другой стороны, африканские каннибалы, кажется, не считают зазорным поджарить человеческое мясо и, возможно, посыпать какими-нибудь приправами. Не то чтобы я не получал удовольствия, пожирая лица врагов сырыми, – напротив, это приводит меня в экстаз, – но мне не хотелось бы выглядеть в глазах современников дикарем.

Боюсь, это может повлиять на объективность их суждения обо мне и о том, что я делаю. Будущее – это категория, которой нельзя пренебрегать. Хоть оно и наступило, а потому вроде как не существует, тем не менее оно не менее реально, чем прошлое и

настоящее. Почему? Потому что можно быть совершенно уверенным в том, что оно обязательно наступит.

И это такой же факт бытия, как то, что я убиваю людей и срезаю лица, а потом пожираю их, глядя в глаза своим жертвам. И я не испытываю при этом никакого чувства вины, потому что знаю: они заслужили, а я имею на это право!

Даже та глупая женщина, которой вздумалось шантажировать меня, едва ли может претендовать на звание невинно пострадавшей. Если бы не ее жадность, не ее желание получить кучу денег быстро и без усилий, она осталась бы жива.

Конечно, смерть уборщицы нарушила гармоническую стройность общего замысла, но всеобщий мировой баланс не поколебала. Мои действия стали всего лишь ответной реакцией на ее поступок. Стремящийся причинить вред должен быть готов к тому, что такая участь постигнет его самого.

Перерезая горло Рачковской, я не испытывал удовольствия, ибо она не имела никакого отношения к моему перерождению. Просто небольшая помеха на пути, которую я преодолел.

Я держал ее сзади за волосы, оттянув голову назад, чтобы дать крови свободно выливаться из раны, и отстранившись, поскольку не хотел испачкаться. Это не было завораживающим зрелищем. Я даже почувствовал досаду из-за того, что уборщица умирает так долго. Мне хотелось покончить с ней как можно быстрее, чтобы уже ни на что не отвлекаться.

Глава 4. Ультиматум

Суббота, 5 июня

В субботу я встал в семь утра. Прежде всего принял душ и позавтракал: подогретые круассаны, обжаренная с одной стороны ветчина и яйца всмятку. Говорят, желтки очень полезны для сердца и нервной системы. При моей работе ни то ни другое лишним не будет.

За чашкой крепкого растворимого кофе из двух пакетиков я набросал отчет для Башметова – халтурный, конечно, но я сказал себе, что у меня есть оправдание: много дел и мало времени. К тому же было лень перепечатывать все эти листы на компьютере, так что я постарался быть лаконичным, при этом не упустив ни одной важной детали.

Покончив с этим, я почувствовал себя гораздо лучше: словно с плеч упал груз. Теперь можно было спокойно продолжать расследование.

Для начала я намеревался съездить в Питер и выяснить обстоятельства гибели Юры Барыкина – получить информацию из первых рук.

Меня интересовало, могло ли в его машине оказаться чужое тело. Для этого нужно было поговорить с патологоанатомом, проводившим вскрытие. Если он проверял карту зубов и она совпала, то мне придется забыть про Барыкина навсегда. Но это не означает, что убийца, пожирающий лица своих жертв, не мог иметь к нему отношения. Придется заняться его ближайшим и, наверное, тайным окружением. Я попытался представить, кто мог так сильно любить Барыкина, чтобы мстить столь жестоким образом за то, что произошло тринадцать лет назад.

Признаться, фантазия меня подвела.

Я поехал в Питер. Хотя машин было немного, возле Купчино все равно образовалась пробка. Наконец я выбрался на Московский проспект, где стало посвободнее. Здесь по обе стороны возвышались сталинские монументы: девятиэтажки с колоннами и портиками, длинными балконами, каменными стелами на крышах и слишком высокими арками, созданными будто для того, чтобы под ними проплывали парусники. Территория за первыми рядами домов, за так называемым «фасадом» Московского проспекта, начала застраиваться не так давно, и теперь из-за некоторых «старожилов» выглядели новостройки.

Через полчаса я добрался до архива, где хранились документы о происшествиях на дороге. Показав удостоверение, я прошел в зал, где стояли четыре компьютера, два из которых предназначались для

посетителей и поэтому были не на пароле. Горела всего одна лампа с зеленым пластиковым абажуром, да и та слегка подрагивала и пищала, словно комар. Пахло освежителем и чем-то кислым.

Сразу чувствовалось, что находишься в подвале, которому постарались придать хоть сколько-нибудь пристойный вид. Я протянул руку и включил маленький настольный вентилятор. К его решетке были привязаны тонкие бумажные ленточки. Они медленно поднялись, приняв почти горизонтальное положение, но тут же опустились градусов на пятнадцать. Звук пропеллера заглушил писк лампы, и комната наполнилась мерным гудением моторчика.

Я без труда нашел в базе данных документацию об аварии, в которой погиб Барыкин Юрий Сергеевич, – отчеты, протоколы, результаты вскрытия и все прочее. Открывая файл за файлом, я изучал отсканированные листы, некоторые набранные на компьютере, другие написанные от руки. Примерно через час мне удалось составить представление о том, что произошло на шоссе два года назад, где едва не столкнулся «Ниссан» Барыкина и «КамАЗ», груженный щебнем.

Молодой человек вывернул вправо и вылетел за ограждение. Его автомобиль дважды ударился о деревья, зарылся капотом в овраг и вспыхнул. Только через два часа удалось потушить пожар, а еще через полтора – извлечь изуродованное тело. В крови Барыкина обнаружены следы алкоголя – судя по всему, он выпил около полулитра водки. В таком состоянии он с трудом мог управлять машиной, что и говорить. Его опознал отец по часам и медальону – это мне уже было известно от матери Барыкина. Зато я выяснил, что экспертиза установления личности по зубам не проводилась – по причине очевидности того, кто был за рулем. Теперь делать что-либо подобное уже поздно. Даже если удастся раздобыть медицинскую карту стоматолога, никто не станет эксгумировать тело Барыкина только потому, что у меня есть подозрения, будто он жив.

А я склонялся именно к этой мысли, причем все больше и больше. Вот только чье тело могло оказаться на его месте в машине? И что связывало Аню Федотову с бывшим одноклассником? Если любовь, то почему никто о ней не знал? Зачем им было скрывать ее, да и как им это удалось, если отношения продолжались достаточно долго?

Очевидно, Аня была уверена в смерти Барыкина. Она задвинула его фото и вспоминала о нем как о части прошлого. Вот только, похоже, не такого далекого, как я думал.

Надо было все-таки расспросить ее. Но ведь тогда пришлось бы признаться, что я видел снимок, то есть совал нос в ее дела. С другой

стороны, раз я расследую убийства, все дела – мои, если они могут хоть как-то касаться преступника и его жертв. Словом, ситуация была не из легких. И все же я знал, как поступить. Если у тебя есть правила, которых ты привык придерживаться, ты становишься предсказуем. Даже для самого себя.

Я закончил работу в архиве и поехал в свою квартиру. Там я взял смену белья, кое-какую одежду, пополнил запас мезима и гастала и отправился обратно в Пушкин.

Небо было серое, солнце просвечивало сквозь тучи размытым желтым пятном, воздух был не просто влажным, а парным, как в оранжерее.

По дороге мне позвонил Башметов:

– Валера, кто будет руководить обыском леса вокруг моста через Кузьминку?

– Пусть пока едут с Димитровым, это местный следователь. Я присоединюсь через час-полтора. Заехал домой, прихватил шмотки.

– Когда планируешь закончить расследование?

– Разве можно предугадать, Павел Петрович?

– Если преступник убьет всех, кого наметил, то потом смоется, и ищи-свищи ветра в поле. Нужно взять его раньше, ты понимаешь?

– Конечно.

Да, я прекрасно осознавал, что, как только убийца осуществит свой план, загнать его в ловушку будет уже невозможно. Нам удалось предотвратить смерть очередной жертвы, что дало определенную фору, и я надеялся вычислить преступника до того, как он решит взяться за дочку Языковой. На миг представился ребенок со срезанным лицом, с выжженным клеймом-цифрой. Если это случится в реальности... не знаю, как смогу работать дальше!

До Пушкина я добрался довольно быстро и сразу направился к мосту. Там уже всюду шла работа: стояли три машины, и по лесу рыскали сосредоточенные полицейские. Встретивший меня Димитров сказал, что и по другую сторону железки происходит то же самое.

– Как тебе удалось достать людей? – спросил он с ноткой уважения.

– Просто попросил, – честно ответил я. – Дело громкое, и все заинтересованы в том, чтобы мы его закрыли как можно скорее. Успехи есть?

– Нет, мы только начали. Полно мусора, но разве разберешь, где чей?

– Надо найти место, с которого хорошо виден мост. Преступник должен был провести в ожидании, по крайней мере, час, так что там должны остаться следы ног, коленей, локтей и так далее.

Димитров кивнул:

– Понимаю. Этакое лежбище.

– Вот именно.

– Ладно, будем искать. Тебе, кстати, звонили в отдел утром.

– Кто?

– Священник из церкви Святого Апостола Иоанна. Тот, к которому ходил Зинтаров.

– Что он хотел?

– Не знаю. Спросил тебя, узнал, что ты в отъезде, и повесил трубку.

– И ничего не сказал?

– Не-а.

– Я съезжу к нему. Мало ли.

– Ну, давай. Здесь ты погоды не сделаешь. – Димитров с тоской обвел глазами лес. – Мы тут до ночи провозимся, а найдем ли что-нибудь – еще не известно!

Я отправился к отцу Григорию, надеясь застать его в церкви.

Мне было интересно, что заставило его разыскивать меня. Вероятно, мелочь, не стоящая внимания, но всегда оставался шанс, что священник вспомнил нечто важное.

На крыльце церкви я перекрестился и вошел внутрь. В нос сразу ударил узнаваемый запах воска и ладана.

Заметив служку, я подошел к ней и объяснил, что мне нужно увидеть отца Григория по срочному делу.

– Он еще не вернулся, – ответила она шепотом.

– Как? – удивился я. – А куда он отправился?

– Не знаю, – смиренно проговорила служка. – Если хотите, можете подождать.

– Спасибо, – пробормотал я и вышел на улицу.

Поблизости не было ни ларьков, ни магазинов, но я все равно отправился на поиски места, где можно купить бутылку газировки и что-нибудь перекусить. По дороге я положил в рот таблетку гастала.

Поесть мне удалось в крошечной забегаловке, где даже не было столов – только стулья вдоль полки, служившей подобием стойки. Я заказал овощное рагу, фаршированный рисом сладкий перец и кусок свинины в панировке, запил все кефиром и отправился обратно в церковь.

На этот раз отец Григорий оказался на месте. Вид у него был обеспокоенный и возбужденный.

Священник встретил меня в одном из помещений церкви, куда меня провела служка со словами: «Отец Григорий велел вас впустить, как только

вы появитесь». При этом на ее крысином личике, словно пропитанном воском и ладаном, читалось откровенное, совершенно мирское любопытство.

– Я узнал, что вы хотели со мной поговорить, – сказал я, войдя и плотно закрыв дверь перед носом у служки, – и подумал, что это нечто важное.

Отец Григорий кивнул:

– Так и есть!

Он сделал по комнате круг и остановился возле узкого окна, глядя на улицу. На миг его брови приподнялись, затем нахмурились.

Я подошел к окну и уставился на улицу, но не увидел никого подозрительного: по дорожке шла семья из трех человек, включая девочку лет семи, за ними двигалась престарелая пара, женщина опиралась на белую трость. Вдоль ограды промчался велосипедист в шлеме и с рюкзаком на спине.

– В чем дело? – спросил я, повернувшись к священнику.

– Что?

– Увидели кого-то?

– Нет-нет. Просто собираюсь с мыслями.

Я снова посмотрел в окно, однако, кроме толстого мужика, только что вошедшего в ворота и шагающего с тяжелой одышкой, никого не увидел.

– Ладно, зачем вы хотели меня видеть? – Я подошел к простому деревянному стулу и сел.

– Вы сказали, что если я вспомню что-нибудь полезное, то должен связаться с полицией.

– Именно. – Я кивнул. – Ну, и?

Отец Григорий отошел от окна и сел чуть левее меня, положив правую руку на стол. На запястье у него были намотаны деревянные четки.

– Вчера вечером, перед самым закрытием, в церковь пришел человек, – заговорил священник шепотом.

Мне пришлось податься чуть вперед, чтобы слышать, что он говорит.

– Он сказал, что хочет исповедоваться, причем непременно у меня. Его провели к аналою, а затем отправились за мной. Когда я пришел, человек ждал меня, стоя лицом к выходу. Я окликнул его, и он повернулся. – Отец Григорий остановился, чтобы перевести дух. Мне почему-то представился незнакомец с кровавым месивом вместо лица, а затем – маска-череп, нанесенная черным и белым гримом.

– И что? – нетерпеливо спросил я, тоже понизив голос, хотя и не до шепота.

– Его лицо... было закрыто бинтами!

– Бинтами? – тупо переспросил я.

Этого я никак не ожидал услышать.

– Именно! – Священник мелко закивал и почему-то опасливо огляделся, хотя в комнате, кроме нас, никого быть не могло.

– Чистыми? – спросил я, оправившись от неожиданности.

– В каком смысле, сын мой? – на этот раз удивился отец Григорий.

– Они не были пропитаны кровью?

– О, нет! Обычные бинты. Наверное, бедняга попал в автокатастрофу или обгорел. Ну, или побывал у пластического хирурга. – При этих словах священник почему-то перекрестился.

– Что он хотел? Исповедаться?

– Да, оказалось, что человек действительно желает покаяться в грехах. Я спросил, является ли он православным, узнал его имя и надел ему на голову епитрахиль. Далее последовала исповедь.

Я сидел, ожидая продолжения рассказа, но отец Григорий явно не желал больше ничего говорить.

– Надо так понимать, что нарушить таинство исповеди вы не собираетесь, – проговорил я наконец.

Священник кивнул.

– Но обратить мое внимание на этого человека по причине, назвать которую вы не имеете права, вы сочли нужным? – продолжал я, внимательно глядя на отца Григория.

Приходилось очень тщательно подбирать слова.

Последовал еще один молчаливый кивок.

– Могу я хотя бы задать вопросы о внешности этого человека?

– Да, сын мой, но повторяю, что он был в бинтах, так что... – Отец Григорий развел руками с видимым сожалением.

– Хорошо, давайте попробуем. Это был мужчина или женщина?

– Мужчина.

– Откуда такая уверенность?

– Во-первых, фигура, хотя... – Священник задумался. – Нет, тут, наверное, я не могу ничего утверждать наверняка, потому что человек этот был в свободной одежде. Размеры на два большей, чем нужно, кроме того, мне кажется, под ней было надето что-то еще.

Я кивнул: приходивший на исповедь постарался скрыть свои физические параметры.

– А голос?

– Трудно сказать наверняка. Из-за бинтов он звучал глуховато, да и

человек говорил шепотом.

– Тогда почему вы так уверены, что это был мужчина?

– Он снял головной убор, войдя в церковь.

Ну, конечно! Молодец, священник, наблюдательный. Все бы свидетели были такими. Жаль только, что он связан тайной исповеди.

– Какой убор? – уточнил я.

– Что?

– Ну, какая у него была шапка?

– Никакой. – Отец Григорий смутился. – Я не совсем правильно выразился. Человек ничего не снимал, он не надел платок. Находился в церкви с непокрытой головой, как полагается мужчине.

– Хм. Ладно, допустим. А цвет волос, длина? Глаза? Руки?

– Волос было не видно из-за бинтов. На цвет глаз я внимания не обратил: было темновато, да и он смотрел в основном в пол. Руки... тоже не знаю. Мне очень жаль.

– Одежду описать можете? Кроме того, что она была ему велика. Обувь?

– Все черное. Спортивные штаны и куртка, возможно, даже костюм, хотя я не разглядывал. Куртка была застегнута под горло. На ногах – черные кроссовки без маркировки.

– Что, даже логотипа не было? – удивился я.

Отец Григорий покачал головой:

– Ничего. Впрочем, я не разглядывал.

Я вздохнул. Кажется, я поторопился мысленно похвалить священника как свидетеля.

– Как он прибыл к церкви, не знаете случайно?

– На машине.

– Серьезно? – Я оживился. – Какой?

– Белый «Ниссан». Номер не видел, автомобиль стоял далеко.

– Понимаю. А модель?

– Не разбираюсь.

– Но марку-то вы определили.

Священник развел руками:

– Не я, а отец Арсений. Я его спросил, что это за машина, и он ответил.

– И где он сейчас?

– Скоро репетиция хора, так что, думаю, где-то поблизости.

– Нельзя ли его найти и узнать, какой модели был «Ниссан»?

– Можно. – Отец Григорий поднялся. – Подождите здесь, сын мой.

Он ушел, но через десять минут вернулся, держа в руке какой-то конверт. Вид у него был растерянный и возмущенный.

– Ну, как? – спросил я. – Выяснили насчет машины?

– Да, – отрывисто бросил отец Григорий, не сядясь. – Это был «Патрол». Кажется, так.

Я быстро записал это в свой блокнот и поднялся.

– Не торопитесь, – проговорил священник, протягивая мне конверт. – Это вам.

– Мне?

– На нем ваша фамилия. Вы ведь Самсонов?

– Ну, да. Откуда оно взялось? – Я взял письмо.

Аккуратно, чтобы не оставить свои отпечатки.

– Его положили на алтарь под покрывало. Кошунство!

– Когда оставили? – Письмо буквально жгло мне руку, но я понимал, что открывать его в спешке нельзя – в идеале его следовало бы прочесть не раньше, чем его осмотрит Полтавин, но что-то мне подсказывало, что в данной ситуации лучше поторопиться.

– Не знаю, но не раньше сегодняшнего утра. Часов после восьми – раньше служка поправлял покрывало и заметил бы конверт.

– Вы его спросили?

– Разумеется. Только что. Подумать только, превратить церковь в какое-то... почтовое отделение! – Отец Григорий дал волю возмущению, его борода мелко затряслась.

– Кто вам дал это письмо сейчас? – прервал я его.

– Отец Еремей. Он нашел его, готовя алтарь к службе. Я сказал, что знаю, кому оно адресовано, и забрал.

– Его только что обнаружили?

– Да, пока мы с вами разговаривали.

– Кто входил в церковь за это время? В течение последних двадцати минут?

– Откуда же мне знать, сын мой? – Глаза священника округлились. – Я ведь с вами был, здесь.

– Можно опросить служителей? Я привезу фотографии для опознания.

Отец Григорий пожал плечами.

– Если хотите, попробуйте. Но вряд ли они кого-нибудь вспомнят. В церкви не принято разглядывать друг друга. Общение с Богом – дело личное.

Я понимал, что он прав.

– Не хотите прочитать письмо? – поинтересовался священник.

– У вас есть нож?

– Конечно.

Отец Григорий подошел к бюро и достал небольшой канцелярский ножик.

Я аккуратно разрезал край конверта и вытащил сложенный вдвое листок писчей бумаги, держа его за самый край. Затем раскрыл, помогая себе кончиком ножа. Текст был отпечатан на принтере.

Содержание оказалось следующим:

Ультиматум

Я предполагал, что первый вариант моего плана может сорваться из-за вас, старший лейтенант. Меня не удивило, что вы, а вернее, полицейские, которыми вы руководите, помешали вдове покончить с собой и тем самым завершить вереницу смертей.

Думаю, вы уже поняли, что мной движет месть. Те, кого я назначил на роль жертв, должны быть убиты, а их лица – поглощены мной. Я почти сделал все, что хотел, дело осталось за малым. Речь о Языковой, разумеется. Она присоединится к остальным – рано или поздно, так или иначе. Вы заметили, конечно, что я готов был принести жертву – отказаться от ее лица. Но теперь я решил иначе: оно должно быть поглощено мной, как и лица других.

Вам известно, что дочь Языковой находится у меня. Пока что она жива и здорова, но я не стану возиться с ней вечно, как вы сами понимаете. Это значит, что вы должны найти способ или освободить ее, что будет нелегко, или доставить мне Языкову. Понимаю, что по своей воле и официально сделать вы это не можете, поэтому предлагаю выход: предоставьте женщину самой себе. Снимите охрану, и очень скоро она придет ко мне – так же как приехала на мост.

Даю вам два дня. Больше не могу, ибо девчонка на редкость прожорлива.

Искренне ваш, Пожиратель

Я аккуратно вложил листок обратно в конверт, достал пакет (всегда ношу несколько во время следствия на случай, если обнаружится улика) и положил в него письмо.

– Спасибо, что рассказали о человеке в бинтах, – проговорил я, поворачиваясь к отцу Григорию. – И за это, – я слегка встряхнул пакет, – тоже.

– Это от убийцы? – спросил священник. – Того, который орудует в школе?

– Не в школе, – поправил я его. – Жертвами становятся учителя, но в школе было обнаружено только одно тело.

Отец Григорий перекрестился.

– Мне нужно идти, – сказал я, направляясь к двери. – Если тот человек появится, сообщите мне. – Я протянул священнику визитку с номером своего мобильного телефона.

– Хорошо, – кивнул тот, беря картонный прямоугольник.

Покинув церковь, я первым делом поехал к Полтавину, чтобы отдать ему пакет с письмом. Объяснил, как он был обнаружен. Криминалист выразил недовольство тем, что я вскрыл конверт, но особенно не бухтел, понимая, что мне необходимо было узнать содержание послания.

– Поспорим, что на письме нет отпечатков? – предложил он.

– Их никогда не бывает, – ответил я.

– Не скажи! Вдруг преступник нарочно оставил? Может, не свои, а чужие, чтобы сбить тебя со следа.

– Нет, спасибо. Обойдемся без пари.

– Раньше ты был азартней, – с осуждением покачал головой Полтавин.

После разговора с медэкспертом я созвонился с Димитровым и договорился встретиться с ним в отделе, поскольку он сказал, что готовы результаты проверки документов по тому списку, который я ему дал.

– Лучше сам посмотри, – ответил он мне, когда я спросил, есть ли что-нибудь интересное. Из этого я сделал вывод, что не со всеми документами порядок, а значит, возможно, нам удастся определить убийцу.

Я предполагал, что Барыкин поступил на работу в школу под чужим именем, изменив внешность после автокатастрофы, в которой вовсе не погиб. Воспользовался ли он случаем или все организовал намеренно, принципиального значения не имело. На данный момент я только хотел знать, кто выдает себя за другого и является ли этот человек убийцей.

Димитров ждал меня в своем кабинете. Он сидел за столом и поглощал лапшу из пластикового контейнера. Кружка с дымящимся кофе стояла справа, рядом с ней дожидался своей очереди слоеный пирожок.

– Здорово! – кивнул лейтенант, когда я вошел. – Трапезничаю вот. Жена снарядила провиантом. Как дела?

Я рассказал ему о своем визите к отцу Григорию.

– Значит, этот Пожиратель хочет, чтобы ты отдал ему Языкову? – проговорил, выслушав меня, Димитров.

– Вот-вот. Причем, если ты заметил, предполагалось, что письмо прочту только я.

– Он пытается затащить тебя в свою лодку. Хочет, чтобы ты вступил с ним в сговор.

– Похоже на то. Что там с документами? Кто у нас волк в овечьей шкуре?

– Смотри сам. – Димитров достал из ящика стола несколько соединенных скрепкой листков и протянул мне. – С электриком, историком и физиком все в порядке. Так же как с теми тремя, которые уволились. Они у тебя были красным отмечены и вообще отдельно отложены.

Я кивнул.

– А остальные?

– Августов, учитель информатики, уклоняется от военкомата. Переехал из Новгорода и не отметился. Сейчас у него возраст уже не призывной, кроме того, для нашего дела это значения не имеет, но ты же просил проверять нарушения в документах, так?

– В принципе да. Хотя в основном меня интересует, не выдает ли кто-нибудь из этой компании себя за другого человека.

Димитров хмыкнул:

– Это как сказать!

– В смысле?

– Ты дальше-то читай.

Я углубился в изучение отчета. Тем временем лейтенант комментировал:

– Силин, тоже учитель информатики, до сих пор не сдал военный билет. Подозрительно, да?

– Угу, – кивнул я.

– Это потому, что у него стоит такая категория непригодности к военной службе, что он боялся, что его в школу работать не возьмут.

– А что с ним? Псих, что ли?

– Нет. Но заболевание должно быть серьезное. Хотя кто сейчас на это смотрит? На учете в психдиспансере не стоит, и ладно.

– Значит, просто боялся отказа в месте?

– Думаю, да. Или забыл. Такое может быть, если ему не напоминали о

необходимости принести военный билет.

– Что насчет секретаря и учителя танцев? – поинтересовался я, перелистывая пару страниц.

– Секретарь Жульин менял фамилию четыре года назад.

– Серьезно? – Я быстро нашел часть отчета, касающуюся Жульина.

Оказалось, он раньше был Вароненко, по отцу, но после развода родителей решил взять девичью фамилию матери, Дарьи Леонидовны Жульиной. Имя оставил то, которое получил при рождении. К Барыкину, судя по всему, тоже никакого отношения не имел.

– А вот Наумов, пожалуй, самый интересный из всей компании, – заметил Димитров.

Я взялся читать про учителя танцев и Аниного напарника.

Оказалось, что он сирота, причем чуть больше двух лет назад в полицию поступило заявление, написанное его дядей, в котором тот утверждал, что его племянник пропал без вести. Уехал в Карелию, обещал вернуться через пять дней, но так и не объявился. Затем, правда, нашелся – спустя две недели. Дядя за это время скончался от сердечного приступа, и более-менее близких родственников у Наумова не осталось. Сам он рассказал в полиции, когда узнал, что его объявили в розыск, что заблудился и едва не помер в Карелии, пока не вышел на шоссе, где его подобрала проезжавшие мимо люди. Потом он вернулся в Питер, где и узнал о смерти дяди. После этого Наумов снял квартиру в Пушкине и поступил на работу в местную школу.

– Свою питерскую квартиру на Васильевском острове он сдает, – сказал Димитров, когда я закончил читать. – Официально, через контору. Получает двадцать пять тысяч минус налог. В Пушкине за свою однушку платит десятку. Так что неплохая прибавка к учительской зарплате получается.

– Почему ты сказал, что Наумов самый любопытный из этой компании? – спросил я, уже понимая, на что намекает Димитров.

– Ну, такая история. – Лейтенант пожал плечами. – К тому же, раз родственников не осталось, из Карелии мог кто угодно вернуться и назваться Наумовым.

– А соседи? Они же не слепые.

– Разве что соседи. На самом деле, по-моему, со всеми этими парнями все нормально, Валер. Не думаю, чтобы они подделали паспорта.

– А можно проверить их?

– Кого? – не понял Димитров.

– Не кого, а что, – поправил я. – Паспорта.

– Ты имеешь в виду сами документы? Конечно, только надо, чтобы они их сдали.

– Сможешь это устроить?

– А на каком основании?

– Просто попроси у них паспорта. Скажешь... для проверки.

– То есть правду?

– Почти. Для какой именно проверки у них берут документы, можешь не уточнять.

– А если это спугнет Пожирателя? Думаешь, он не догадается?

– То есть ты все-таки допускаешь, что он может быть одним из этой компании?

– Ты допускаешь, – возразил Димитров.

– Знаешь, на всякий случай проверь паспорта у всех, – сказал я, подумав. – Даже у тех, у кого вроде все в порядке.

– Хорошо.

– И распечатай мне фотографии всех из этого списка.

– Ладно.

– Лучше сейчас.

Димитров крикнул, отставил контейнер с остатками лапши и потянулся к компьютеру.

– Принтер есть только черно-белый, – предупредил он.

– Ничего, сойдет. Известно уже что-нибудь насчет осмотра леса вокруг моста?

– Нет, еще обыскивают. Звонил Полтавин, жаловался, что ему оттуда все утро привозят всякую дрянь вроде окурков, бутылок, салфеток, туалетной бумаги и презервативов.

– Презервативов? – Я усмехнулся. – Они что, думают, Пожиратель еще и сексом заняться успел, пока наблюдал за Языковой?

– Я не знаю, что они там думают! – буркнул, отправляя в печать снимки учителей, Димитров. – Это ведь опера из твоего управления. Тебе виднее, чем они руководствуются.

Единственное, они нашли место, похожее на лежбище. Метрах в двухстах от моста. Если у Пожирателя был бинокль, то он мог наблюдать за Языковой без проблем. Он там не мусорил, зато есть несколько отпечатков обуви.

– Какой?

– Ботинки на толстой рифленой подошве. Хочешь взглянуть на фото?

– Нет, скажи лучше, определили ли фирму-изготовителя, размер и пол обладателя.

– Пол – нет. Ботинки универсальные, то, что называется унисекс. Размер – тридцать восьмой. Тоже не говорит ни о чем: их мог надеть как мужчина, так и женщина. А вот фирма нам известна, хотя потрудиться пришлось, как мне сказал Полтавин. Это «Corra-DiSaundress». Недешевые, между прочим. Италия.

– В Пушкине их продают?

– Это я как раз выясняю. На, держи фотки. – Димитров протянул мне распечатку.

Я просмотрел портреты и сунул в карман куртки.

– Мне нужно кое-куда съездить, – сказал я, вставая. – Вернусь часа через три-четыре. Может, будут какие-нибудь результаты по осмотру леса.

Димитров кивнул:

– Давай-давай. Удачи.

– Сделай еще вот что, – сказал я, прежде чем уйти. – Проверь документы священника, к которому ходил Зинтаров. Отца Григория. Он утверждает, что в миру его звали Семеном Васильевичем Крымским.

Лейтенант удивленно приподнял брови.

– С ним-то что не так?

– Письмо, которое я получил в церкви.

– Не понимаю.

– Посуди сам: одна из жертв посещает отца Григория. Затем к нему на исповедь приходит некто в бинтах, потом через него я получаю послание от убийцы.

– Заметь, что человека в бинтах видели служки, – напомнил Димитров.

– Да, но неизвестно, что он говорил отцу Григорию. Может быть, священник навел на него мое подозрение нарочно.

Лейтенант демонстративно вздохнул.

– Ты все высасываешь из пальца, Валера.

– Может быть. Но все равно проверь. И заодно... Анну Федотову, учительницу музыки.

– Она тоже подозреваемая?

– А почему бы и нет? – ответил я с легким вызовом.

Неприятно просить Димитрова проверить Аню, но было несколько причин сделать это. В основном то, что она не призналась, что у нее с Барыкиным были отношения незадолго до его гибели. Причем, судя по всему, о них не знал никто. Да и египетские цветы она могла «подбросить» себе сама. Ведь нет гарантии, что убийца, которого мы ищем, – мужчина. Сам я не верил, что Аня может быть причастна к преступлениям, но обязан был учесть все варианты.

– Хорошо, я все сделаю, – сдался Димитров. – Но готов поспорить, это окажется напрасной тратой времени.

– Спасибо. И, Рома...

– Да-а?

– Пей кофе, пока не остыл.

Выйдя из отдела, я сел в машину и направился на квартиру Наумова – ту, которую он сдавал в Питере. Прежде чем допрашивать его, мне хотелось подготовиться.

Дом оказался длинным, двенадцатиэтажным, сделанным из красного кирпича. Балконы начинались с третьего этажа, перемежаясь с небольшими серыми лоджиями.

Я позвонил в одну из квартир, и мне открыли, когда услышали, что я из полиции.

Лифт был старым, дребезжащим и вонючим – ничего неожиданного, в общем. Желтые стены покрывали сделанные маркером надписи, одна другой остроумней. Я поднялся на восьмой этаж, стараясь дышать пореже, и позвонил в обитую черным дерматином дверь.

Мне открыла женщина примерно сорока лет, растрепанная и ненакрашенная. Ее халат представлял собой пеструю смесь оранжевого, василькового и какого-то особенно ядовитого зеленого. Пару раз моргнув от неожиданности, я показал удостоверение и объяснил, что хотел бы узнать кое-что о хозяине квартиры, которую они снимают.

Женщина недоумевающе пожала плечами, не торопясь приглашать меня в квартиру.

– Да мы его и не видели ни разу, – проговорила она, подслеповато щурясь. При этом вокруг глаз у нее собирались мелкие морщинки.

– Как это?

– А мы через агентство снимали квартиру. Когда въехали, тут никого не было. Документы оформляли тоже через контору.

– Какие-нибудь вещи остались от хозяина? – спросил я, помолчав.

– Да, почти все. Мебель, техника. Кое-что мы купили свое, а так...

– А фотографии?

Женщина задумалась.

– Нет, – сказала она через несколько секунд. – Знаете, ведь действительно в квартире нет ни одной фотографии. Наверное, хозяин забрал с собой. В принципе правильно, обычно так и делают, просто...

– Что? – подбодрил я ее, видя, что женщина задумалась.

– В ящиках были разные бумаги, всякая всячина, в холодильнике – консервы. И так далее. В общем, такое впечатление было, когда мы

въехали, что хозяин просто вышел на минутку. А вот фотографий нет.

Я отлично понимал, что она имеет в виду. И, в общем-то, уже не был удивлен. Наверняка и в агентстве не видели Наумова – общались с ним по телефону или по почте. Впрочем, это можно будет потом уточнить. Так или иначе, а человек таял на глазах, превращаясь в... призрака? Восставшего из мертвых демона с черепом вместо лица, убивающего во имя мести, а в остальное время принимающего вид безобидного учителя танцев?

Нет, конечно. В сверхъестественное я не уверовал. Но то, что Наумов старался не попадаться на глаза никому в Питере, едва ли могло быть случайностью.

Сейчас предстояло сделать кое-что важное.

– Спасибо и извините, что отнял время, – сказал я квартирантке, отступая на шаг. – Не знаете, кто из соседей жил по этой лестнице до того, как вы въехали?

– Да все, в общем-то. Только в угловой квартире недавно поселились люди. Тоже снимают.

– А кто там раньше жил?

– Одна старушка. После ее смерти родственники решили жилплощадь сдавать.

Попрощавшись с женщиной, я позвонил в соседнюю квартиру. Никто не ответил.

Я нажал на звонок другой. Через несколько секунд послышалась возня, затем надтреснутый женский голос проговорил почти напуганно:

– Вам кого?

– Вас, – ответил я, не раздумывая. – Старший лейтенант Самсонов, полиция. – Я показал в раскрытом виде удостоверение, предполагая, что хозяйка наблюдает за мной через глазок.

Звякнула накидываемая цепочка, дважды щелкнул замок, и дверь приоткрылась. На меня уставился голубой глаз, едва видневшийся в полумраке прихожей.

– У меня к вам только один вопрос, – сказал я, доставая распечатку с фотографиями учителей. – Это займет не больше минуты.

– Да? – протянула женщина.

Возраст определить было трудно, но мне показалось, что ей не меньше шестидесяти. Через приоткрытую дверь потянуло жареным луком и кошками. Я слегка сдал назад.

– Вы знали Андрея Наумова? – спросил я, ткнув пальцем в квартиру у себя за спиной.

– Конечно. Он тут с детства жил. Недавно только переехал.

– Не знаете куда?
– Нет, я его не видела после того, как он из Карелии вернулся. Он же пропал тогда. Ну, да вы знаете, наверное.
– Знаю, – кивнул я. – Хорошо помните его?
– В каком смысле?
– В лицо. Сможете узнать по фотографии?
– Наверное. А что случилось-то?
– Пока ничего. – Я сунул женщине под нос распечатки. – Среди этих людей есть Андрей Наумов?

Из щели вытянулась костлявая рука, покрытая старческими желтыми пятнами, и схватила листки. Женщина медленно просмотрела снимки, вглядываясь в каждое лицо, затем вернула их мне.

– Андрея тут нет.
– Вы уверены?
– Абсолютно. Маразмом пока не страдаю.
Я выбрал фотографию учителя танцев и Аниного напарника.
– Взгляните еще раз на этого человека. Это не ваш сосед?
– Нет, говорю же! Ничего общего.
Я немного постоял, размышляя. Женщина глядела на меня из полумрака поверх цепочки.

– Не помните, у Наумова была машина?
– Нет, не было. Правда, его иногда приятель подвозил.
– Какой приятель?
– Не видела его никогда в лицо, но как-то с балкона заметила, что Андрей с другом подкатил на белой машине.
– Марку, конечно, не знаете?
– Чего нет, того нет. Да и живу я высокогато, если бы даже и разбиралась во всех этих иномарках.
– То есть вы уверены, что это была иномарка?
– Клясться не буду, но машина была красивая. Я сразу подумала, что импортная.

Я кивнул.
– Спасибо.
– Не за что.
Когда я направился к лифту, женщина еще следила за мной, но стоило мне обернуться, как дверь захлопнулась. Впрочем, она наверняка наблюдала через глазок, пока я не вошел в кабину.

Теперь я собирался отправиться в танцевальную студию, где работал Барыкин, – адрес у меня остался еще после посещения его родителей. Что-

то мне подсказывало, что они с Наумовым окажутся коллегами. Хотя, возможно, я и ошибался. В любом случае мне предстояло выяснить, кто был приятелем «пропавшего» в Карелии учителя танцев, и я рассчитывал прояснить этот вопрос в студии, где преподавал Барыкин.

Ехать пришлось на Крестовский остров, да еще изрядно поплутать, пока я нашел дом с большой вывеской, сделанной синими буквами по белому фону: «Танцклассы для детей и взрослых». И никакого особенного названия.

Я припарковался и вошел, но тут у меня зазвонил телефон, и пришлось снова выйти на улицу. Это была Аня.

– Алло, Валера, привет!

– Привет.

– Слушай, тут такое дело... у меня, похоже, машину угнали.

– Когда?

– Не знаю. Я на ней редко езжу. Может вчера, может, сегодня.

– А где ты ее держишь?

– Да во дворе, но с другой стороны дома, и я вчера не проверяла, была она на месте или нет.

– Ладно, что за машина?

– Белый «Ниссан». Номер...

– Подожди. – Я вытащил блокнот. – Какая модель? Часом, не «Патрол»?

– Да, как ты догадался?

– Интуиция. Диктуй номер.

Я записал номер автомобиля – вполне возможно, того самого, на котором приезжал в церковь исповедоваться человек в бинтах.

– Сделаю, что смогу. В розыск объявлю, – пообещал я совершенно искренне.

– Спасибо. Мы... сегодня не увидимся?

– Думаю, что я к тебе заеду, если ты не против. Надо кое о чем поговорить.

– О чем?

– Расскажу по факту.

– Ладно. Давай часов в семь-восемь тогда. Я точно дома буду. Меня, кстати, еще кто-нибудь охраняет?

– Конечно.

Интересно, нет ли способа выйти из Аниной квартиры, минуя опера на лестнице?

Я представил дом, в котором жила учительница танцев, и усомнился. С

другой стороны... Для человека с ее физической подготовкой, пусть даже после травмы, выбраться через окно, наверное, не так уж сложно.

Я тряхнул головой, отгоняя бредовые фантазии. С какой стати девушке так поступать? Почему мне вообще пришло это в голову? Наверное, из-за машины и ее... лжи по поводу отношений с Барыкиным. Хотя можно ли это назвать ложью в полном смысле слова? Скорее уж нежеланием вспоминать о прошлом.

– Я тебе позвоню, прежде чем выехать.

– Хорошо, договорились.

Я отключился и вернулся в студию. Откуда-то доносилась ритмичная музыка в стиле «техно». Чем дальше я шел, тем громче она становилась – значит, направление выбрано правильно.

Наконец за пластиковыми дверями я обнаружил огромный зал с ламинатом под орех и зеркальными стенами, вдоль которых тянулись станки для растяжки. На потолке рядами висели неоновые лампы, забранные жестяными решетками-отражателями.

Я нашел взглядом преподавателя, низкорослого тощего мужика лет тридцати, с черными кудрями и сросшимися бровями. Группа у него занималась большая, человек сорок парней и девушек. Заметив меня, он дал ученикам знак продолжать и пританцовывающей походкой направился ко мне.

– Да? – проговорил он приятным баритоном, чуть подавшись вперед, чтобы перекрыть музыку.

Я показал ксиву.

– А что случилось? – Кустистые брови взлетели вверх. – Мы не вызывали.

– Знаю, я сам приехал, – отозвался я, стараясь перекрыть «техно». – Вы давно тут работаете?

– Лет шесть.

– Когда вы заканчиваете?

Танцовщик бросил взгляд на часы:

– Через пятнадцать минут.

– Я вас подожду. Есть небольшой разговор.

– Может, вы хотите с кем-то другим пообщаться, чтобы не ждать, – предложил танцовщик. – Сегодня, правда, тут кроме меня только Марина, а она работает всего год.

– Нет, это мне не подходит, – покачал я головой.

– Нужен старожил? – Преподаватель улыбнулся, продемонстрировав белоснежные ровные зубы.

– Именно.

– Ну, тогда посидите в рекреации. Там удобные диванчики.

Я вышел из зала и расположился у окна неподалеку от кадки с развесистой пальмой. На стенах здесь висели фотографии, на которые я не обратил внимания, пока шел на звук музыки. Теперь я поднялся и обошел рекреацию по периметру, внимательно рассматривая снимки. Заодно положил под язык таблетку гастала для профилактики.

Никогда не думал, что в моем возрасте уже могут начаться проблемы с пищеварением, а оно вон как обернулось. И ведь это я еще пытаюсь более-менее правильно питаться: пью кофе только раз в день, ограничиваю потребление жирного, не ем на ночь пирожки с повидлом.

Минут через десять я добрался до фотографии, висевшей между снимком какой-то девушки в свободных штанах, танцующей в ярком свете софитов, и цветной ксерокопией очередного сертификата, врученного кому-то в студии.

На меня смотрел улыбающийся Юрий Барыкин, в одной руке державший позолоченный кубок, а в другой – диплом. Ему было на вид лет двадцать пять, если не меньше. Рядом с ним, чуть обрезанный краем фотографии, но отлично различимый, стоял худощавый голубоглазый блондин в серебристой рубашке.

Я прошел дальше вдоль стен и обнаружил еще три фотографии Барыкина и две – голубоглазого блондина. Когда музыка в зале стихла и ученики начали расходиться, я снял одну рамку и подошел к показавшемуся в рекреации преподавателю.

– Простите, что не представился, – проговорил тот, подавая руку. – Роман Альбертович Ниецевский.

– Лейтенант Самсонов.

– Что это у вас? – Он взглянул на фотографию. – А, с соревнований. Старый снимок.

– Кто здесь? – спросил я.

– Наши преподаватели. Правда, бывшие. Вот этот, – Ниецевский ткнул пальцем в Барыкина, – погиб. Разбился на машине. Сгорел так, что, говорят, его с трудом опознали. Хороший был парень, хоть и замкнутый. Все время вздрагивал, если слышал какой-нибудь сигнал.

– Сигнал? – переспросил я.

– Ну, да. Машина, там, завоет или еще что-нибудь. У нас однажды накурили в мужском туалете, сработала пожарка, так Юра аж побледнел и затрясся весь. Я думал, он сознание потеряет.

– Он это как-то объяснил?

– Нет. Да я и не расспрашивал. У каждого свои тараканы, как говорится.

Я кивнул.

– А это кто?

– Тоже наш преподаватель. Уволился пару лет назад. Кажется, в другой город переехал.

– Как его зовут? – спросил я, замирая от предвкушения.

– Андрей Наумов.

– Тоже хороший парень?

Ниецевский пожал плечами.

– Мы мало общались. Не могу ничего про него сказать. Кажется, перед тем, как уволиться, он пропал в Карелии на несколько недель. К счастью, нашелся.

– Вы его с тех пор видели?

– Нет.

– А когда он приходил увольняться?

– Он не приходил. Прислал заявление по почте и попросил так же выслать ему трудовую книжку.

– Как он аргументировал это?

– Лежал в больнице на реабилитации. Не мог сам приехать. Ему пошли навстречу, конечно же.

– Никто его не навещал в больнице?

– Мы хотели, но он отказался назвать адрес.

– Понятно. – Я достал фотографии учителей. – Скажите, а кто-нибудь из этих людей вам знаком?

Ниецевский внимательно просмотрел снимки и покачал головой:

– Нет, к сожалению.

– У Барыкина была девушка?

– Кажется, да. Во всяком случае, я его видел пару раз с какой-то особой.

– Он не говорил о ней?

– Никогда.

– Они с Наумовым были друзьями?

– Скорее приятелями. Барыкин иногда подвозил Андрея на машине.

– На белом «Ниссане»?

– Вроде бы. Скажите, а к чему все эти расспросы? Что-то случилось?

– Может быть, – ответил я уклончиво, пряча фотографии учителей. – Вы мне очень помогли, Роман Альбертович.

– Надеюсь. – Он белозубо улыбнулся. – А у вас, лейтенант, есть

девушка?

– Надеюсь, скоро будет.

– Жаль.

Я вежливо, но холодно улыбнулся.

– Всего хорошего, – проговорил Ницецевский.

Выйдя на улицу, я сел в машину и на несколько секунд прикрыл глаза. Информации становилось все больше, и ее надо было обдумать.

Я включил проигрыватель и нашел песню группы Korn «Narcissistic Cannibal». Музыка всегда помогала мне сконцентрироваться. Некоторое время я сидел, слушая трек, потом откинулся на спинку водительского кресла.

Получалось, что приятель Барыкина Наумов исчез (неизвестно, был ли он вообще в Карелии, ведь об этом знают только с его (а его ли?) слов), затем объявился, но никто из знакомых его не видел. В то же время погибает Барыкин, да так, что опознать его удастся только по часам и медальону.

Я представил, как Барыкин убивает Наумова и сажает его на место водителя, а затем сталкивает машину в кювет и поджигает. В принципе, проделать такое можно было, и вполне достоверно. После этого он занимает место Наумова, «отправив» его в путешествие в Карелию. Теперь, став другим человеком, он поступает на работу в школу в Пушкине, где может отомстить своим обидчикам. Как именно досадили ему убитые, неизвестно, но наверняка он считал их виноватыми в том, что его лицо обгорело. А эта травма – судя по всему, больше психическая – довлекла над ним всю жизнь.

Вот только была одна загвоздка: у того Наумова, который работал в школе, было совсем не то лицо, что у Барыкина. И даже не лицо Наумова, голубоглазого блондина. Кто вообще этот человек?

«И человек ли?!» – прошептал мне на ухо внутренний голос. Что, если демон с черепом вместо лица, которого видел бомж в лесу, способен принимать разные облики?

Нет, это, конечно, глупости! Никаких обитателей ада в Пушкине нет и быть не может. В конце концов, это реальная жизнь, а не фильм в жанре хоррор. Хотя, надо признать, жизнь иногда дает фору даже некоторым ужасикам.

Я достал сотовый и позвонил Ане.

– Ну что, в семь? Я успеваю.

– Слушай, тут такое дело... – затараторила девушка смущенно. – В общем, мне нужно на часик отлучиться, так что давай перенесем. Ты не

против?

– Да нет, ради бога. Тогда в восемь?

– Да, это было бы лучше всего.

– Хорошо. Я тебе еще раз позвоню минут за двадцать на всякий случай.

– Отлично.

– Ну, пока.

– До скорого.

Я завел мотор и развернулся. Ехать было часа полтора, не меньше.

Парить не перестало: воздух был какой-то густой, спертый. Включив кондиционер и музыку (играла знаменитая «Lady in red»), я покатил назад в Пушкин. До назначенной с Аней встречи оставалось больше двух часов, так что я еще вполне успевал перекусить по дороге.

Заехав в кафе и заказав отбивную с рисом под кисло-сладким соусом и десерт из засахаренных фруктов (почему-то захотелось плюнуть на необходимость соблюдать хоть какую-то диету – лучше приму потом таблетку), я набрал номер Димитрова.

– Известно что-нибудь насчет священника?

– С ним все в порядке. С училкой танцев тоже. Кстати, я выяснил, где торгуют ботинками «Согра-DiSaundress» в Пушкине. Всего два магазина. Адреса дать или мне самому сгонять?

– Сгоняй. Узнай, сколько пар было продано и не помнят ли продавцы покупателей. Мужчин и женщин.

Димитров фыркнул:

– Ты сам-то веришь, что такое возможно?

– Нет, но мало ли. Покажи фотографии.

– Учителей?

– Да.

– Ладно. А у тебя как успехи?

– Похоже, я вычислил Пожирателя.

Короткая пауза.

– Да ладно?! – недоверчиво протянул лейтенант. – И кто?

– Думаю, Наумов. Учитель танцев.

– С чего это?

– Точно сказать не могу, полной картины еще нет. Но все указывает на него.

На самом деле были возможны и другие варианты, например, с участием Ани, мстящей за своего возлюбленного, но ситуацию, в которой она могла оказаться убийцей, представить было еще труднее, чем

объяснить, почему у Наумова-учителя внешность не похожа ни на Барыкина, ни на настоящего Наумова.

Хотя это, конечно, не означало, что девушка, пусть чисто гипотетически, не может оказаться убийцей. По идее, у нее были мотив и возможность. Правда, она не вписывалась в катавасию с автокатастрофой Барыкина и исчезновением Наумова-блондина, но ведь она могла и не иметь к ней отношения. Действовать сама по себе. От таких мыслей голова немного шла кругом.

Мне принесли заказанную еду, и я принялся за нее, стараясь не думать об изжоге, которая непременно последует. По идее, надо бы перейти на геркулесовую кашку, хотя бы временно. Говорят, она даже от язвы помогает. Но не люблю я эти молочные размазни, что же поделаешь? Хотя, если бы приперло... ел бы и кашки.

«Так зачем ждать, когда тебе их пропишет доктор? – поинтересовался внутренний голос. – Не лучше ли не доводить до греха?»

От таких мыслей есть десерт расхотелось. Выпив кофе, я взглянул на часы и набрал Анин номер.

– Привет! – Голос у нее был такой, словно она запыхалась. – Я, наверное, задержусь. Еще не освободилась.

– Ничего, все нормально. Что у тебя за дело такое срочное, если не секрет?

– Сама не знаю, если честно.

– Как это?

– Да Андрей позвонил, попросил встретиться. Сказал, хочет что-то обсудить, но по телефону говорить не может.

– Андрей? – Меня что-то кольнуло. Не ревность, а плохое предчувствие. – Часом, не Наумов?

– Он самый. Мы вместе работаем, ты же знаешь.

Я вскочил за столиком, едва его не опрокинув. Официанты повернулись ко мне в недоумении, затем выражение их лиц стало подозрительным.

– И вы сейчас должны встретиться? – проговорил я внезапно осипшим голосом.

– Ну, да. Уже минут через пять.

– Где ты сейчас?

– Иду по Екатерининскому парку. Мы договорились у «Каприза»...

– Разворачивайся и дуй обратно! – только что не крикнул я, вытаскивая свободной рукой бумажник, чтобы расплатиться.

– Что?!

– Не вздумай с ним встречаться! – Я бросил на стол банкноту, которой должно было хватить, и помчался к выходу, краем глаза заметив, как официант торопливо направился к столику, чтобы убедиться, что я его не надул. – Потом все вопросы! – сказал я, выскакивая на улицу. – Просто уходи оттуда. Запрись в квартире и жди меня. Опер с тобой?

– Кто?

– Сотрудник полиции, который за тобой присматривает. – Я уже сидел в машине и вставлял ключ зажигания. Он, как назло, не попадал.

– Не знаю. Я его ни разу не видела.

– Ладно, надеюсь, он поблизости. В общем, ты меня поняла?

– Да в чем дело-то, Валера?! – В Анином голосе промелькнули истерические нотки. – Андрей убийца, что ли?

– Это вполне вероятно, – сказал я, рванув с места и вливаясь в поток машин. Слишком медленных, как мне казалось.

– Бред! – убежденно проговорила Аня.

– И тем не менее послушай меня!

– Ладно, но если что...

– Да-да! Это потом. А сейчас рви оттуда когти! И держись дорожек, где побольше людей.

– Хорошо, я поняла.

– Поезжай общественным транспортом.

– Ладно-ладно.

– Я поеду к твоему дому.

– Все, договорились. Пока!

В динамике раздались короткие гудки, и я спрятал мобильник в карман. Зачем Наумову понадобилось вызывать Аню на таинственное свидание в парк? Как она вписывается в его план? Неужели дело только в том, что она помогала мне, расследующему убийства? Или Наумов (Барыкин?) ревновал девушку?

В любом случае я успел вовремя. Теперь она будет в безопасности.

Я набрал номер Димитрова.

– Рома, нужен ордер на обыск квартиры Наумова.

– И ты считаешь, что того, что у нас, вернее у тебя, есть, достаточно?

– Не знаю. Но все равно...

– Да, я понял, – перебил лейтенант. – Попытаюсь. Я вообще-то сейчас еду по магазинам выяснять, не узнают ли продавцы купившего бог знает когда «Corra-DiSaundress».

– Молодец! – Ботинки меня сейчас интересовали мало. – Отправь кого-нибудь присмотреть за Наумовым. Сейчас он не дома, но скоро должен

вернуться.

– Откуда такая уверенность?

– Просто предположение.

Димитров усмехнулся:

– Ну конечно!

– Только пусть не попадаются ему на глаза.

– Понятно уж.

– Ну все, до связи.

Я добрался до Аниного дома через полчаса, припарковался под кустом сирени и почти бегом направился к крыльцу.

– Валера! – оклик заставил меня остановиться и развернуться.

Аня шла вдоль дома. Она помахала мне.

– Как мы с тобой одновременно приехали, – улыбнулась она, подходя.

На ней были голубые джинсы, ботильоны и сиреневая блузка, оставляющая плечи открытыми. Ветровку она несла, перекинув через левую руку.

Я заметил медленно выезжающий из-за угла белый «Шевроле». Когда автомобиль прокатил мимо, я узнал в нем опера, посланного Димитровым следить за девушкой. Значит, все это время она находилась под охраной, как я и думал. От сердца немного отлегло.

– Надеюсь, мы сейчас поднимемся, – сказала Аня, беря меня за рукав, – и ты мне все спокойно объяснишь!

– Знаешь, по дороге мне пришла в голову одна идея, – ответил я, не двигаясь с места. – Может, ты присоединишься ко мне?

– Куда-то поедем?

– Хочу переговорить с Мариной Арсеньевной.

– С психологом?

– Да. Она уже помогла мне однажды, и теперь у меня появился один вопрос.

Аня пожала плечами:

– Ну ладно, поехали. У тебя есть ее адрес?

– Нет, но это не проблема. Узнаю в отделе по базе.

Мы сели в «Олдсмобиль» и покатали.

– Аня, к тебе у меня тоже есть разговор, – начал я, мельком взглянув на профиль сидевшей рядом девушки.

Она повернулась:

– Правда?

Я кивнул.

– Это насчет Юры Барыкина. Человека, чья фотография стоит у тебя в

серванте среди кубков, – перебил я.

Повисла пауза.

Мы ехали, глядя в ветровое стекло, не решаясь посмотреть друг на друга. Я чувствовал напряжение, которое грозило превратиться в пропасть. Мне бы этого не хотелось, но я должен был узнать правду.

Наконец Аня заговорила:

– Ладно, ты прав: я соврала. Не хотела, чтобы кто-то знал о нашей связи. Она всегда была... тайной. Так хотел Юра. А потом он погиб, и... в общем, я решила, что должна забыть о нем и о том, что мы любили друг друга. Хотя не уверена, что наши отношения можно назвать любовью в прямом смысле. Они были во многом довольно болезненными.

– Почему? – спросил я, взглянув на нее.

Она не повернулась, продолжая глядеть на дорогу.

– У Юры были большие проблемы... с внешностью. Вернее, он был уверен, что у него проблемы. Все из-за тех ожогов. Он думал, что остался уродом и не может нравиться женщинам. Ему казалось, что люди на улице смотрят на него с отвращением. И никак не хотел верить, что у него все в порядке с лицом. Из-за этого у нас не очень-то клеилось, хотя мы встречались почти три года. Он сам нашел меня, предложил встретиться. И завертелось. – Аня помолчала. – Он сильно изменился. Стал совсем не таким, каким был в детстве, когда мы еще учились. Тот случай с пожаром очень повлиял на него.

– Как вы расстались? – спросил я, воспользовавшись возникшей паузой.

– Он погиб в автокатастрофе.

– То есть официального разрыва не было?

Аня отрицательно покачала головой.

– Он просто пропал на несколько дней. А потом я узнала, что он сгорел в машине. Наверное, это было ужасно! Надеюсь, он погиб прежде, чем загорелся, – добавила она тихо. – Для него это было бы самым жутким кошмаром. Худшей смертью из всех! Такие вот дела, Валер.

Я понимал, что девушка имеет в виду.

– Аня... скажи, а твой напарник, Андрей Наумов, тебе никого не напоминает?

На этот раз она повернулась с выражением недоумения на лице.

– Кого, например? И почему я должна была удирать из парка сегодня?

– Это долго объяснять. Но я постараюсь.

И я изложил Ане все, что смог выяснить о Наумове и Барыкине, а также предложил ей на суд собственные соображения по поводу того, как

могли развиваться события. Мне казалось, девушка заслужила знать... что происходит.

Когда я закончил, минут на пять в салоне воцарилась тишина. Потом Аня покачала головой и проговорила:

– Звучит фантастично, на уровне бреда. С другой стороны, все могло так и быть, если бы не одно «но».

– Догадываюсь, о чем ты, – кивнул я, ожидавший возражения.

– Да. Наумов, с которым я работаю, – не Юра Барыкин.

– Но и не Наумов, – заметил я.

– Тогда кто?

– Не знаю. Но думаю, ты теперь не в обиде за то, что я попросил тебя отказаться от встречи с ним?

Аня усмехнулась:

– Попросил? Да ты вопил как резаный!

– Ну, не совсем так.

– Именно так! Но в любом случае спасибо. Если этот человек – убийца, то, наверное, я подвергалась опасности. – Девушка задумалась, словно только теперь осознала это. – Да, я тебе очень благодарна. – Она взглянула мне в глаза, и в ее собственных что-то мелькнуло.

Я невольно улыбнулся:

– Не за что. Такая работа.

– Ты теперь, наверное, будешь относиться ко мне по-другому, – проговорила, пару секунд помолчав, Аня.

– Почему?

– Потому что я соврала про Барыкина.

– Конечно, лучше бы ты рассказала правду сразу, – честно ответил я. – Но что теперь? Главное, все выяснилось.

– Знаешь, я не могу поверить, что Юра может быть убийцей. Я его знаю, он не такой.

– Слышала о «маске нормальности»?

– Что это?

– Так называется личина, которую надевает серийный убийца, выдавая себя за обычного, ничем не отличающегося от других обывателя.

– Да, я читала как-то в журнале, что чаще всего соседи и родственники маньяков считали их вполне милыми людьми.

– Наш убийца, похоже, мстит людям, которые, как он считает, сломали ему жизнь. Думаю, его одержимость созрела годами, но проявилась лишь недавно и, вероятно, закончится, когда он разберется со всеми намеченными жертвами. Этим он отличается от типичных серийных убийц,

которые убивают ради эмоциональной разрядки и которым она необходима регулярно. Поэтому периоды между преступлениями более длительные. Наш же парень заранее составил план на все убийства и пытается реализовать его в рекордные сроки. Вероятно, он не собирается остаться в Пушкине, когда закончит.

– Сбежит?

– Попытается. У него уже есть опыт смены личности, так что, возможно, он заранее подготовил новые документы.

Тем временем мы добрались до отдела. Там я попросил дежурного пробить по базе адрес школьного психолога.

Оказалось, что Марина Арсеньевна живет на улице Хазова. Заодно я оставил дежурному черновик своего отчета, попросив набрать его в текстовом редакторе.

– Конечно, давай, – легко согласился полицейский, прихлебывая жидкий чай из большой кружки с аляповатым рисунком. – Делать все равно особенно нечего.

После этого Аня написала под моим присмотром заявление об угоне белого «Ниссана».

Когда мы с ней вышли на улицу и сели в «Олдсмобиль», она поинтересовалась:

– Что ты хочешь от Марины Арсеньевны?

– Чтобы она объяснила, почему Пожиратель пытается отыгаться на вдове Языкова. Она ведь сама ему ничего плохого не сделала. И еще, чтобы она сказала, каковы, по ее мнению, шансы вызволить дочку Языковой.

– Думаешь, она может погибнуть?

– Если вообще еще жива.

Аня заметно помрачнела.

По пути к дому психолога мы практически не разговаривали, лишь изредка перебрасываясь малозначащими фразами. И все же я чувствовал, что между нами возникла связь. Не просто симпатия, а нечто общее, что объединяет людей, становясь основой для... особенных, близких отношений.

Марина Арсеньевна жила в пятиэтажке на третьем этаже.

Пока мы шли к подъезду, я обратил внимание, что деревья вокруг домов здесь росли необычайно густо, даже тесно. Похоже, их не сажали, а просто врезали жилой район в лес, оставив его в первозданной дикости. От этого создавалось впечатление, будто клены и дубы не просто окружают постройки, а надвигаются на них, стремясь отвоевать у человека свои бывшие владения.

В квартиру нам открыла дверь не психолог, а женщина лет сорока, с короткой стрижкой, рыжая и бледная.

– Вам кого? – поинтересовалась она, прищуривая серые глаза, обведенные карандашом. Я заметил, что она опирается на бамбуковую тросточку, а лодыжка у нее замотана эластичным бинтом.

– Мы к Марине Арсеньевне, – ответил я. – Старший лейтенант Самсонов, полиция, а это Анна Вячеславовна, ее коллега.

– А-а, – протянула женщина, окинув меня взглядом с головы до ног и лишь мельком посмотрев на Аню. – Мама про вас рассказывала.

– Правда? Что именно?

– Что вы приходили расспрашивать об убийце. Только больше ничего не говорила, потому что вы вроде как с нее какую-то расписку взяли. – Женщина махнула рукой и, обернувшись, крикнула: – Мам, к тебе из полиции! Проходите, – добавила она тише и двинулась по коридору. – Дверь захлопните просто.

Мы прошли в гостиную, обставленную скромно, но со вкусом. Мебели было немного, зато на стенах висели в рамках папирусы – такие продают в египетских лавках. Один изображал сфинкса, другой – Исиду, третий вообще устройство мира. Имелись еще два небольших гобелена. На первом было жертвоприношение на вершине мексиканской пирамиды, очень напоминавшее кадры из фильма Гибсона «Апокалипсис», на втором – сцена из греческой мифологии (кажется, это были Психея и Амур).

– Не ожидала увидеть вас, – раздался голос Марины Арсеньевны. Она появилась из-за бисерной занавески, одетая в домашний халат. – Извините, что не при параде. Не думала, что сегодня гости будут.

– Нет, это вы простите, Марина Арсеньевна, что без приглашения и вообще без договоренности.

– Да ладно, подумаешь. – Женщина села в кресло и указала на диван. – Устраивайтесь. Хотите чаю?

– Нет, спасибо, – сказал я.

Аня тоже отказалась.

Марина Арсеньевна с любопытством уставилась на нее:

– А вы тут какими судьбами?

– Анна Вячеславовна тоже помогает нам в расследовании, – ответил я за девушку. – Благодаря ей нам удалось разгадать часть послания убийцы.

– Вот как? – Марина Арсеньевна покачала головой. – Ну ладно. Так что вас ко мне привело? – Ее глаза переместились на меня.

Набрав в грудь побольше воздуха, я принялся излагать последние события. На этот раз мне пришлось вдаваться в подробности, но я помнил,

что Марина Арсеньевна связана распиской, да и вообще явно не из болтливых, раз уж даже родной дочери не поведала о деталях нашей беседы.

– Словом, в первую очередь хотелось бы понять, почему убийца так упорно хочет добраться до Языковой, ведь она не сделала ему ничего плохого, – проговорил я под конец рассказа. – Одно дело разобраться с тем, кого он винит в случившемся тринадцать лет назад, и совсем другое – отыгрываться на их родственниках. Разве нет?

Марина Арсеньевна откинулась на спинку кресла и соединила подушечки пальцев. Ее лицо приобрело сосредоточенное выражение.

– Я полагаю, что тот, кого вы ищете, называет себя Пожирателем не случайно, – проговорила она через полминуты.

Я кивнул:

– Естественно, он ведь ест лица тех, кого убивает!

– Не в этом дело. Вернее, и в этом тоже, но здесь обратная связь. Позвольте я попробую объяснить. – Марина Арсеньевна встала с кресла и подошла к книжному шкафу. – Вроде она была где-то тут. – Женщина провела рукой по корешкам книг. – Ага! – Она вытащила толстый том в коричневом переплете с золотым тиснением. – Очень хорошее издание, – сказала Марина Арсеньевна, любовно поглаживая обложку. – Мифологические существа Востока, практически все здесь есть. Япония, Китай, Корея, Индия, Таиланд и так далее. Этот том про Индию. – Она раскрыла книгу на последней странице, где обычно публикуют оглавление. – Нас интересуют пожиратели. – Марина Арсеньевна подняла глаза и посмотрела на меня. – Тот, кто вам нужен, лейтенант, очень хочет преобразиться, причем радикально. Поэтому ему так важно убить вдову Языкова.

– Не понимаю.

– Ритуал должен быть завершен. Иначе превращение не состоится. Он наметил четверых врагов – ни больше ни меньше. Один умер, но символически он должен быть уничтожен. Убийца был готов отказаться есть лицо Языковой, потому что она – не тот, кто его обидел, но, так или иначе, она должна присоединиться к остальным жертвам. Впрочем, возможно, он с самого начала предвидел, что полиция ее остановит.

– Во всяком случае, теперь он заявил, что непременно съест и ее лицо.

Марина Арсеньевна кивнула:

– Думаю, так и было задумано. Все остальное было игрой.

– С нами?

– Конечно.

– А зачем все эти сложности? Пожиратель хочет, чтобы мы его остановили?

– Не думаю. Он рассчитывает преобразиться и зажечь новой жизнью.

– Тогда почему...

– Все дело в том, как мне кажется, что мотивом является месть. И она должна быть публичной – так убийца как бы заручается одобрением окружающего мира. Он наверняка думает, что даже полиция сочтет его действия справедливыми по отношению к его врагам. Хотя я могу ошибаться, разумеется. Возможно, он просто любит острые ощущения.

– А может это быть частью ритуала?

– Вполне. Но тут я вам не помощница. Надо хорошо знать обряды разных стран.

– Понимаю.

– Взгляните сюда. – Марина Арсеньевна передала мне раскрытую на нужной странице книгу.

Передо мной оказалась цветная иллюстрация существа, у которого голова, торс и бедра были человеческими, а крылья, хвост и голени – орлиные. Кроме того, у него имелся хищный клюв.

– Это Гаруда, – пояснила Марина Арсеньевна. – «Пожиратель» или «Всепожирающее». Речь идет о солнце, поэтому оперенье обычно изображалось золотым. Это существо служило верховной птицей Вишну и символизировало просветление. Кстати, у нашего директора на столе стоит статуэтка Гаруды. Он говорил как-то раз, что ему ее привезли из Индии, и он держит ее, потому что она означает обучение и воспитание.

Я вспомнил бронзовую фигурку, которую Короб поглаживал во время моего первого визита к нему. Действительно, как я теперь понял, она изображала фантастическую птицу Вишну.

– Вы думаете, тот, кого мы ищем, хочет превратиться в Гаруду? – спросил я, глядя на иллюстрацию.

– Во всяком случае, в кого-то могущественного и сияющего. Красивого и сильного. Может быть, убийца выбрал иного персонажа или придумал своего – я просто хотела, чтобы вы примерно понимали, о чем идет речь.

– Маска, которую он наносил себе на лицо при помощи грима, больше похожа на ритуальный раскрас африканских каннибалов.

– Тогда он мог выбрать мифологическое существо из какой-нибудь африканской религии. Главное, что вам следует усвоить: убийца хочет измениться, перейти грань, избавиться от своего нынешнего статуса и вознестись за счет поглощения силы врагов. Поэтому он может думать, будто станет кем-то вроде божества или демона, когда закончит ритуал. То

есть съест лицо последнего врага. Вернее, его замену.

– Вдову Языкова.

– Именно. И, как я вам уже говорила, преступник наверняка уже предпринимал робкие попытки трансформации.

– В смысле?

– Татуировки, пирсинг, бодибилдинг.

Я повернулся к Ане, не проронившей за весь разговор ни слова.

– Ты видела у Нау... у своего напарника татуировки? – спросил я, повернувшись к девушке.

– Нет, он никогда не появлялся с обнаженным торсом. А на руках у него ничего нет.

– Скорее всего, наколка, если она есть, находится на спине или груди, – сказала Марина Арсеньевна. – Думаю, это крылья.

– Тогда скорее на спине.

Марина Арсеньевна согласно кивнула:

– Очевидно, да.

– Когда он мог сделать татуировку? До или после инсценировки своей смерти?

– Почти наверняка после. Именно тогда ему на ум должна была прийти идея трансформации. Впрочем, он мог делать наколки и раньше, но едва ли они имели отношение к Гаруде. Кстати, я так понимаю, вы подозреваете Андрея Тимофеевича?

– К сожалению, да. Все указывает на него.

– Вот как! – Марина Арсеньевна удивленно покачала головой. – Да, судя по вашему рассказу, все указывает на него. И все же я никогда бы не подумала... Впрочем, это нормально для организованных несоциальных серийных убийц.

– Как вы сказали? – переспросила Аня.

Марина Арсеньевна откашлялась.

– Дело в том, что есть два типа серийных убийц. Первый – тот, который я назвала. Такой человек обладает высоким интеллектом, может быть даже гениален, если верить специальным тестам. Например, Эдмунд Кемпер на данный момент сотрудничает с полицией, помогая им вычислять преступников. Организованный несоциальный убийца хорошо себя контролирует, следит за собой. Но при этом он, как правило, имеет очень узкий круг знакомств. Общество в целом он отвергает и презирает. Часто бывает замечательным семьянином, и знакомые никогда не подозревают его в том, что он убийца. Это называется маской нормальности, которую носят подобные люди. Жертв он привлекает хитростью, а не при помощи насилия,

кроме того, у него в голове есть определенный образ жертвы, например, детали одежды или черты внешности. Но в вашем случае, старший лейтенант, преступник не очень подходит под критерии серийного убийцы, я вам уже объясняла почему.

Я молча кивнул.

– Однако есть и сходство, – продолжала Марина Арсеньевна. – Пожиратель заранее планирует преступление, продумывает место и орудие убийства. Уверена, у него очень высокий интеллект.

– Юра прекрасно учился, – вставила Аня. – Его даже хотели перевести в следующий класс досрочно.

– Ну вот, видите, – удовлетворенно проговорила Марина Арсеньевна. – Помимо этого, Пожиратель, кем бы он ни был, обездвигивает жертву и устрашает ее прежде, чем убить. Так же поступают и организованные несоциальные серийные убийцы.

– А какие еще бывают? – спросила Аня.

– Дезорганизованные асоциальные, – ответила Марина Арсеньевна. – Обычно это умственно отсталые или психически нездоровые люди, отвергнутые обществом из-за их странностей. Они не способны наладить контакты с людьми, неопрятны. Такой человек преступления не продумывает, убивает под влиянием момента. Часто оставляет себе на память фото, видео или аудиозаписи собственных преступлений, поскольку старается сохранить воспоминания о жертвах.

– Пожиратель явно не из таких, – проговорил я задумчиво.

– Вот и я вам о том же говорю, – кивнула Марина Арсеньевна.

– Если только не считать, что он забирает лица. Тоже своего рода сувенир.

– Не согласна. Для него это не способ вызвать воспоминание, а часть ритуала. Он не хранит лица, а съедает их. По сути, уничтожает.

Я поднялся.

Аня, глядя на меня, – тоже.

– Что ж, спасибо. Вы опять мне очень помогли.

– Надеюсь. – Марина Арсеньевна улыбнулась. – Если что – обращайтесь. – Она встала. – Давайте я вас провожу, а то Рита у меня сейчас не очень быстро бегаёт. Пусть сидит на кухне – она там готовит отбивные с каким-то экзотическим соусом. Из чернослива, кажется. – Женщина усмехнулась. – Я-то не люблю готовить, а вот дочка обожает.

– Я заметил, что у нее что-то с ногой.

– Да, подвернула. Ничего, скоро пройдет.

Тем временем мы вышли на лестницу.

– Еще раз спасибо и до свидания, – сказал я.

– Удачи, – кивнула Марина Арсеньевна.

Через минуту мы спустились и вышли на улицу.

На секунду мне показалось, что сумрак между стволами деревьев, окружавших хрущевки, стал еще темнее и гуще. Всплыли из подсознания образы сказочных чудовищ, притаившихся в лесу и поджидающих беспечных путников. Они таращатся из глубины и ждут, когда кто-нибудь направится к ним в лапы.

Пожиратель, кажется, чувствовал себя в ночной чаще вполне комфортно. Оно и понятно, ведь он сам принадлежал к числу тварей, обитающих в нем. Монстр в человеческом облике. Тем более опасный, что его... *особенность* не бросается в глаза. И потому жертва не чувствует, что обречена, пока на ее горле не сомкнутся клыки. Образно говоря, конечно.

– Куда теперь? – спросила Аня, когда мы сели в машину.

– Я отвезу тебя домой, а сам... займусь делами.

Девушка кивнула.

Вид у нее был расстроенный и задумчивый. Не каждый день узнаешь, что твой бывший – серийный убийца. Такое кого угодно выбьет из колеи.

– Я рада, что мы все выяснили... ну, про Юру и ту фотографию в серванте, – сказала она.

– Я тоже, – отозвался я вполне искренне.

– На самом деле я давно смирилась с его смертью, настоящей или инсценированной. Он больше для меня не существует. Он был частью прошлого, а теперь я живу настоящим. Ну, и будущим, конечно.

В Анином взгляде я прочел то, что хотел: Барыкин ушел из ее жизни и больше не вернется; а будущее учительница танцев связывает со мной!

Пока мы ехали, позвонил Димитров.

– Алло? – проговорил я, поднося телефон к уху.

– Есть новости.

– Выкладывай.

– Объехал магазины, в которых торгуют «СорпаDiSaundress». Естественно, никто не вспомнил покупателя ботинок. Смешно было рассчитывать, что его запомнили.

– Ладно, а что говорит Полтавин?

– Много чего. Правда, мало хорошего.

– А поконкретнее?

– Твои архаровцы закончили обыск местности и натащили медэкспертам целые мешки мусора, ворохи фотографий следов и так далее. Они это теперь разгребают. Кое-что, правда, отпадает почти сразу, но

материала для анализа все равно море. Полтавин считает, что они не управятся и за неделю.

Я выругался.

– Ага, – поддакнул Димитров. – Зато если у нас будет подозреваемый, можно будет сличить его ДНК с теми, которые обнаружат в лаборатории.

– Это-то конечно. Как там насчет ордера на обыск?

– Пока никак. Я еще не успел этим заняться.

Проклятье! Мне казалось, я ясно обрисовал ситуацию, и лейтенант понял срочность. Оказалось, нет. Но устраивать разборки, которые могли перерасти в конфликт, не хотелось. Сейчас было не до этого.

– Ладно, только не затягивай, – сказал я как можно спокойнее.

– Ты особо на успех не рассчитывай, – снова предупредил Димитров.

И как только он работает в полиции с таким пессимистическим отношением к делу?

– Сам знаю, – сказал я. – Но квартиру этого Наумова обыскать нужно. Упирай на то, что он живет по чужим документам.

– Это понятно. Кстати, дежурный сказал, что ты заходил с подружкой.

– Это учительница танцев из той самой школы. – При этих словах Аня бросила на меня вопросительный взгляд. – Она написала заявление об угоне.

– Видел, видел. Нашли ее машину, так ей и передай.

– Когда?

– Недавно. Стояла на углу Гренадерской и Гвардейской. Запертая и в полном порядке. Так что твоя учительница может забрать ее с нашей стоянки, когда захочет.

– Снимите отпечатки пальцев снаружи и внутри, – сказал я на это, отчаянно борясь с желанием объяснить лейтенанту, кто кем кому приходится, но смущаясь Аниным присутствием. – Предположительно этот автомобиль был угнан Пожирателем.

Секундная пауза.

– Ты серьезно?

– Абсолютно.

– Черт! Ладно, я вызову кого-нибудь из команды Полтавина.

– Давай. Я тебе еще позвоню.

– Буду ждать с нетерпением! – отозвался Димитров с сарказмом и отключился.

Я убрал телефон и повернулся к Ане:

– Нашли твою машину. Она в порядке.

– Да, я так и поняла. Но, видимо, придется подождать, пока ее

осмотрят?

Я кивнул.

– Человек, приезжавший в церковь исповедоваться, водил как раз такой автомобиль, как твой.

– Ясно. Господи, как неприятно! Теперь, садясь в нее, я буду представлять... даже не знаю что.

Взглянув в зеркало заднего вида, я заметил «Шевроле» опера, следовавшее за нами всю дорогу.

– Мы почти приехали.

Аня кивнула:

– Хорошо.

До Красноселки мы добрались буквально через пять минут. Там я попрощался с Аней и, проводив ее до квартиры, спустился и снова сел в машину.

Девушка предложила мне выпить кофе, но я отказался, во-первых, понимая, что она устала и на самом деле хочет отдохнуть после пережитого потрясения: не каждый день узнаешь, что твой парень убил несколько человек и съел их лица, похитил ребенка и теперь охотится за его матерью; а во-вторых, потому что было ясно как день: очень скоро все закрутится с такой скоростью, что будет некогда не то что кофе попить, а в туалет, пардон, сходить. И мне нужно быть, так сказать, на месте.

В голову пришло, что неплохо бы вызвать кое-кого из Питера – своих подчиненных, сотрудников «серийного отдела», но, помимо Дремина, моей правой руки, отсутствовали, как назло, Коровин и Рогожин.

Первый слег с ветрянкой, которую подхватил от племянника, а второй еще месяц назад сломал ногу, катаясь на квадроцикле. Оставался Морозов, но один он в Пушкине погоды не сделает, а вот пробежать черной кошкой между мной и Димитровым вполне может: если лейтенант решит, что я вызвал своего сотрудника, потому что не доверяю ему, со слаженной работой придется попрощаться. Димитров был самолюбив – это я понял сразу, и данный факт следовало учитывать.

Я не мог позволить нашим личным взаимоотношениям повлиять на поимку преступника. Слишком высока цена.

Я заехал в небольшой ресторан и, заглатив таблетку мезима, попросил принести мне фасолевый суп, отварную рыбу с обжаренным картофелем и фруктовый салат. Когда я покончил со всем этим и приступил к зеленому чаю, зазвонил сотовый.

Это, конечно, был Димитров.

Когда я подносил мобильник к уху, в голове мелькнуло лишь одно

слово: «Началось!»

– Наумова дома нет, так что присмотреть за ним, как ты просил, не получится, – с ходу сообщил лейтенант, едва я сказал «Алло».

«Ну конечно, его нет!» – подумал я с раздражением.

Этого следовало ожидать. Теперь, когда его план почти осуществился, встретилось препятствие в виде Языковой, и ему нужно найти способ его преодолеть.

– Зато, – продолжил Димитров, – мне дали ордер на обыск его квартиры. Так что мы уже выехали с опергруппой к нему. Можешь присоединиться.

– Естественно, я приеду. – Собственно, я никогда всерьез и не опасался, что ордер могут не выписать. В такой ситуации начальство само готово зацепиться за любую ниточку.

– Встретимся прямо там, – сказал Димитров. – Записывай адрес.

Через минуту я захлопнул блокнот и подозвал официанта, чтобы расплатиться. Зеленый чай пришлось допить залпом, несмотря на то, что он еще не успел толком остынуть. Надеюсь, температура не помешала ему снизить кислотность в моем желудке.

Дом, где жил подозреваемый, находился в двадцати минутах пути. К этому времени я уже неплохо ориентировался в Пушкине и научился более или менее точно определять расстояние от одного места до другого, однако, как назло, я пару раз попал в пробку – первый на углу Хазова и Школьной улицы, где заглохла маршрутка, перегородив движение, а второй – на перекрестке Ленинградской и Оранжерейной.

Когда я прибыл, перед подъездом уже стояли автомобили полиции и судмедэкспертов. Несколько оперов курили возле урны. Мы обменялись приветствиями.

– Димитров наверху? – спросил я.

– Да, и криминалист тоже.

– Пойду к ним.

Я поднялся на девятый этаж и буквально столкнулся на площадке с Димитровым.

– О! – вырвалось у него. – Здорово!

Дверь квартиры, располагавшейся напротив лифта, была распахнута.

– Мы только начали, – сообщил лейтенант, доставая сигарету. – Вот вышел перекурить.

– Пойду посмотрю, что там и как.

– Полюбуйся. – Димитров кивнул, щелкая зажигалкой. Перед его лицом возникло облачко табачного дыма. – Много интересного!

– Например?
– Вилки, которыми он трескал лица. Ну те, деревянные. Как они там называются?

– Не помню.
– Неважно. В общем, у него их там целый набор в специальной шкатулке. Три штуки и одно свободное место.

– Одной не хватает?

Димитров кивнул.

– Похоже, прихватил с собой.

– Он припас ее для Языковой.

– К счастью, мои парни ее охраняют.

– Но Пожиратель не теряет надежды.

– Это его проблемы. Вдова ему не достанется.

– А девочка?

Димитров покачал головой:

– Не знаю. Что ты хочешь, чтобы я ответил?

– Да ничего. Ладно, я пошел.

– Угу.

Квартира была однокомнатной.

Пахло ароматическими палочками – кажется, лавандой – и освежителем воздуха, довольно мерзким, на мой вкус. Дверь на балкон была распахнута, и там курил кто-то из криминалистов. В центре комнаты стоял сложенный диван, застеленный тонким пледом. Рядом стоял фанерный ламинированный шкаф цвета мореного дуба, возле него – комод на шесть широких ящиков. Все они были вынуты и стояли на полу, в них копались члены опергруппы.

Я прошел мимо компьютерного стола с ноутбуком и старого плетеного кресла, на котором лежала продавленная коричневая подушка. Справа от окна стояло трюмо, заставленное косметикой и стаканчиками с кисточками, расческами, ножницами и так далее.

Полтавин, стоя на коленях, копошился в какой-то коробке вроде обувной. Он выуживал из нее большими пинцетами бумаги и перекладывал их в прозрачные пакетики с ярлыками.

– Здасьте, – сказал я, подходя.

– И тебе не хворать, – отозвался судмедэксперт, обернувшись на секунду. – Вот оно, логово убийцы. Больше смахивает на холостяцкую квартирку метросексуала. – Он ткнул обтянутым латексной перчаткой пальцем в трюмо. – Видишь, сколько средств для ухода? И, между прочим, все исключительно для лица.

Я кивнул: ничего удивительного.

У Пожирателя явный комплекс неполноценности в отношении этой части тела. Где-то на кухне раздался грохот, а затем – звук посыпавшейся металлической посуды. До меня донеслась приглушенная ругань, быстро перешедшая в смех.

Я наклонился, чтобы разглядеть ряд пластиковых баночек. В одной было что-то белое, в другой – черное, в третьей – прозрачное, вроде геля.

– Что это? – спросил я Полтавина.

– Грим, – ответил тот, на секунду повернув голову. – Театральный.

– Всего трех цветов?

– А тебе сколько хотелось бы? Он череп у себя на лице рисовал, а не клоунскую рожу.

Я понял, о чем говорит криминалист: ну, конечно! Грим нужен был Пожирателю, чтобы сделать маску, которую описал бомж, видевший его в Баболовском парке.

– Он взял вилку, чтобы съесть лицо Языковой, – заметил я, – но оставил грим.

– Нет, не оставил, – отозвался Полтавин. – У него были еще баночки, поменьше. Мы нашли от них упаковки в мусорной корзине. Так что он всерьез рассчитывает полакомиться вдовой завхоза. Кстати, загляни в верхний ящик комода.

Я сделал, как сказал криминалист, и увидел пачку вырезок из журналов. На верхней был сфотографирован представитель какого-то африканского племени. Его лицо было раскрашено под череп с жутковатым оскалом.

– Там целая подборка в таком роде, – прокомментировал Полтавин. – Пожиратель брал эти снимки за образец, когда гримировался.

Подошел Димитров.

– Ну что, увидел что-нибудь интересное?

– Много чего.

Лейтенант кивнул:

– А, фотки дикарей! Видел. Не знаю, кто этот парень, Барыкин или нет, но он – точно Пожиратель.

– И сейчас он где-то ходит, вооруженный ритуальной вилкой каннибала, – добавил я.

– И не только ею.

– Конечно, нож у него тоже с собой – чтобы срезать лицо жертвы по кусочкам.

– Чего он прикопался к этой тетке, а? Вроде она ему ничего не сделала.

Ведь дело в ее муже, так?

– Скорее всего. Точный ответ может дать только сам Пожиратель.

– Если нам удастся с ним поговорить! – фыркнул Димитров.

– Обычно серийные убийцы сотрудничают с полицией, если понимают, что их вину легко можно доказать.

– Да? – В голосе лейтенанта прозвучало сомнение. – А я вот читал, что они стараются выстроить линию защиты.

– Ну, может. А что касается вдовы, то думаю, все дело в том, что ее муж умер.

– И что? – непонимающе нахмурился Димитров.

– Убийце нужно закончить ритуал.

– Какой еще ритуал?

Мне не хотелось пересказывать разговор со школьным психологом.

– Пожиратель стремится стать кем-то другим, – постарался объяснить я вкратце. – Ну, в общем, преобразиться. Он думает, что если он съест лица своих врагов, то...

– Превратится в них?

– Нет. Не так. В общем, Пожирателю, чтобы достичь цели – в чем бы она там ни заключалась, – нужно съесть лица всех врагов. А один из них умер.

– И он решил возместить эту потерю его вдовой?

– Именно.

– Ты сам это придумал? – подозрительно посмотрел на меня Димитров.

– Нет, я консультировался со специалистом, – мне не хотелось уточнять, что это был школьный психолог.

– Да? Ясно.

У меня зазвонил телефон. Это была Аня.

– Алло, – проговорил я, отойдя в сторону прихожей.

– Валер, привет!

– Привет!

– Слушай... мне страшно! – Голос у девушки был глухой и слегка дрожащий. – Я, конечно, понимаю, что это глупо и, наверное, по-детски, а ты занят расследованием, и мне бы не хотелось тебя отвлекать понапрасну... – Она запнулась.

– А в чем дело? – спросил я, насторожившись.

На паникершу Аня не была похожа, значит, что-то должно было заставить ее позвонить и протараторить все это.

– Я хотела пригласить вашего сотрудника на чай, а то ведь даже

неудобно: он столько времени меня охраняет, а мы даже не знакомы. В общем, вышла из квартиры, постояла, потом спустилась крыльцо, обошла все машины перед домом – его нигде нет.

Я вздохнул с облегчением: всего-то!

– Аня, не волнуйся. Он и не должен быть замечен.

– Я понимаю... и все же.

– Хорошо, я позвоню ему и узнаю, где он. Но уверен, что он на своем посту.

– Ладно. Я заперлась в квартире, если что.

– Молодец.

– Ты мне перезвонишь?

– Да, как только выясню, где твой секьюрити. – Я постарался придать голосу шутливый тон.

– Я буду ждать, – серьезно сказала Аня. – И знаешь что еще... будь осторожен, ладно?

Ну начинается! Попахивает какой-то киношной мелодрамой.

– Конечно, – сказал я как можно спокойнее. – Само собой.

– Просто... у меня нехорошее предчувствие, – не сдавалась девушка.

– Наш сотрудник найдется.

– Не в этом дело. То есть не только в этом.

– А в чем еще?

– Я ненадолго задремала, и мне приснилось кое-что.

– Неужели? Кошмар?

– Ну, не совсем. Как бы тебе объяснить... Бывают такие сны, в которых вроде ничего пугающего нет – если подумать, – но в то же время они оставляют неприятный осадок.

Было ясно, что придется выслушать все до конца.

– Что тебе приснилось? – спросил я.

– Да ерунда на самом деле. Как будто я со своей мамой иду по берегу Финского залива и собираю ракушки. Ну, такие зеленоватые, овальные, с двумя створками. Некоторые пустые, а некоторые нет. Они тяжелые и плотно закрыты. Мы складываем раковины в полиэтиленовый мешок, чтобы отнести домой.

– Пока вроде ничего неприятного, – подбодрил я Аню.

– Слушай дальше. Вернувшись, мы высыпаем ракушки в таз и начинаем мыть. Они пахнут тиной, но это ничего. Я откладываю пустые ракушки отдельно, на расстеленную газету, чтобы они высохли. А мама отбирает закрытые. Их она тоже споласкивает, а потом берет нож и начинает их открывать. Просовывает лезвие в щель и, слегка покачивая,

раздвигает створки. Внутри я вижу розовую плоть устриц. Словно кто-то прилепил к перламутру нечто... непристойное! Мама откладывает нож и берет в руку чайную ложку. Она отдирает ею устриц от раковин, отскабливает их, и они падают на дно таза, как куски... куски... Ну, я не знаю чего!

Аня смущенно замолчала.

Я тоже ничего не говорил, потому что не знал, что на это ответить.

– Не могу понять, почему меня это так встревожило, но я проснулась, и мне не захотелось быть одной. Я и решила позвать вашего сотрудника выпить чаю. Наверное, ты считаешь меня дурой, да?

– Нет, не считаю. Но беспокоиться не о чем, это же просто сон.

– Я понимаю.

По Аниному голосу чувствовалось, что я ее не очень убедил. Наверное, она и сама говорила себе то же самое, прежде чем набрать мой номер. И вот ведь все-таки позвонила.

– Ладно, все, забудь! – быстро проговорила она. – Наверное, это просто нервы. Так ты позвонишь насчет вашего сотрудника?

– Да, обязательно. Как только выясню, где он.

– Спасибо. Все, пока! – Она отключилась.

– Что такое? – поинтересовался Димитров, когда я вернулся.

– Звонила учительница танцев, – ответил я. – Ей кажется, что наш сотрудник ее больше не охраняет.

– С чего она это взяла?

– Не смогла его найти.

Димитров рассмеялся:

– Да, это не каждый сможет.

– Я обещал удостовериться, что он на месте.

– Да без проблем. – лейтенант достал телефон. – Я смотрю, у вас там что-то наклеивается? – Он подмигнул и прижал трубку к уху. – На свадьбу пригласишь? В шаферы, конечно, не набиваюсь, но тост за здоровье молодых подниму с удовольствием.

Секунд двадцать мы стояли друг напротив друга и ждали ответа. Когда его так и не последовало, Димитров слегка нахмурился и снова набрал номер опера.

– Странно, – протянул он через минуту.

– Я съезжу туда, посмотрю, что к чему, – сказал я, чувствуя, что ответа от полицейского мы не дождались неспроста.

Димитров смерил меня задумчивым взглядом.

– Подожди, – проговорил он неуверенно. – Может, у него просто

мобильник сел.

– Ты действительно так думаешь?

Лейтенант пожал плечами:

– Ну, всякое бывает.

– У него в машине наверняка есть разъем для подзарядки.

– Он мог не заметить, что аккумулятор сел, – не сдавался Димитров. –

Или забыть дома шнур для...

– Я поехал! – перебил я его.

– Ну, как хочешь. Если я все-таки дозвонюсь, передам тебе, что все в порядке.

– Хорошо. А если нет, то выясни пока, имеются ли в базе данных отпечатки Барыкина и Наумова, и сравни с теми, которые есть здесь.

– Мне все-таки кажется вся эта твоя версия с мальчиком, обгоревшим тринадцать лет назад в школе, малость бредовой, – признался Димитров, доставая сигарету.

– Пусть кажется, – сказал я.

– Понимаю. Ты – главный. – Лейтенант закурил, щелкнув зажигалкой.

– И побыстрее.

– Да-да, конечно.

Интересно, как вел бы расследование Димитров, если бы дело находилось только в его руках?

На самом деле я отлично понимал, что сличение отпечатков займет по меньшей мере час, а то и больше. Если уж на то пошло, то, скорее всего, часа два. Значит, я вполне смогу провести некоторое время в Анином обществе.

Но сделать это мне не удалось.

Когда я приехал на Красноселку, то сразу увидел белый «Шевроле», припаркованный напротив магазина. Внутри никого не было видно, но я все равно остановился, вылез из машины и подошел к автомобилю опера. Что, если убийца решил разделаться с Аней и для этого прикончил присматривавшего за девушкой полицейского? Возможно, бедняга лежит сейчас где-нибудь с перерезанным горлом. Например, в багажнике собственного «Шевроле». На всякий случай я не только заглянул в салон через окна, но и попробовал поднять крышку багажника. Он был заперт.

Надо бы проверить окрестности. Я, правда, не представлял, где может быть дежурный опер. С другой стороны, если этого не знал я, то откуда об этом знать убийце? Вероятно, он вообще не в курсе, что за Аниным домом ведется наблюдение.

Пока я колебался, из-за кустов показался полицейский и вразвалку

направился ко мне.

– Здорово, – сказал он, подойдя. – Что случилось?

– Почему на звонки не отвечаешь? – спросил я, уже догадавшись, что Анина тревога была напрасной.

– Да я не слышал. – Опер пожал плечами и достал из кармана телефон. – Разрядился, – прокомментировал он, взглянув на экран.

– А почему не зарядил?

– Не заметил вовремя. Теперь вот увидел и иду заряжать. А в чем дело-то?

– Ничего. Поставь на зарядку, – сказал я, отходя. – Прямо сейчас.

– Ладно, ладно. – Полицейский открыл дверь «Шевроле» и забрался в салон. Через стекло было видно, как он возится с мобильником.

– Тут все спокойно? – спросил я.

– Да вроде как. – Опер вылез из машины, одернул куртку. – Чего приехали-то? Неужели из-за того, что я по телефону не отвечал? Думали, прирезали меня тут? – Он весело засмеялся.

– Ничего смешного, между прочим.

– Да ладно! Такое только в кино бывает.

– Зря ты так думаешь. – Я мог бы кое-что рассказать этому верзиле, но зачем? Он ведь все равно решит, что просто байки травлю, чтобы его припугнуть. – Девушку не видел?

– Не-а. Дома сидит.

– Схожу посмотрю, как у нее дела.

– Валяйте. – Опер усмехнулся. – Небось для того и приехали на самом-то деле?

Я направился к Аниному дому, не ответив, по дороге набирая ее номер. Она ответила сразу:

– Алло!

– Аня, привет. Все в порядке, наш сотрудник на месте, – проговорил я, подходя к подъезду. – Никакой опасности нет.

– А ты где?

– Я хочу к тебе подняться, если ты не против.

– Что ты! Конечно, давай!

– Тогда я звоню в домофон.

Я набрал номер Аниной квартиры, и она открыла мне через секунду. Я вошел в подъезд и направился к лифту. Наверху было слышно, как щелкнул замок – девушка заранее отворила дверь квартиры.

Я уже протянул было руку к кнопке вызова, когда по лестнице разнесся пронзительный крик! У меня не было сомнений, что издала его

Аня! Плюнув на лифт, я помчался наверх, перепрыгивая через ступеньки и вытаскивая на ходу пистолет.

Когда я добрался до Аниного этажа, то увидел, что девушка стоит, прислонившись к стене и закрыв лицо руками. Видны были только ее глаза между пальцами.

«Жива и в порядке!» – пронеслось у меня в голове.

Через миг я понял, что напугало Аню: на входной двери был нарисован череп! Судя по всему, преступник использовал заранее приготовленный трафарет – чтобы сделать все быстро и тут же скрыться. Он использовал три краски – белую, черную и красную. Хотя... я подошел ближе и обнял Аню. Она тут же вцепилась в мою одежду и разрыдалась.

– Ну, ну, это просто рисунок! – проговорил я, понимая, что это совсем даже не *просто* рисунок. Это предупреждение, и адресовано оно мне.

– Я вышла, а это... здесь! – между всхлипываниями сказала Аня. Она вздрагивала, как ребенок.

– Все-все! Никого тут нет, он давно ушел. – Я слегка подтолкнул девушку к двери. – Иди в квартиру, приготовь нам чайку. – Эту гадость сейчас смоят.

– Ты не уйдешь?! – Аня обернулась на пороге. В ее взгляде была мольба.

– Только позвоню – и за тобой, – ответил я.

Она исчезла в квартире, а я прежде всего внимательно рассмотрел красную краску. Она очень походила на кровь. Конечно, с уверенностью об этом сможет сказать только эксперт. Я вытащил из кармана телефон и набрал номер дежурного опера.

– Алло? – ответил тот через пару секунд. – Ну как, все в порядке?

– А ты сам поднимись и посмотри.

– В смысле?

– Дуй сюда, и живо! – Я отключился и тут же позвонил Полтавину.

Криминалисту пришлось подождать гудков шесть.

– Ну? – проговорил он, беря трубку. – Только не говори, что кого-то опять убили!

– Очень возможно. Я стою перед дверью учительницы танцев и смотрю на то, что сильно смахивает на кровь.

– Неужели? А почему не на кетчуп?

– Вряд ли в этом сезоне кетчупом приправляют черепа на двери.

– Да, это маловероятно.

– Записывай адрес.

– Слушаю.

Я продиктовал название улицы и номер квартиры.

– Пришлю кого-нибудь.

– Давай.

В это время поднялся опер. Выйдя из лифта, он воззрился на размалеванную дверь.

– Это че такое? – спросил он недоверчиво.

– А ты как думаешь?

– Никто не мог этого здесь нарисовать, – заявил полицейский, но без особой уверенности.

– Ты к машине отходил?

– Было дело.

– В туалет?

– Само собой.

– Стой тут и карауль. Скоро приедет кто-нибудь из криминалистов, будет брать образцы на анализ. Когда он закончит, все это смоешь.

– Почему я-то?

– Потому что твое дело было следить, чтобы это тут вообще не появилось! Согласен?

– Ладно! – недовольно буркнул опер.

Я вошел в квартиру и нашел на кухне Аню.

– Чай сейчас будет готов, – сказала она. – Тебе какой?

– Снаружи на площадке полицейский. Прибудет эксперт, сделает фотографии и возьмет пробы. Потом рисунок уберут.

– Спасибо. Ты со мной останешься?

– Да, у меня есть...

Тут зазвонил мой сотовый. Оказалось, что это Димитров.

– Извини, – сказал я Ане. – Надо ответить. Алло! Что случилось, Ром?

– Валера, у нас ЧП! – Голос у лейтенанта был не на шутку встревоженный.

– Какое? – Я почувствовал, как земля под ногами слегка качнулась, и внутри все сжалось. Неужели нашли труп дочки Языковой?

– Вдова сбежала!

– Что?! – Я виновато взглянул на Аню и поспешно вышел в коридор. Ни к чему, чтобы она слышала наш разговор. Хватит с нее и того, что только что видела.

– Языкова улизнула от наших, Валера! Вот что! Я думаю, Пожиратель позвонил ей и дал инструкцию, как смыться, или она сама справилась, но факт, что ее нет! Я уверен, она пошла на встречу с убийцей. Этот парень решил все-таки ее дожать!

– Как она могла выйти из больницы? – Я недоумевал. – Там же полно полицейских. Или нет?

– Восемь человек!

– Тогда как она проскользнула мимо них? Они же глаз с нее не должны были спускать!

– Знаю, Валер. Но что поделаешь. Парни следили не за ней, а за теми, кто приходил. Они не думали, что Языкова смоемся. А она дождалась удобного момента и сбежала.

– Когда?

– Не больше часа назад. Никто и не заметил сразу. Мне только что позвонили из больницы и сообщили.

– И где ее теперь искать?

– Не представляю. Она могла уехать из Пушкина. Для этого достаточно остановить маршрутку.

Я помолчал, скрипя зубами от досады.

– Как продвигается обыск?

– Сейчас взламываем компьютер.

– Успешно?

– Вася говорит, что ничего сложного. Работы на пять минут.

– Я думаю, Наумов... ладно, будем его пока называть так для простоты... словом, я думаю, он хочет убраться отсюда после того, как закончит все дела.

– То есть убьет Языкову?

– Именно.

– И что?

– По идее, он должен был подготовиться к отъезду заранее. Машины у него нет, а ехать он, наверное, решил далеко. Может быть, на самолете, а может, на поезде. Проверьте, делал ли он бронирование, заказы или оплачивал ли отели, путевки, билеты, визу, загранпаспорт и так далее. Платил ли за что-нибудь госпошину. Поройтесь в его компе, когда вскроете. Наверняка там остались ссылки на сайты.

– Ладно, я тебя понял.

– Как там дела с отпечатками?

– Как только Полтавин снял в квартире образцы пальчиков, отправил в лабораторию, чтобы их сравнили по базе с отпечатками Наумова и Барыкина. Но их увезли минут пятнадцать назад, так что результатов пока, конечно, нет.

– Я еду к вам! – решил я.

– Давай, ждем.

– Что случилось?! – встревоженно спросила Аня, когда я вернулся на кухню.

– Прости, но кое-что случилось, и я должен уехать.

– Сейчас?

– Да.

– А как же... чай?

– Не успею, извини.

– Ты мне расскажешь, что происходит?

– Потом.

Пауза.

– Ладно, я понимаю. – Девушка явно расстроилась. – Позвони, когда... сможешь.

– Обязательно. Не бойся, с тобой ничего не случится.

– Хорошо. Постараюсь.

Я хотел обнять ее на прощание, но не стал. Было такое чувство, будто я предаю ее, но я не мог остаться с ней. Надеюсь, она поймет. Может, не сейчас, когда она наверняка испытывает обиду, но позже.

Я вышел на площадку, кивнул дежурному оперу и сбежал по лестнице. Сел в «Олдсмобиль», вывел машину на дорогу и погнал в сторону квартиры Наумова-Барыкина, прикидывая, нельзя ли как-нибудь срезать, чтобы побыстрее добраться до квартиры учителя танцев. Но так и так получалось примерно одинаково, так что я решил не плутать и ехать, как собирался.

Машинально покрутил настройки проигрывателя, выбирая трэк. Остановил выбор на одной из песен Тома Уэйтса. Его хриловатый голос, «гроулинг», критик Дэниэл Дачхолз назвал вымоченным в бочке с бурбоном и оставленным на несколько месяцев в коптильне. Однажды я попытался представить этот образ и решил, что он в принципе прав.

На дорогу ушло больше получаса, и за это время я успел прослушать несколько композиций Уэйтса. То, что надо, когда ты возбужден и немного расстроен.

Я припарковался во дворе и через пару минут уже выходил из лифта. Навстречу мне протопали два опера с коробками в руках – они несли улики в машину криминалистов. Видимо, команда Полтавина еще продолжала работать.

– Где Димитров? – спросил я у одного из полицейских.

– Там! – Он махнул рукой в сторону квартиры.

Я вошел в квартиру и почти сразу увидел лейтенанта, разговаривающего по телефону. Подойдя и прислушавшись, я понял, что он

дает указания насчет поиска Языковой.

– Привет. – Я похлопал его по плечу, давая знать, что приехал.

Димитров обернулся и коротко кивнул.

Я отошел, чтобы не мешать ему. На глаза мне попался Полтавин. Судмедэксперт стоял, стягивая перчатки. Вид у него был уставший.

– Ну, как? – спросил я. – Нашли еще что-нибудь интересное?

– Следы человеческой крови на кухне и в ванной. На плите и посуде.

– Он что, не смыл ее?

– Смыл, естественно. Но полностью удалить следы крови почти невозможно. Хоть чуть-чуть, но остается почти всегда.

– Везет, – кивнул я.

– Не то слово. И как раньше обходились без экспертизы? – Полтавин покачал головой. – Я имею в виду, химической. Ведь чернила было невозможно отличить от крови. Не говоря уж о том, чтобы определить группу или сделать анализ ДНК. – Криминалист расстегнул прозрачный пластиковый комбинезон. – Уф! Жарко!

– Ты отправил кого-нибудь в квартиру учительницы?

– Да.

В этот момент подошел Димитров. Левый глаз у него едва заметно подергивался.

– Что там случилось у этой девчонки? – спросил он с ходу. – Мне Федя сказал про какую-то кровь, но я толком ничего не понял.

Я объяснил.

– Во дает! – покачал головой Димитров, имея в виду убийцу. – Везде успевает. Еще бы какую-нибудь комнатную собачку к двери прибил для пущего эффекта! Совсем как в кино было бы.

– А у вас тут как дела? – спросил я.

– Отпечатки в квартире подозреваемого соответствуют пальчикам Барыкина. Ты был прав, Валер. Зря я, в общем, сомневался. Ты это... прости, короче. – Тон у лейтенанта был смущенный.

– Надо было пари заключить, – вставил Полтавин.

– Откуда в базе отпечатки Барыкина? – спросил я, пропустив мимо ушей как извинения Димитрова, так и комментарий патологоанатома.

– А он еще когда был самим собой, так сказать, ездил на соревнования за границу. Ну, и на какую-то визу понадобились пальчики. Та же история, что с Зинтаровым, помнишь?

– Помню.

– Так что, похоже, Барыкин сделал пластику и устроился в школу.

«А Аня уверена, что это не он!» – пронеслось у меня в мозгу.

Какой актер, однако! Или она его покрывает? Да нет, вряд ли. Зачем? Если только ее не заставляют это делать прежние чувства.

Ощувив укол ревности, я поспешно сказал:

– А что насчет компьютера или билетов? Удалось выяснить...

– Это самое главное! – Димитров даже не дал мне договорить. – В компе, как ты и предполагал, остались ссылки на сайты, которые посещал подозреваемый. Я теперь буду называть его Барыкин, раз уж мы установили его личность.

– Давай-давай. Так что там?

– Оказалось, что Барыкин заказал еще три дня назад билеты на поезд до Москвы. Так что теперь мы знаем, когда и куда он отправится после того, как... – Лейтенант вдруг замолчал.

– Прикончит Языкову? – договорил я за него.

– Ну, да.

– Во сколько отправляется поезд?

– Через полчаса.

– Как?!

– А вот так!

– Так он должен быть уже в Питере, чтобы не опоздать!

– Конечно. Поэтому я думаю, что Языкова тоже там.

– Ему придется расправиться с ней по-быстрому.

– Необязательно, – заметил Димитров.

– Почему? Времени...

– Знаю, совсем мало, но что, если она отправляется с ним? Дело в том, что Барыкин приобрел через Интернет четыре билета.

– Зачем ей это? И кто еще поедет с ними? – Я недоумевал.

– Он хочет убить ее в поезде, Валер. Барыкин выкупил целое купе, чтобы остаться с жертвой один на один.

Я на мгновение прикрыл глаза: Димитров был, конечно, прав! Представилось купе, залитое кровью, наполненное вонью горящего мяса. Убийца склоняется над женщиной с ножом в руке, чтобы превратить ее лицо в кровавое месиво! Он отрезает кусок за куском и запихивает себе в рот, орудуя деревянной вилкой. Готовить ему, вероятно, будет некогда (если он вообще готовил плоть своих жертв), так что он сожрет все сырым. Значит, кровь будет течь по его лицу, превращая его в морду упыря. Упыря с лицом-черепом, – добавил я мысленно, вспомнив о том, что Барыкин прихватил из квартиры баночки с гримом.

В этот миг у меня зазвонил сотовый. Номер был незнакомый.

– Да?! – рывкнул я раздраженно.

– Старший лейтенант Самсонов? – Голос был знакомый.
– Да, я слушаю!
– Это хорошо. – Пауза. – Потому что я хочу сказать вам, где находится Елизавета Языкова. Вы запишете или запомните?
На пару секунд я замер, затем взглянул на Димитрова. Тот говорил что-то Полтавину, и было заметно, что криминалист начинает раздражаться.
– Запишу, – поговорил я, доставая блокнот и ручку. – Кто вы?
– Пожиратель. Могли бы и сами догадаться.
– А фамилия у вас есть?
Тихий смешок.
– Где вы сейчас находитесь, старший лейтенант Самсонов?
– А вы как думаете?
– Подозреваю, что в квартире Андрея Тимофеевича Наумова.
– В вашей квартире, – сказал я.
Услышав это, Димитров вздрогнул и уставился на меня в недоумении.
– Возможно, возможно. Так вы записываете?
– Да. Где вы?
– Это неважно. Важно, где Лиза Языкова. Я диктую, старший лейтенант, и дважды повторять не стану.
Я записал адрес, вырвал листок и протянул его Димитрову.
– Что вы хотите сделать с Языковой? – спросил я. – Убить?
– Если речь идет про мать, то да, если про девчонку, то, как вы, надеюсь, уже поняли, я ее возвращаю.
– Послушайте... – начал было я, но Пожиратель меня прервал:
– Я прощаюсь с вами, старший лейтенант. Удачи с Аней.
Раздались короткие гудки, и я опустил руку с телефоном.
– Что это? – спросил Димитров, держа листок с адресом.
– Пожиратель сказал, что там находится дочка Языковой. Это он звонил.
– Живая? – уточнил лейтенант.
– Не знаю. Надеюсь. Поехали, надо торопиться. По дороге расскажешь, какие у нас шансы перехватить Языкову на вокзале.

* * *

Иногда я думаю: стал бы я есть человечину, если бы оказался в такой ситуации, когда питаться больше было бы нечем. Первый ответ, который

приходит в голову, – нет. Однако примеры из истории показывают, что зарекаться на этот счет нельзя. Многие люди, которым и в голову не приходило отведать мяса своих собратьев, делали это, оказавшись перед лицом голодной смерти.

Передо мной висит на стене копия картины Жерико «Плот Медузы». Я не случайно выбрал это полотно, чтобы украсить им интерьер. Это своего рода напоминание.

Пятого июля 1816 года фрегат «Медуза» по дороге в Сенегал потерпел крушение. Капитан с частью команды уплыл на шести шлюпках, а 150 человек остались на большом, но наспех сделанном плоту, не защищавшем от волн. К тому же у людей не было ни парусов, ни весел. Но самое главное, провизии хватило лишь на день. Почти две недели плот носило по волнам. Вспыхивали ссоры и драки, некоторые предпочитали броситься в море, чтобы не быть убитыми и съеденными. На пятый день из ста пятидесяти человек в живых осталось только тридцать два.

Когда судно «Аргус» обнаружило наконец плот, на веревках сушились куски человеческого мяса, а люди были совершенно безумны.

Другим примером может послужить история ирландца Александра Пирса. В 1819 году его за кражу обуви приговорили к семи годам ссылки, отбывать которую ему предстояло на Тасмании. Вскоре Пирс и несколько других заключенных совершили побег.

Они шли через Тасманские леса, и спустя восемь дней чувство голода стало так мучительно, что они убили некоего Александра Долтона, после чего двое беглецов смылись, опасаясь, что и их могут рано или поздно съесть.

За следующий месяц еще двое были употреблены в пищу, и в итоге в живых остались Гринхилл, его друг Трэверс и сам Александр Пирс, который явно намечался на роль следующей жертвы. Однако вскоре Трэверса укусила змея, и у него началась гангрена. Это решило его судьбу.

После того как Пирс и Гринхилл съели товарища, стало ясно, один из них рано или поздно станет жертвой другого. Больше недели они не спали, карауля друг друга. Наконец Гринхилл уснул, и Пирс зарубил его топором.

Добравшись до населенной местности, Пирс был схвачен и посажен в тюрьму, однако вскоре снова сбежал – на этот раз с одним заключенным, опрометчиво упросившим прихватить его с собой. Когда через несколько дней ирландца поймали, в карманах у него обнаружили человеческое мясо – и это при том, что в округе было полно другой еды и необходимость заниматься каннибализмом отсутствовала.

Возможно, начиная употреблять в пищу человечину люди перестают

воспринимать ее как нечто запретное, уподобляясь тем самым нашим предкам?

В любом случае я рад, что пришел к каннибализму осознанно, а не под влиянием необходимости. В этом есть что-то чистое, почти священное.

Даже не знаю, что питает меня больше: плоть и кровь врагов или их страх, сочащийся из всех пор их вонючих, слабых тел, которые не заслуживают ничего иного, кроме как послужить материалом моего перерождения!

Есть рыбы, чьи кости так мягки и подвижны, что они могут заглотить добычу, в два раза превышающую их собственные размеры. Я бы хотел увидеть такую, но это невозможно. Эти рыбыны живут на слишком большой глубине, их тела приспособлены к высокому давлению. Стоит поднять такую со дна, и она взорвется!

Так и я. С каждым поглощенным куском плоти, с каждым новым кирпичиком, превращающимся в частицу моего лица, я опускаюсь все ниже, ухожу на глубину. Меня уже нельзя остановить, невозможно извлечь из воды. Я приспособился к новым условиям. Если попытаться, я умру!

Еще одна жертва, и превращение будет завершено. Я жду этого не просто с нетерпением. Мое существование зависит от того, произойдет ли последний акт творения. Ибо я претворяю чужое тело в свое, пью с чужой кровью и страхом силу, насыщаюсь ею и возношусь над миром, обретая возделенную целостность!

Гармония восстанавливается, и душа моя поет и радуется. Чем больше мяса я пожираю, тем увереннее себя чувствую. Скоро никто не сможет посмотреть сквозь меня. Я стану осязаем, буду излучать тепло – как все!

Если бы у меня были крылья, я расправил бы их и воспарил!

Пока же я должен закончить начатое. Необходимо сконцентрироваться. Наступает решающий момент!

Я разрежу лицо последнего врага на куски, аккуратно и методично отделию мясо от костей и съем его, используя икуланибоколу. Прикасаться к низким тварям, укравшим когда-то мою сущность, незачем. Это лишь унизило бы меня. Я использую перчатки и специальный столовый прибор. Таким орудовали вожди, пожиравшие тела пленников, а иногда и своих подданных. Но я не считаю себя выше других. Я считаю некоторых людей ниже себя. Ниже всех людей. Это большая разница.

Глава 5. Огненный цветок

Суббота, 5 июня

Погода снова испортилась: с востока напоззли косматые, как огромные чудовища, тучи, и, пока мы ехали, полил дождь. Дворники едва справлялись с мощными потоками воды, вокруг же все было словно в тумане. Я приоткрыл окно, чтобы глотнуть свежего воздуха, и в салон ворвалась ледяная струя, наполненная мелкими брызгами.

С нами ехала импровизированная группа захвата – несколько оперов, которых мы прихватили, и бригада «Скорой помощи».

Наумов – он же Барыкин, он же Пожиратель – сказал, что девочка находится в квартире Сухановой. Это был неплохой ход – спрятать ее там, где уже никто не живет и куда никто не заглядывает. Я надеялся, что с ней все в порядке, насколько это возможно. По крайней мере, не убита и не изуродована.

– Мы связались с местным отделением, – говорил Димитров, нервно разминая сигарету. Он сидел рядом со мной: мы поехали на «Олдсмобиле», – и они обыскали поезд, но ни Наумов, ни Языкова на него не сели. Купе, которое Наумов выкупил, пусто.

– И что это значит? – Сейчас я туговато соображал, потому что в голове крутились мысли о том, что ждет нас в квартире Сухановой.

– Похоже, Наумов либо передумал, либо специально оставил запись о покупке билетов в своем компьютере.

Почти минуту мы ехали молча.

– Нет, – сказал я наконец, – не думаю. Скорее всего, он хочет, чтобы мы так и подумали, а он и Языкова сядут в поезд на другой станции. Надо узнать, где состав останавливается.

Димитров достал телефон, чтобы позвонить в отдел и распорядиться об этом.

– В любом случае два опера сели на Московском вокзале в поезд, чтобы засечь Пожирателя или Языкову, если они сядут на одной из промежуточных остановок, – сказал он.

Вскоре мы подъехали к дому, где жила Суханова. Действовали оперативно: поднялись, отперли дверь, вошли и сразу рассредоточились по квартире. Свет зажечь не удалось: каннибал выкрутил пробки из щитка.

Продвигаясь в полумраке коридора, я вдруг понял, что ощущаю знакомый тошнотворный запах сырого мяса.

Сердце застучало сильнее – я испытал резкий прилив страха за ребенка! Вспомнилась сцена из прошлого: цех, залитый кровью, пол, покрытый фаршем из человечины, отдельно лежащий глаз, смотрящий в потолок. Настоящая скотобойня! Нет, кое-что похуже. Место жертвоприношения безумца и идолопоклонника. Но все это осталось где-то далеко, кануло в Лету. Сейчас было другое дело и другой убийца.

Я мотнул головой, чтобы прогнать видение, и оно исчезло, но ужас перед тем, что я могу увидеть вместо девочки, остался.

Осмотр квартиры занял всего несколько секунд. Я услышал крики из соседней комнаты и поспешил туда.

Димитров не отставал.

Когда мы вбежали, я едва не завопил от ярости и отчаяния. Вся небольшая спальня была покрыта кровью! Она была на светлых обоях в цветочек, на потолке, на мебели, на окнах и занавесках, на полу и на кровати, к которой преступник привязал Лизу Языкову.

Кровь буквально пропитала простыни и подушки, отчего они покрылись бурой коркой, походящей на ржавчину. Запах стоял просто нестерпимый!

Я едва сдержал рвотный позыв, но кто-то из полицейских не выдержал и перегнулся пополам, отвернувшись к стене.

Рот у девочки был заклеен скотчем. Сама она тоже была покрыта кровью сверху донизу. Казалось, ее кромсали несколько часов, стремясь покрыть ранами все тело. Я скользнул взглядом на лицо и встретился взглядом с широко распахнутыми глазами, полными ужаса. Мертвыми, остановившимися глазами!

Так мне показалось в первый момент, но вдруг девочка моргнула и громко застонала.

– Жива! – воскликнул за моей спиной Димитров.

Я кинулся вперед, оттолкнув одного из полицейских.

Прежде всего нужно было определить, насколько серьезны повреждения. Из-за крови, которой была перемазана девочка, понять что-либо было трудно, однако мне показалось, что открытых ран на теле нет.

Я аккуратно подцепил скотч, закрывавший ее рот, и потянул. Думал, что девочка застонет, но она, похоже, была в таком шоке, что боли не чувствовала. Я отклеил ленту, и в этот момент в комнату протиснулся врач с ручной аптечкой.

– В сторонку! – скомандовал он.

Я отошел, не спуская глаз с ребенка.

Лиза Языкова вдруг закричала и забилась.

– Обрежьте веревки! – крикнул врач. – Быстрее!

Я сунул руку в карман, где лежал нож, но Димитров меня опередил. Кто-то из оперов помог ему, и через несколько секунд девочка была свободна. Врач вместе с фельдшером прижали ее к кровати и ввели успокоительное.

– Тихо! Тихо! – бормотал Димитров, в явном волнении наблюдая за этой процедурой. Кажется, он даже не осознавал, что говорит.

– Она ранена? – спросил я, когда ребенок утих.

Теперь она тихо стонала, мотая головой из стороны в сторону. По щекам текли слезы. Пришло в голову, что надо бы ее вымыть.

– Не знаю пока, – ответил врач. – Но не думаю.

– Откуда столько крови?

– Понятия не имею.

– Ее слишком много, – вставил фельдшер. – В девочке столько нет.

– Значит, чужая?

– Вероятно.

Через несколько минут врач объявил, что Лиза Языкова перепугана и находится в шоке, но совершенно цела, если не считать нескольких ссадин на лодыжках и запястьях, появившихся из-за веревок.

– Небольшое недоедание и обезвоживание, – добавил врач, подумав. – Что будет с ее психикой, вопрос отдельный.

Девочку обтерли мокрым полотенцем, укутали в одеяло и забрали в больницу.

Я вздохнул с облегчением, когда «Скорая» отъехала от дома. По сравнению с тем, что могло случиться, девочка легко отделалась.

– Слава богу! – выдохнул стоявший рядом со мной Димитров. – Хоть не убил!

Наверное, то же самое пришло в голову каждому, кто был с нами в квартире.

– Теперь надо взять Барыкина, – сказал я. – Рома, ты выяснил маршрут поезда? Где мы можем сесть на него?

Димитров кивнул и полез за блокнотом.

– Первая остановка на пути следования поезда Петербург – Москва будет в Чудово, – проговорил он, сверившись со своими записями. – Потом Бологое.

– Мы должны сесть в Чудово.

– Успеем? – В голосе Димитрова прозвучало сомнение.

– Должны. На машине, если не будет пробок...

Лейтенант скептически усмехнулся.

– В общем, шансы у нас невелики, – сказал он.

– Не будем терять время. Ехать долго, а мы не знаем ни где Наумов планирует встретиться с Языковой, ни где намеревается покончить с ней.

Димитров ничего не ответил, но я понимал, о чем он думает: вероятность того, что нам удастся помешать Пожирателю, с каждой минутой приближается к нулю. Дочь мы не спасли, надо смотреть правде в глаза – он сам отдал ее нам. Если бы захотел, срезал лицо, съел, и нам достался бы сейчас изувеченный труп.

– Чья, интересно, там кровь? – проговорил Димитров.

– Неважно. Может, купил на скотобойне или убил какое-нибудь животное. Вероятно, это та же кровь, которой он измазал дверь учительницы. Просто кое-кто продолжает с нами играть. Устроил мизансцену, рассчитанную на внешний эффект.

– Типа все это могло бы быть на самом деле, если бы я захотел? Окровавленный труп на кровати?

– Да. Но каннибал старается не убивать тех, кто не имеет отношения к его ритуалу. Думаю, ему важно, чтобы мы поняли: он не психопат, просто получающий удовольствие от того, что забирает чужие жизни. У него есть план, и его действия носят особый смысл.

– Довольно странный способ показать, что ты не псих, – заметил Димитров. – Залить всю комнату кровью!

У меня зазвонил телефон. Это была Аня.

– Что происходит?! – спросила она с ходу. – Только, пожалуйста, отвечай честно! Я не могу находиться в неведении! Сижу как на иголках.

Почти десять секунд я колебался, борясь с искушением отбрехаться общими фразами, но затем сказал:

– Аня, сейчас мы отправляемся в погоню за Наумовым. Вернее, Барыкиным.

– Как? – Девушка заметно вздрогнула. – Так все-таки?..

Я кивнул:

– К сожалению, да. Это один и тот же человек.

Короткая пауза.

– И никаких сомнений?

– Никаких.

– А что значит «в погоню»?

– Мы предполагаем, что он сядет на поезд до Москвы в Чудово или Бологое. Хотим перехватить его.

Снова пауза.

– Где вы сейчас? – В Анином голосе чувствовалась решимость.

– Неважно. Слушай, я потом тебе все объясню, но сейчас я должен...
– Подожди, Валера! Возьми меня с собой!
– Что? – Я не поверил своим ушам, потом невольно рассмеялся. – Аня, ты что?

– Я серьезно! Мне нужно быть там. Если это действительно Юра... возможно, я смогу его...

– Что?
– Остановить!
– С чего ты взяла?
– Ты же знаешь, у нас были отношения. Не все ладилось, но мы точно были друзьями.

Предложение было неожиданным, и, возможно, в нем даже содержалось рациональное зерно, однако ввязывать Аню во все это?

– Пожалуйста! – проговорила девушка.
– Брось, это дело не для тебя! – сказал я.
– Понимаю, все понимаю! Но я должна! Честное слово, Валера, я тебе обещаю, что не буду подвергать себя опасности и вообще рисковать, но я просто... обязана... попытаться!

Мне вспомнилась задвинутая в глубь шкафа фотография.

– Если вы арестуете его без меня, я увижу его только в зале суда. И то не факт. А мне необходимо понять, что... с ним случилось. Ведь я действительно любила его!

– Ладно, только держись подальше, – решил я, сам толком не зная, от чего должна держаться Аня подальше.

– Хорошо, обещаю! – воскликнула она почти радостно.
– Только нам некогда за тобой заезжать.
– Я сама могу приехать, мне машину уже вернули, – проговорила Аня с готовностью. – Скажи только куда.

– Встретимся в Чудово. Если опоздаешь, извини.

Пауза.

– Ладно, я выезжаю.

– Давай.

Я повесил трубку и взглянул на Димитрова. Взгляд у него был скептический.

– Знаю, – сказал я, убирая телефон. – Но она действительно может помочь. Если бы Барыкин был один, тогда другое дело, но у него почти наверняка будет заложник. Вернее, заложница.

– Может, мы успеем перехватить Языкову.

Я не ответил, потому что мы оба понимали: будет чудом, если мы

успеем на поезд хотя бы в Бологое.

До сих пор ему удавалось обставить нас, и даже сейчас он лидировал. Но если он увидит Аню... эффект неожиданности может дать нам шанс.

Мы расселись по машинам, и я включил навигатор, потому что не знал дороги. Хоть бы не было пробок!

Мы добрались до Чудово, как и можно было ожидать, с опозданием. Поезд ушел за десять минут до нас.

Я увидел Аню возле ее «Ниссана» и притормозил.

– Давай за нами! – крикнул я, опустив стекло.

– Поезд ушел, – отозвалась она, заметив меня.

– Знаю. Поехали!

Я нажал на газ, заметив в зеркало, как девушка садится в автомобиль. Теперь мы ехали на трех машинах, правда, в последней была только учительница танцев. И все же я надеялся, что она может оказаться полезна. В самом крайнем случае, разумеется.

Бологое мы тоже пролетели, хотя нам и удалось сократить разрыв с поездом до пяти минут. Зато теперь шоссе было свободнее, и можно было гнать во весь опор. Мы неслись по трассе, высматривая впереди состав, но пока что его видно не было.

Наконец Димитров воскликнул:

– Валера, я вижу его! Минуты две, и догоним!

Он ошибся совсем немного: нам понадобилось пять минут, чтобы настигнуть поезд, и еще столько же, чтобы добраться до станции Волхово раньше его. Когда состав остановился, мы стояли на платформе, разбившись на группы по два-три человека и смешавшись с другими пассажирами. На станции ни Барыкина, ни Языковой не было, из чего я сделал вывод, что они сели раньше – либо в Чудово, либо в Бологое.

Мы с Димитровым и Аней были вместе.

Нам достался второй вагон, остальные сотрудники распределились по всей длине поезда. Связь мы поддерживали с помощью мобильных телефонов, потому что рация сразу бросилась бы в глаза, а по сотовым люди говорят постоянно, и ничего подозрительного в этом нет. Тем более если человек садится в поезд: он может позвонить родным, друзьям и сообщить, что все в порядке, что он не опоздал и так далее.

Через несколько минут позвонил один из оперов, чтобы сказать, что Языкову засекали в четвертом вагоне, в купе, где едут еще три пассажира: пожилая дама с мужем и молодой человек.

– Это Наумов? – спросил я.

– Судя по описанию, нет.

– Все равно его надо проверить. Мы сейчас придем, следите, чтобы Языкова никуда не делась.

Мы с Димитровым и Аней поспешили в четвертый вагон.

– Приготовь оружие, – посоветовал лейтенант, доставая свой «Макаров».

– Ты собираешься стрелять в купе, где едут четыре человека? – отозвался я.

Мы перешли в третий, затем – в четвертый вагон. Там нас ждали два оперативника из Питера и три товарища Димитрова из Пушкинского отдела.

– Женщина села на поезд в Бологое, – доложил один из питерских.

– А парень, с которым она едет?

– Похоже, они не вместе.

– Может, притворяются, – предположил Димитров.

Опер кивнул:

– Не исключено.

– Но на подозреваемого этот пассажир не похож?

– Нет. Лицо совершенно другое.

Я взглянул на Димитрова.

– Надо бы убедиться.

– Давайте я, – предложила вдруг Аня. – Загляну в купе, да и все дела. Языкова меня не знает.

– А если этот парень все-таки Наумов?

– Загримировался, думаешь? – В голосе девушки звучало сомнение.

– Это было бы разумно, – заметил я. – Он ведь понимает, что его ищут.

– Надо рискнуть.

– Пусть посмотрит, – сказал Димитров. – Если это Наумов, ее появление отвлечет его, она даст нам сигнал, и мы его возьмем.

– Какой сигнал? – тут же заинтересовалась Аня.

– Ну, например, скажешь: «О, приветик!» И мы будем знать, что Наумов в купе.

– А если это не он?

– Тогда скажи «Прощу прощения, я ошиблась».

– Ладно. – Аня решительно кивнула. – Я пошла!

– Подожди, – остановил я ее. Идея запустить девушку в купе, пусть даже ненадолго, не приводила меня в восторг. – Если это Наумов и если он себя обнаружит, ни в коем случае не входи в купе.

– Обнаружит – то есть признается, что это он? – уточнила Аня.

– Вот именно. Он может пригласить тебя войти.

– И что мне делать?
– Скажи, что... – Я задумался.
– Тебе надо взять в коридоре вещи, – подсказал Димитров. – Наумов наверняка захочет тебе помочь и выйдет сюда. Так даже удобнее. Меньше риска для пассажиров.
– Думаешь, он оставит Языкову без присмотра? – спросил я.
– Она от него никуда уже не денется.
– Аня, – я обратился к девушке, – я уверен, что Наумов либо сядет в поезд позже, либо едет в другом вагоне, и мы его просто не вычислили, так что...
– Все будет нормально, – прервала она меня, берясь за ручку двери. – Я пошла.

Она решительно отодвинула дверь и встала в проеме. Последовала непродолжительная пауза, в течение которой я представлял, как взгляды всех пассажиров обратились на Аню.

– Простите, я ошиблась. – Девушка захлопнула дверь и прислонилась к стене. Было заметно, что, несмотря на браваду, она вся дрожит от нервного напряжения.

– Не он, – констатировал Димитров.
– Точно нет, – кивнула Аня.
– Опера проверили у проводников документы пассажиров? – спросил я.

– Да, все паспорта прошерстили. Ничего подозрительного.
– Мы должны просмотреть их сами.
– Ладно, я распоряжусь принести их к нам в купе.

Мы вернулись во второй вагон, где в пустом купе устроили подобие штаба. Проводница принесла нам чай в традиционных стаканах, а через некоторое время притащили паспортные данные пассажиров всего поезда.

– Отсортируем тех, кто точно не подходит, – проговорил я, беря стопку. – Затем изучим оставшиеся.

Спустя полчаса мы откинулись на спинки коек и переглянулись.

– Наумова в поезде нет, – констатировал Димитров.
– Значит, надо будет предельно внимательно отнестись к новым пассажирам, – сказал я.

– Да, но почему-то мне начинает казаться, что у него более хитрый план, чем мы думали, – скорчив кислую физиономию, проговорил Димитров. – Скажите, Аня, этот ваш приятель очень умный?

– В школе выиграл несколько олимпиад и даже висел один год на Доске почета, – ответила она. – Атак по жизни, даже не знаю. С ним было,

конечно, интересно, но не могу сказать, что он производил впечатление гения.

Я побарабанил пальцами по столу. Ситуация становилась какой-то абсурдной. Не невидимый же он, в конце концов!

– Странно. По идее, он должен был ехать с Языковой. Не договорились же они встретиться в Москве.

– Почему бы не поговорить с ней? – предложила Аня. – Все равно она одна.

– Да, это можно. Раз мы убедились, что Наумова в поезде нет, опасности вроде не предвидится. Попробуем с ней потолковать, – согласился я.

Мы опять направились в четвертый вагон. Переговорив с проводником, мы договорились, что он переведет спутников Языковой в другие купе. Чтобы не прошел слух, что в поезде полиция, нужно было придумать какое-нибудь убедительное объяснение этой необходимости снимать людей с мест, но проводник заявил, что берет это на себя. Через десять минут он пришел и сказал, что все в порядке: в купе осталась только Языкова.

– Оперативно! – воскрился Димитров.

– Как вы это сделали? – поразился я. – Неужели без скандала?

Проводник улыбнулся:

– Что вы! Меня еще и благодарили.

– И все-таки, если не секрет...

– Хорошо, расскажу. На самом деле достаточно было сказать, что в соседнем купе перевозят тяжело больных туберкулезом.

Через пять минут мы уже ввалились к Языковой. При нашем появлении она вся сжалась, и глаза у нее испуганно забегали.

– Не волнуйтесь, – сказал я. – Мы вам поможем.

– Лиза... – начала она, но я ее перебил:

– С ней все нормально, она уже дома.

– Правда? – Языкова аж подпрыгнула.

– Честное слово.

Женщина разрыдалась. Пришлось потратить минут пять, чтобы вывести ее из состояния истерики.

Наконец, убедившись, что Языкова в состоянии говорить, я сказал:

– Мария Семеновна, о чем вы договорились с Наумовым?

– Он приказал купить билет, сесть в этот поезд и ждать его. Угрожал, что, если я откажусь, Лиза умрет!

– Но теперь она в безопасности. Он сообщил нам адрес, по которому

она находилась, считая, что вы от него уже никуда не денетесь.

– Он ничего с ней не сделал?

– Нет-нет, не волнуйтесь.

– Бедная девочка! Как она это переживает? – Языкова закрыла лицо руками.

– Вы с ней скоро увидите, – проговорил я поспешно, пока она снова не потеряла над собой контроль.

– Когда? Мы сейчас поедem домой?

– Не совсем. Сначала надо арестовать Наумова, иначе он может опять взяться за свое.

Глаза у Языковой округлились.

– Только не это! – испуганно прошептала она. – Я не могу постоянно жить в страхе!

– Вы нам поможете?

– Без меня никак? – Было заметно, что женщину буквально трясет от ужаса.

– Лучше, чтобы вы остались в поезде до конца операции, – сказал я. – А потом мы вас отвезем домой.

Языкова кивнула:

– Хорошо, что я должна делать?

– В общем-то, ничего. Ждать, как и велел Наумов. Если он позвонит, скажите, что едете с семейной парой, ничего подозрительного не заметили. Но только если он сам начнет расспрашивать. В противном случае отвечайте кратко.

– Ладно. Что еще?

– Вроде это все.

Женщина помолчала.

– Он сумасшедший! Это точно! – сказала она вдруг.

Мы ехали молча минуты две, потом Аня объявила, что пойдет за чаем.

– И спросите у проводника, нет ли у него какой-нибудь жрачки, – сказал Димитров. – Неизвестно, сколько еще ждать Наумова. Может, он и вовсе не появится.

– Ладно. – Аня кивнула.

– Пойти с тобой? – предложил я.

– Нет, не надо. Я быстро.

Она выскользнула в коридор, закрыв за собой дверь.

– Я вспомнила еще кое-что, – заявила вдруг Языкова и полезла в сумку. – Преступник, как там его, вы говорили?..

– Наумов, – подсказал я.

– Так вот, он приказал мне взять с собой в дорогу вот это. – Языкова вытащила и поставила на стол литровую бутылку жидкости для розжига.

Мы с Димитровым уставились на нее в легком недоумении.

– Вам приказал? – тупо повторил лейтенант.

– Ну, да. Он опять будет требовать, чтобы я себя подожгла?

– Больше вы ничего не забыли нам рассказать? – спросил я вместо ответа.

– Вроде нет, – отозвалась Языкова, чуть подумав.

Вскоре вернулась Аня с подносом в руках.

– Вот чай и бутерброды, – объявила она, ставя поднос на стол.

– Отлично! – обрадовался Димитров. – Перекусим.

Языкова есть отказалась, но отпила пару глотков из своего стакана.

Димитров смял два бутерброда с сыром и один с колбасой, вылакал весь чай и отвалился, прислонившись к стене.

– Хорошо! – блаженно проговорил он.

Я есть не стал, выпил только чай.

Зачем убийца велел Языковой взять с собой жидкость для розжига? Ведь он явно собирался поработать над ней лично: заклеить и сожрать лицо. В этот ритуал сожжение не входило.

– Скоро Марьино, – сказала Аня.

– Уже? – Я выглянул в окно. Из-за дождя видно было плохо – как в тумане. Что-то мелькало: черное, зеленое, серое, размытое.

– Да. Мы будем переезжать мост.

– Понятно. Как там наши, в коридоре есть кто-нибудь?

– Пара человек, кажется.

Я кивнул.

– Что-то я устала. – Аня зевнула. – Подремать пока, что ли.

– Давай, конечно. Вон и Рома закемарил. – Я показал на Димитрова, который прикрыл глаза и, похоже, действительно дрых. Надо же, как по-разному действуют на людей экстремальные ситуации.

Девушка устроилась, положив голову мне на плечо. От нее приятно пахло шампунем, а сама она была мягкая и теплая.

Признаться, я бы тоже поспал с удовольствием, но дело прежде всего. Поэтому я только зажмурился, чтобы дать отдых глазам. Когда появится Наумов, он же Барыкин, мы все должны быть готовы, так что небольшая передышка не повредит.

* * *

Демон медленно и с явным наслаждением проводил ножом по Аниному лицу, и я видел, как края раны расходятся, обнажая белую кость и алые мышцы. Ее рот застыл в беззвучном вопле, в глазах читался ужас, боль заставляла пальцы впиваться в ладони, а я не мог ничего поделать, потому что был спеленут скотчем по рукам и ногам. Судя по всему, меня примотали к какому-то столбу. Дышал я с трудом – так плотно стянула клейкая лента мои грудь и живот.

Пахло костром, и через мгновение я, скосив глаза, заметил его: разведенный между двумя кирпичами, он почти ласково лизал металлическое клеймо, небрежно брошенное на угли.

Аня была привязана к вбитым в землю металлическим колышкам – ее распяли, и убийца сидел у нее на груди, держа свободной от ножа рукой девушку за волосы. Он был весь в черном – от ботинок до перчаток. Лицо скрывал грим. Хотя нет, это мне так только показалось...

Лица не было! Вместо него зияла открытая, сочащаяся кровью и лимфой рана, на фоне которой безумно таращились белки глаз. Лишенный губ рот оскалился в вечном оскале, из него стекала розовая слюна.

На груди у Ани зияла оставленная клеймом цифра. Я не мог разглядеть, какая именно. В голову пришла мысль: зачем убийца положил клеймо обратно в огонь, если уже поставил его?

Я смотрел на то, как нож рассекает плоть раз за разом, как исчезают в этой кровавой мешанине Анины черты, слышал, как лезвие скрежещет о кость, но мог думать лишь о том, почему убийца так алогичен! Это просто выводило меня из себя. Я напряг мышцы, пытаюсь разорвать или хотя бы растянуть свои путы, но даже не пошевелился.

Казалось, если я не получу ответ на свой вопрос, голова лопнет! Сердце стучало все сильнее и чаще, кровь неслась по венам, как гоночный болид на «Формуле один». Я начал задыхаться!

* * *

Проснулся я от того, что где-то совсем рядом раздались выстрелы, и сразу понял: сон был нездоровым. Глаза не желали открываться, все тело будто налилось свинцом. Напротив меня пытался прийти в себя Димитров. Вид у него был совершенно ошалелый. Когда я наконец осмотрелся, то вскочил, будто ошпаренный: в купе были только мы с лейтенантом, Аня и Языкова исчезли!

– Он здесь! – крикнул я, бросаясь к Димитрову, чтобы хорошенько его встряхнуть. Он сразу понял, кого я имею в виду, и мы бросились в коридор.

Я сунул руку под куртку, и тут меня ждал еще один сюрприз: кобура оказалась пустой!

– Он забрал мой ствол! – проговорил я, останавливаясь.

– Мой тоже! – воскликнул Димитров и тут же разразился потоком ругательств.

– Ты запирал купе?

– Нет. Аня входила последняя, она принесла чай и бутерброды.

– Блин! Она забыла про защелку!

Мы выглянули в коридор. Без пистолетов кидаться на звук выстрелов было глупо. В таких обстоятельствах действовать нужно осторожно.

– Где наши-то? – тихо проговорил Димитров.

В дальнем конце вагона снова раздались выстрелы. Я насчитал четыре и взглянул на наручные часы.

– Мы спали меньше десяти минут!

– Как Наумов мог попасть за это время в поезд и похитить Языкову?

– И Аню, – добавил я.

– Ну да, и ее тоже.

Мы торопливо пошли по коридору. Двери купе были закрыты: очевидно, пассажиры перепугались и предпочли не высовываться. Совершенно правильно сделали, кстати.

Господи, но откуда убийца взялся в поезде?! Не с неба же спустился!

Драма, судя по всему, разворачивалась в тамбуре, потому что вскоре нам стали слышны крики и вопли.

Димитров открыл первую дверь, и мы проскользнули в закуток, где располагалась урна и дверь в туалет. Здесь лежал в луже крови один из оперов. У него была прострелена грудь. Я быстро присел и приложил два пальца к его шее.

– Мертв!

Димитров тихо выругался.

– Это Толик, мы с ним два года служили!

– Рома, нас, похоже, опоили! – проговорил я, заглядывая через стекло в тамбур.

– Чем?

– Чаем. Со снотворным причем, доза была лошадиная.

– Что там видно? – хмуро спросил он, подходя.

– Ничего. Идем! – Я открыл дверь, и мы оказались в тамбуре.

Здесь обнаружился еще один труп: питерский полицейский с двумя

ранениями в живот.

– Они уже прошли в соседний вагон, – сказал Димитров.

Мы пробрались через тамбур и заглянули в дверное окошко.

– Вот они! – проговорил лейтенант. – Только... что-то я не понял!

Его изменившийся тон заставил меня подвинуть его плечом и посмотреть на происходящее самому.

– Господи! – вырвалось у меня.

Мир рушился у меня на глазах не раз и не два. Иногда казалось, что все, конец и дальше дороги нет. Но то, что я увидел сейчас, заставило меня прижаться лицом к стеклу, чтобы не закричать от ярости и отчаяния!

По коридору торопливо продвигалась Аня с «Макаровым» в руке. Она тащила за руку Языкову, которая, судя по всему, уже была не в состоянии сопротивляться. Впереди появился полицейский, и Аня тут же выстрелила в него. Пуля попала чуть левее, и опер скрылся в дальнем купе.

Не помня себя, я распахнул дверь.

– Аня! – окрик получился резкий.

Я замер на пороге.

Девушка обернулась, вскидывая оружие.

Димитров повалил меня на пол, но выстрел так и не раздался. Когда я поднял голову, Аня заталкивала Языкову в купе – то самое, которое выкупил Барыкин. Как только они исчезли, в коридор выскочили насмерть перепуганные пассажиры. Они явно не знали, что делать и куда деваться.

Мы поднялись с пола и поспешили к ним. Меня качало – не только от тряски вагона, но и от того, что ноги подкашивались.

– В соседний вагон! – скомандовал я. – Быстро! Здесь проводится полицейская операция.

Пассажиров и след простыл, а мы с Димитровым остановились перед запертой дверью купе. Лейтенант достал сотовый и попытался связаться с другими операми. Пока он этим занимался, я постучал в купе.

– Валера, это ты? – тут же раздался Анин голос.

– Я! Что происходит?!

– Прости, я была вынуждена тебя усыпить. Но я тщательно рассчитала дозу, ты бы не умер.

– Аня, что ты делаешь? Открой дверь!

Слова вылетали из моего рта сами по себе, голова же была пустая.

– Не могу. Извини! – Голос звучал уверенно, хотя и слегка дрожал. Чувствовалось, что девушка не отступит от задуманного.

– Что ты хочешь сделать?

– Думаю, ты уже понял.

– Нет! Объясни мне, какое отношение ко всему этому имеешь ты!

В ответ я услышал какой-то сдавленный звук. Может, его издала Языкова, а может, и Аня.

– Слышишь?! – крикнул я. – Зачем тебе это?

– Я должна помочь Юре! – донеслось до меня наконец.

– Как? Убив Языкову?

– Ритуал должен быть завершен.

Боже, какой бред! Неужели это происходит на самом деле?!

– Где Барыкин? – спросил я.

– Он ждет внизу.

– Что значит внизу?

– Через три минуты мы проедем по мосту через... да не дергайся ты! – прикрикнула на Языкову Аня. – ... по мосту через Волхов. Юра ждет на берегу.

– Чего он ждет? – Я взглянул на Димитрова.

Лейтенант прошептал мне на ухо:

– Она убила тех двоих, что мы видели, и ранила троих!

– Он ждет последнюю жертву! – отозвалась Аня, после чего грянули два выстрела.

Мы с Димитровым отпрянули, но девушка стреляла не в дверь. Послышался звон разбитого стекла.

– Она высадила окно! – констатировал лейтенант.

– Я пыталась тебе помочь! – крикнула Аня. – Делала, что могла. Но так получилось, что я должна выполнить свой долг. Если Юра не преобразится... – Она замолчала.

– Аня, что за бред?! – не выдержал я.

– Ты не понимаешь! Всю жизнь он страдал из-за того пожара, считая себя уродом.

– Но он не урод, Аня. Он псих!

Мне хотелось добавить: и ты, похоже, тоже! Но я, конечно, сдержался. Такой поворот событий был для меня настоящим ударом, и я чувствовал себя сбитым с толку.

– Тебе не понять! – повторила Аня.

Вот это точно!

Послышалась возня, раздался пронзительный вопль Языковой.

Димитров бросил взгляд в окно.

– Мост! – сказал он.

– Где наши? – спросил я шепотом.

– Вот они. – Он указал на врывающихся в вагон оперов. Их было трое.

– В последнем купе вагона я видел еще одного.

– Я проверю.

Димитров двинулся навстречу полицейским.

Я видел, как он заглянул в купе и затем приказал одному из оперов зайти туда. Видимо, тот, кого мы видели, был из тех, кого Аня ранила, хотя сразу я этого и не заметил.

Димитров вернулся с остальными полицейскими, и они заняли позиции для штурма. У одного из оперов в руке был универсальный ключ от купе, который он, очевидно, раздобыл у проводника.

– Аня! – крикнул я.

– Что? – Голос показался мне глуше обычного.

– Я вхожу!

– Нет! – Вопль был резкий, как удар бича.

– Давай ключ. – Я протянул руку, обращаясь к оперу.

– Уверен? – быстро спросил Димитров.

– Я буду стрелять! – крикнула Аня.

Полицейский вложил мне в ладонь ключ. Он показался мне обжигающе ледяным и невероятно тяжелым.

– Я иду! – громко объявил я и вставил ключ в скважину.

– Я убью тебя! – завопила Аня в отчаянии.

– Мы въехали на мост, – предупредил Димитров.

Больше нельзя было терять ни секунды: я не сомневался, что Аня собралась поджечь Языкову при помощи жидкости для розжига и выбросить из окна в Волхов, на берегу которого добычу поджидает Барыкин, вооруженный икуланибоколой. Он планирует выловить труп из реки и сожрать лицо последней жертвы.

Я повернул ключ, распахнул дверь и кинулся вперед, нагнувшись так, что оказался почти на карачках. Раздался выстрел, затем еще один, только уже за моей спиной.

Я увидел, как Аня резко дернулась назад, словно получила удар в грудь, но успела еще раз спустить курок. Пуля обожгла мне плечо, тут же последовала целая серия выстрелов, и девушку отбросило к окну. Она перевалилась через столик и исчезла из вида.

Я вскочил и кинулся к окну.

Аня падала с моста! Я успел увидеть, как она вошла в воду, взметнув фонтан брызг, – плашмя, раскинув руки и ноги подобно морской звезде. Пистолет она, кажется, так и не выпустила.

Я обернулся. Купе было наполнено операми, Димитров пытался привести в чувство бившуюся в истерике Языкову. Жутко воняло

жидкостью для розжига, которой Аня пропитала ее одежду.

– Барыкин на берегу! – взяв себя в руки, проговорил я. – Нажмите кто-нибудь стоп-кран!

– Только не на мосту! – возразил Димитров. – Мы не сможем спуститься с насыпи. Помогите ей, – добавил он, обращаясь к операм, которые тут же подхватили Языкову и куда-то повели.

– Похоже, ей тоже достался непростой чай, – заметил лейтенант.

Через пару минут состав все же был остановлен, и мы начали спускаться, чтобы найти Барыкина. Отыскать его в лесу, не зная даже, на каком именно берегу он засел, было практически безнадежной затеей. Но я рассчитывал на то, что Барыкин видел падающее в воду тело и решил, что это Языкова, хоть она и не горела в полете. Я надеялся, что он попытается выловить труп, и тут-то мы его и накроем.

Нам пришлось разделиться на две группы, чтобы осмотреть оба берега.

Я чувствовал жжение в плече – там, где чиркнула пуля, выпущенная Аней.

К счастью, кость задета не была. Девушка вообще почти промахнулась. Хирург мигом зашьет рану, как только доберется до меня. Придется, конечно, пропить курс антибиотиков, потому что внутрь наверняка попали микробы и грязь с одежды. Если даже не попали вместе с пулей, то теперь-то, пока я болтаюсь под дождем, а кровь течет по моей руке, наверняка попадут.

Мы с Димитровым спустились к воде первыми и рассеялись по берегу, высматривая Барыкина. Дождь лил как из ведра, ноги разъезжались в грязи, песок лип к ботинкам. Вода в реке кипела и бурлила, за двадцать шагов все уже виделось как в тумане.

Наконец один из оперов издал торжествующий возглас. Вдалеке из воды показалась сгорбившаяся фигура: мужчина вытаскивал на берег тело.

Мы кинулись туда, доставая на ходу оружие. Вернее, доставали его те, у кого оно было. Димитров свой пистолет нашел в купе, где Аня бросила его, пустой и бесполезный. Лейтенант разжился у кого-то из товарищей запасным магазином и теперь мог участвовать в охоте наравне с другими, а вот мой пистолет Аня прихватила с собой, падая с моста. Так что теперь он, видимо, покоился на дне Волхова.

Барыкин не смотрел на нас, хотя мы бежали к нему и вопили, чтобы он поднял руки.

Я увидел, что он вынимает из Аниной руки пистолет. Значит, я ошибся, и мой «Макаров» не утонул.

– Брось! – крикнул Димитров, обгоняя меня. – Брось пушку, я сказал!

Барыкин не обратил на приказ ни малейшего внимания. Он поднял пистолет и приставил ствол к голове. Нас от него отделяло метров двадцать, когда он, передумав, сунул пистолет в рот и спустил курок. Вверх взметнулся красный фонтан, и Барыкин рухнул на спину.

Когда мы подбежали, его глаза смотрели в разные стороны, а в черепе зияла алая дыра, из которой лилась кровь. Струилась она и из открытого ощерившегося рта. Дождь яростно взбивал розовую пену, которая тут же устремлялась к реке. Мой взгляд упал на осколки черепа, похожие на маленькие куски разбитой тарелки.

– Вот и все! – проговорил Димитров, опуская пистолет. – Надо вызывать «карету».

Я отвернулся, чтобы не видеть Аниного лица, забрызганного кровью Барыкина. Отошел и сел на пригорок. Машинально похлопал по карманам в поисках сигарет – подсознательно всплыла старая привычка. Сигарет, конечно, не нашлось, зато я вспомнил, что в кармане у меня лежит сложенный вчетверо портрет, который я хотел подарить Ане, когда все закончится.

И вот все закончилось.

* * *

Мы с Димитровым сидели у него в кабинете и обсуждали все, что случилось за последнее время: нужно было составить отчет и заполнить пробелы.

За окном по-прежнему лил дождь, ветер раскачивал клены и платаны, тучи стали еще темнее. Веяло унынием и безнадегой.

– Во время обыска квартиры Федотовой был найден ее дневник, – говорил Димитров, разминая сигарету. – Он здорово помог нам расставить точки над «е». К счастью, она все записывала.

– Я не читал.

– Знаю. Я читал.

– И из-за чего весь сыр-бор?

– Когда начался пожар, Барыкин находился в подсобке физкультурного зала. Его запер там Храбров, физрук. За какую-то провинность.

– Это понятно. А остальные тут с какого края?

– Химик, Зинтаров, оказался во время пожара случайно в спортзале,

услышал, как Барыкин зовет на помощь, пообещал пацану, что сбегает за ключом, но не вернулся. Почему – не знаю. Во время разбирательства утверждал, что ничего такого не было, и мальчик его с кем-то перепутал. Поскольку Барыкин его не видел, химика отпустили с Богом.

– А завуч?

– Суханова на пару с бывшим директором замяла дело.

– Почему Барыкин не преследовал родственников директора – как Языкову?

– А у него нет родственников. По крайней мере, близких и в Пушкине.

– И Барыкина спасла Боброва, – кивнул я. – За что и получала на счет прибавку к пенсии.

– Да, она пошла в спортзал проверить, всех ли вывели – она в тот день была дежурной по первому этажу. Услышала голос из подсобки, сбегала за ключом к секретарю и отперла дверь, но к тому времени повсюду уже был огонь, и им с Барыкиным пришлось залезть в бассейн. Лица они держали над водой, дыша горячим воздухом. Потом оба лежали в больнице.

– Только у парня после этого съехала крыша.

– Да, это ясно как день.

Мы помолчали.

– Почему Аня оказалась в поезде вместо Барыкина? – спросил я. – Они так изначально запланировали?

– Нет, скорее всего. Федотова позвонила Барыкину перед тем, как сесть с нами в поезд. Мы обнаружили информацию о вызове в журнале ее сотового. Думаю, она предложила Барыкину сделать грязную работу за него.

– А он должен был ждать у реки, – кивнул я.

– Именно. У него, кстати, нашлось в кармане клеймо с цифрой «один» и паяльная лампа, чтобы разогреть его.

– Дневник объясняет, почему Аня вообще помогала ему?

– Более чем. Может, сам прочтешь? – предложил Димитров.

– Нет, не хочу. Просто расскажи своими словами.

– В общем, не вдаваясь в подробности, Федотова и Барыкин не расставались, а продолжали встречаться вплоть до последнего времени. Похоже, у них была сильная любовь, но не без отклонений. Думаю, Федотова с годами немного повернулась из-за того, что у ее парня комплексы по поводу внешности.

– Он внушил ей, что должен переродиться, и для этого ему нужно съесть лица своих врагов?

Димитров кивнул:

– Да. Тех, кто, как он считал, виноват в случившемся с ним. В общем, они решили проверить это дело вдвоем. Барыкин убивал до тех пор, пока не оказалось, что мы вот-вот его возьмем. Тогда его место заняла Федотова.

Мы помолчали.

– Прямо Ромео и Джульетта! – невесело усмехнулся Димитров.

– А в поезде что произошло? – спросил я, проигнорировав его замечание. – Ты ведь поговорил с операми?

Димитров положил сигарету на стол, так и не закурив.

– Языкова сказала, что почувствовала тошноту (видимо, в ее чай было добавлено что-то особенное), и Федотова предложила ей свою помощь, – сказал лейтенант. – Они отправились в туалет, только Федотова задержалась в купе – очевидно, чтобы забрать наши пушки. Короче, они прошли по коридору, а когда один из оперов спросил, куда они направляются, Федотова сказала, что Языковой плохо. Их пропустили, и они заперлись в сортире. Правда, ненадолго. Оставив Языкову в толчке, Федотова вышла и столкнулась с одним из полицейских. Он увидел у нее пистолет и все понял – так, по крайней мере, я думаю. Федотова его опередила. Началась стрельба, и ей пришлось пробиваться с боем.

– Почему она вообще куда-то поперлась? – спросил я. – Зачем было подмешивать Языковой...

– Она знала, что мы проснемся, если она высадит окно в нашем купе, – перебил Димитров. – Снотворное подействовало быстро, но оно не отрубил нас надолго. Мы очнулись, едва слышали выстрелы, а если бы она начала палить прямо в купе?

Мне вдруг пришло в голову, что Аня могла бы пристрелить нас с Димитровым, пока мы спали. Или насыпать в чашки не снотворное, а яд.

И еще в голове прозвучали ее слова: «Я тщательно рассчитала дозу. Ты бы не умер!»

– Аня пыталась помочь нам остановить Барыкина, – сказал я. – Поэтому и раскрывала смысл его подсказок. Но она не решалась сдать его.

– Наверное, это любовь, – пожал плечами Димитров.

– Может быть, – отозвался я.

– По крайней мере, девчонка не была каннибалом. – Мне показалось, что лейтенант пытается меня утешить.

– Она помогала Барыкину, – ответил я. – Знала, что он делает. Кроме того, она застрелила двоих полицейских, плюс ранила троих. Думаешь, я ищу ей оправдания?

Димитров пожал плечами.

– Теперь мы, по крайней мере, знаем, как убийца просочился на

лестницу Федотовой и раскрасил ей дверь, – сказал я. – В кавычках, разумеется.

Полтавин провел анализ крови, оставленной на двери Федотовой и на теле Лизы Языковой. Оказалось, что она принадлежала нескольким собакам. Барыкин отловил и прикончил, по крайней мере, трех животных, чтобы сцедить у них кровь. Я вспомнил слова школьного охранника о пропавшем Фредди, любителе объедков из столовой. Вероятно, и он стал одной из жертв склонности преступника к внешним эффектам.

– Аня... то есть, Федотова сама сделала рисунок черепа и измазала дверь кровью, а потом разыграла истерику. Очень убедительно, надо сказать.

– Главное, что она не убивала, – сказал Димитров.

– Да, наверное, – согласился я, хотя уверенности у меня в этом не было.

Те трое, чьи лица съел Барыкин, не вызывали у меня особого сочувствия, но преследование Языковой и похищение ее дочери казались мне деяниями, не заслуживающими... я не говорю про оправдание, но даже понимания! И Аня помогала в этом убийце. Была ли у нее уверенность в том, что каннибал не тронет ребенка? Или она готова была закрыть глаза и на это?

Эти люди ни в чем не провинились перед мальчиком, чью психику повредил пожар, произошедший много лет назад. Его месть не должна была коснуться их. Если он рассчитывал на то, что окружающие признают его право на расплату, то зря. Для всех он останется в памяти чудовищем, одним из тех, о ком пишут криминальные газеты. Маньяком.

Кстати, школьный психолог оказалась права: у Барыкина была татуировка. Огромный череп на спине, окруженный орхидеями и хризантемами. Полтавин сделал фотографии и прислал нам.

Димитров объяснил мне, что это японская символика. Череп символизирует естественный круг жизни, изменения. Орхидеи – храбрость и силу, хризантемы – совершенство.

Барыкин стремился к преобразению, думал о нем постоянно и в конце концов подчинил все свое существование этой постепенно развившейся мании. Очевидно, он изменил походку, жестикуляцию, интонации и даже голос – не даром никто его не узнавал. Но этого оказалось мало. Ему нужно было лицо – взамен, как он считал, утраченного в детстве. И ради этого он стал каннибалом.

К вечеру нам с Димитровым удалось составить отчет, и мы вышли на улицу подышать свежим воздухом. Дождь немного поутих, ветер

прекратился, и теперь вода падала отвесно, так что мы спокойно стояли на крыльце отдела под козырьком. Димитров закурил, а я потягивал из кружки растворимый кофе. Небо на горизонте очистилось от туч и было ярко-розовым.

– Ветрено будет, – заметил лейтенант. – Ты завтра домой?

Я кивнул.

– Переночую в последний раз здесь и утром снимусь с якоря. Мне ведь тоже надо предоставить своему начальству отчет.

– Понимаю. Ладно, если завтра не увидимся, удачи тебе, Валер. Был рад с тобой поработать. – Димитров протянул мне руку.

– Взаимно. – Я с чувством пожал его ладонь.

– Кстати, у тебя еще есть время подумать, что ты хочешь в счет моего проигрыша. Помнишь? Я ведь тебе должен.

– Нет, не помню.

– Это оказались серийные убийства. Ты был прав.

– Ах, это... да, теперь вспомнил. Я поразмыслю. Потом.

Димитров понимающе улыбнулся:

– Конечно, Валера.

Через десять минут я вошел в свою квартирку при Пушкинском отделе и сразу отправился в душ. Потом сел на кровать и вытащил из куртки сложенный вчетверо листок. Развернул и некоторое время разглядывал Анин портрет. Ее лицо на нем выглядело лукавым и радостным – я бы хотел запомнить ее такой, но вряд ли мне это удастся.

Я скомкал листок и положил его в медную пепельницу, видимо оставшуюся от предыдущего жильца. Затем взял спички. Мне пришло в голову, что такой конец для портрета будет вполне символичным: все это дело прошло под знаком огня. Огня и крови.

Я чиркнул спичкой о коробок, и через несколько секунд в пепельнице расцвел красно-черный цветок. Бумага медленно расправлялась под действием жара, и на миг из пламени выглянула часть Аниного лица.

Радостного и лукавого.

КОНЕЦ

Table of Contents

[Майк Германов Безликий](#)

[Глава 1. Царь-ванна](#)

[Глава 2. В трех соснах](#)

[Глава 3. Последний заплыв](#)

[Глава 4. Ультиматум](#)

[Глава 5. Огненный цветок](#)